

ДЖАМБУЛ
МОЯ РОДИНА

*произведения
советского
периода*

1918-1945

ДЖАМБУЛ
моя родина

В двух томах

Том второй

Произведения
советского периода

84 Каз 7—5
Д 40

Джабаев Джамбул.
Д 40 Моя Родина. В 2-х т. Пер. с каз. Алма-Ата:
Жазушы, 1986.—208 с.
Т. 2. Произведения советского периода: Стихи и
поэмы.

Во вторую книгу включены стихи и поэмы о Великой Октябрьской социалистической революции, о Ленине, о воинском подвиге и ратном труде советского народа в годы Великой Отечественной войны, а также лирические песни и поэтические размышления, написанные в советский период.

Книга печатается по изданию: Казахское Государственное издательство художественной литературы «Жазушы», 1981 г.

Д $\frac{4702230200-193}{402(05)-87}$ 186—86

84 Каз 7—5

© Оформление, «Жазушы», 1987

АКТИВИСТАМ

Конец мира еще не настал,
И от песен Джамбул не отстал.
С неба молния не упадет —
С джайляу народ не уйдет.
Не исчезнет имя Джамбул
Ни от баев и ни от мулл.
Ненавидят они меня,
А боятся, как огня.
Я все тот же акын Джамбул,
На слова я все так же остер.
В чей, скитаясь, забрел я аул?
На кого я занес топор? —
Пока держится в теле душа,
Пока песня, как жизнь, хороша,
Хуже вас я не буду жить.
К беднякам вы не так добры.
Я же буду народ любить,
Песнь слагая под звон домбры.
Буду петь свои песни я,
Будет песня кипеть в огне,
Дорогие мои друзья,
Не случайно вы встретитесь мне!

НА ТОРЖЕСТВЕ КАЗАХСТАНА

Долго мой край был окутан в туман,
Теперь здесь родился родной Казахстан.
Зрелости полной достиг мой народ
В созвездии братских стран.

Народа мечта вековая сбылась —
Сложена дома крепчайшая часть,
Прочна она, как опора моста,
Наша Советская власть.

Радость наполнила душу мою,
Весел и рад я, на той иду.
Эй, бедняки, укрепляйте же власть,
Ей и о ней я пою.

Как аргамак вольной степью летит —
В радости сердце народа кипит.
Страна, я с тобою был вместе всегда
И молод теперь, как джигит.

Тебе, тебе, возрожденный народ,
Песни Джамбул вдохновенно поет!

БЕГ ВРЕМЕНИ

I

Когда я в девятый десяток вступил —
Страх старое тело мое охватил.
Торопят года мои в царство могил,
Но к жизни послушное слово вернул
В канун своей смерти старец Джамбул.
Все то, что видел, — в песни вдохнул.
Пусть многое помнит акын о былом —
Всего не поведать в толгау одном.
Рассказ мой неполон — согласен я в том,
Но плохо ли это, хорошо —
Внимайте акыну с открытой душой.
Время торопит к пределу нас,

Силы уходят из тела у нас,
И оставляет народу завет
В девятый десяток вступивший поэт.
Свидетелем многих лет я был,
Я в песнях их горький след хранил.
Есть сотни песен, что я сложил,
Пропеть их снова пришла пора.
Живые! Слушайте их до утра,
Прикиньте сами своим умом,
В чем смысл сказания о былом,
И не считайте пустыми слова,
Что вам поведать Джамбул готов.
Джамбул, запевая, взмахнет крылом,
Джамбул, запевая, парит в былом.
Сколько путей поросло быльем,
Сколько людей перед ним прошло,
В прошлое кануло навсегда,
Как в легкий пар уходит вода.
Хан, языком суливший мед,
Хан, притеснявший бедный народ,
Ушел из мира с большим табуном,
С нетерпеливым степным скакуном.
И юноша, весел он был и смел,
И девушка с черной косой до земли —
Такой же приняли горький удел
И навсегда из мира ушли.
Воин, храбрый защитник сынов,
В бегство своих обращавший врагов,
Мужественный, непобедимый батыр,
Навеки покинул сей бранный мир.
И тот, чьи мысли под стать жемчугам,
Чьи песни бурным подобны ручьям...
Так мир покидают и добрый и злой.
И тот, кто покинул земной простор,
Песен моих знавал узор.
За восемь десятков пройденных лет
Я многих встречал на своем пути,
Я вновь оглянулся сегодня им вслед,
Чтоб старые песни свои найти.
Народу я эти песни дарю,
Народу песней я говорю:
— Бессмертны ли вы, я вам говорю,

Юношам и старикам говорю,
Я, умирая, с собой не беру
Ни песню свою, ни свою домбру,
Придет пора мне глаза закрыть —
Не остановится песен река,
И вы придете благодарить
От всей души своего старика.
Тайна времени скрыта в сердцах,
В песне времени нет конца.
Смотрю на прошедших годов череду:
Вижу горе, вижу нужду,
Вижу, как выростал человек,
Не встретив месяца светлый бег,
Не встретив солнца дневного лик.
Мыкал он горе, к нужде привык,
Был его спутником ханский гнев,
Бил его бек наотмашь плеча,
Бай у него отбирал посев,
Бия над ним висела камча.
Черной горой давил народ
Времени тяжкого гнет,
Лишал он тебя ума,
Воли лишал навсегда,
А на спине сидела сама
Грузным горбом нужда.
К счастью тропинки скрыты песком,
Нет и кровинки в лице твоём.
А ты сегодня вокруг посмотри:
Над всею страню лучи зари,
Не солнца, взглянувшего из-за туч,—
Надежд исполненных яркий луч,
Жизни свободной прозрачный ключ,
Счастье души озаривший луч.
Руки достали до облаков,
И просияло слово «Совет»,
Слово светлее всех прежних слов,
Слово, народу давшее свет.
Баев и биев прочь изгоня,
Росли мы сильнее день ото дня.
Мы закаляли себя трудом,
Мы поднялись могучим хребтом.
Красное знамя горит в вышине,

Повсюду видное в нашей стране.
Большой народ свободно вздохнул,
У самых печальных пропала грусть,
И тут распрявился старик Джамбул,
Читай его слова наизусть,
Запомни акына простые слова:
Старых законов нет,
Новый закон един —
У женщин теперь права,
Что у тебя, мой сын.
Исчезла вражда племен,
И дружба пришла в страну,
И старый Джамбул в домбре
Переменил струну.
Пусть слушают внуки мои
Волшебные звуки домбры,
В беседах моих круговых —
Акына взволнованный стих.

2

Нам был тяжелый жребий дан —
Стонал в неволе Казахстан.
В те сумрачные времена
Народом правил гордый хан,
К его аулу знатный льнул,
Разбой, грабеж, гульба, разгул
Запугивали бедный люд,
И страх внушал его аул.
И вести, полные тревог,
Во все концы степных дорог
О гордом хане разнеслись.
Никто бороться с ним не мог,
Все низко кланялись ему,
И новый появился хан:
«Вся степь подвластна одному»,—
Он так сказал, но вслед за ним
Нашелся третий, одержим
Желаньем гордым ханом стать.
Над степью встал пожаров дым,
Междоусобицы костер
В степях огни свои простер,
Набегом в полночь на аул
За первенство решался спор!

А кто был притеснен и бит?
Не хан, что гневом знаменит,
Не гордый хан, не хитрый бек —
Народ был под ярмом обид,
Простой кочевник-скотовод,
Что пас овец у чистых вод,
Что песни мирные хранил
Из века в век, из рода в род.
Так стал народ мой к знанью глух,
И в юртах песен свет потух.
Гнет наступил, тяжелый гнет,
И рабства цепь надел пастух,
Он пас, он водопой искал,
Его хвалили свысока,
А если он терял овцу —
В кровь избивали батрака.
Он рвал свой нищенский халат,
Он крикнуть был от боли рад,
Но крикнуть не хватало сил.
Вот так в степи бывало, брат!
Что делать, если семена
Богатый бай забрал сполна?
Страдал батрак, лишенья нес,
Терпела все его спина.
Ощипанной он птицей был,
Без перьев птицей и без крыл,
Обглоданною костью был.
Взамен сурпы он воду пил.
Жена и дети в батраках,
Рабами быть велел им страх.
Им волосы хозяин рвет,
Их тело вечно в синяках.

3

В гневе царь Николай опять.
Где ты, казахских аулов знать?
Царь приказывает созвать
Самых богатых баев степи.
Дарит халаты им царь из парчи,
Им офицерские дарит чины,
Словно вручает к богатству ключи.
Но снова бедный народ в нужде.

Баев опора — царский трон,
Для бая приятен лукавый закон,
Но батраку непонятен он —
Батрак стоит в стороне.
Ему забытым и нищим быть,
Ему соленые слезы лить,
Горе-горькое переносить —
Вот судьба батрака.
Батрак порой не в своем уме,
Лепешки нет у него в суме,
Глаза его не видят во тьме,
Теряет силу рука.
Он стал теперь терпеливым рабом,
Рабом с молчаливым закрытым ртом,
За байским он стал ходить скотом,
Знай свое место, батрак!
Платы за труд он совсем не знал,
Просьбам его не внимал аксакал,
Он псом батрака недостойным звал,
Знай свое место, батрак.
«Слово твое — продырявленный грош,
Ты и обличьем с людьми не схож,
Жалобой нас, батрак, не тревожь.
Знай свое место, батрак».
Тот, кто богат, кто именит,
Лишь перед выборами польстит:
Деньги сулит, одежду сулит —
Люби меня, дескать, батрак.
Его приметит волостной,
Его прикармливают сурпой,
Его, как коня, ведут за собой,
Чтоб голос его добыть.
Лишенный воли, лишенный сил,
Батрак свой голос тому дарил,
Кто тяжестью гнета его давил,
Кого ненавидел батрак.
Бороться он с баем уже не мог,
И в разуме отказал ему бог,—
Вот доля твоя, батрак.
Нету коня, чтобы ехать верхом,
Радость оставила бедный дом,
Лохмотья вместо одежды на нем,
Печаль, как печать, на лице,

В юрте его ржавеет казан,
Как перед казнью, в глазах туман,
Удел неудачника ему дан,
Счастья ему не видать.
Снова над бедным глумится бай,
А если поспорит бедняк невзначай,—
Осудит его волостной.
Небрежно он бросит пару слов
С колючей насмешкой в конце усов.
Он бая всегда поддержать готов,
Голодному он не слуга:
«Ты оскорбил того, кто богат,
Того, кто в почете от юрт до палат,
Ты в штраф отдавай коня и халат,
Помни, кого оскорбил.
Как ты решиться на это мог?»
И бедняку его пару ног
Вдевают в один дырявый сапог,
Мол, поплясать сумеи!
«Веди скорей коня за собой,
Только халатом его прикрой —
Иначе расплатишься головой
За дерзость свою, кедей!»
Не рассчитал бедняк своих сил:
Он бая злым языком оскорбил.
Мудро весьма волостной рассудил:
«За оскорбление — штраф».
Безропотен в горе казах-кедей,
Он лошадь последнюю свел, а с ней
Надежды лишился вконец.
Рассудок кедея покинет тут,
Домой, подгибаясь, ноги ведут,
Несчастья в горьком тумане плывут,
Не вспомнит их всех певец.

4

Не счесть богатства бая в степи,
Он грабил всюду, куда ни ступи.
Поборами нажил бай-хитрец
Большие отары курдючных овец.
Жирные мысли устремлены
Теперь на покупку новой жены.

Первую сладость вкусив одной,
Жадный бай потерял покой.
Нет проку от бая, но сила за ним,
Народ заплатит за бая калым.
Сам волостной, угрожая камчой,
Будет жесток и неумолим.
Бай не отступит, бай упрям.
Внимают в ауле байским словам:
«Сами отдайте,— я вам говорю,—
Скупитесь — плохо придется вам...»
Бай хищно зевает широким ртом.
Достиг он блаженства — пять жен при нем.
Он видит в довольстве владенья свои,
Он видит, как полнится доверху дом,
Но воле его не подчинена,
Из дома бежит молодая жена.
Бай в гневе, он не дозволит ей
Порочить знатные имена.
Жены он родичей созовет:
«Мне за обиду отдайте скот».
Уездный начальник беглянку-жену
В самом далеком ауле найдет.
Вольность ее не сохранит,
Связанную, в слезах возвратит.
Ей некуда больше теперь уйти,
Поведать некому горьких обид,
Рыдает она, распустив волоса:
«Жизнь моя горше участи пса,
Не я ли на топку кизяк припасла,
Не я ли телят и ягнят пасла?»
Босой ногой ступает на лед,
Не охраняет от непогод
Рваное платье ее.
Душа ее тело покинет вот-вот,
И одинешенька-одна
Песенку злую поет жена,
Она нелюбимому песню поет
Горькую ночь напролет.

ПЕСНЯ ЖЕНЫ

Со мною провести ты ночь
Уже два месяца не мог,
Твои издевки мне невмочь,
Пускай тебя накажет бог.
Твои мне ласки ни к чему,
Не в ласках старика — мой свет.
Меня ты заточил в тюрьму,
Я стала дряхлой в двадцать лет.
Я дом оставила родной,
Была я жертвой для утех,
А после — жалкою рабой,
Пусть на тебя падет мой грех.
За что — никак я не пойму —
Таскаю воду и дрова.
Твоя жена в твоём доме
Утратила жены права.
Другим я женам не ровня,
Ты глух к словам обид моих,
И кроме крика для меня
Ты не находишь слов других.
Покорная, без сил и сна,
Я вижу в радости обман.
Теперь судьба моя одна —
Пахучий собирать джусан.
Мой старший брат, глаза закрой,
Как ты, как родичи могли
Так поступить с своей сестрой,
Швырнуть на жаркие угли,
На рабский труд, в ярмо забот,
Где солнца нет, где вечно мгла.
Меня вы продали за скот,
Чтоб я слезами истекла,
И ваша жирная еда
Не пахнет ли моей тоской?
А я — голодная всегда
И с непокрытой головой.
Не вынесу я свой удел,
Пусть на тебя мой грех падет.
Ты от баранов опьянел,
Как я пьянею от невзгод.
Не вынести мне всех обид.

И если муж, хваленый бай,
Глумления не прекратит,—
Уйду я в безвозвратный край.
Нет горестней моей судьбы,
На мне лохмотьев рваных след.
От слез нет слова у рабы
И смелости для жалоб нет.
Я вижу горький свой конец,
Никто от бед меня не спас.
Вы, братья, ты, родной отец,
Пускай мой грех падет на вас.
...И я в отчаянье стою,
Я вспоминаю: волостной
Не принял жалобу мою,
Ушла в слезах, ушла с тоской.
Я вспоминаю, как потом
Настигла новая беда.
Меня, связав тугим узлом,
Опять отправили сюда.
Мулла приходит в байский дом,
Не здешний — из приволжских стран.
«Жена — твоя раба, о том
Рассказывает наш коран».
Он куропаткой семенит,
Медоточивый байский льстец,
Он шариадом мне грозит
И предвещает мой конец.
Меня одолевает страх,
Я вся в слезах, я вся в слезах.

Они приехали с двух сторон,
Казань их послала и Бухара,
В степь нести правоверных закон,
В аулах читать по-арабски коран.
И, сотворив священный намаз,
Учат детей для отвода глаз.
Байскому сыну — почтенье муллы,
Достоин он всяческой похвалы,
Мечеть посещает и строен собой,
А сын байгуша недостоин хулы.
Он в старую рваную шубу одет,
На нем ни сапог, ни шапки нет,
Дрожит вислоухим лошонком он,

Ему недоступен белый свет,
Шерсти клочья на нем висят —
С весны не линиявший лошонок космат.
Ты посмотри, сын байгуша,
Как байского сына приятен наряд.
К нему приезжают отец и мать
Подарки мулле с уважением отдать,
А в стороне стоит байгуш,
Тяжкою думой полна душа:
«Эх, был бы мой сын на него похож,
Меня б не бросало в горькую дрожь».
Вот сын бедняка приходит, и строг
Мулла, говорит: «Ты садись на порог
И ближе не смей, ты пачкаешь торь
Следами своих немых ног».
Сын бая и в драке будет прав,
Когда подерутся в пылу забав,
И разве только перед муллой
Он ниже травы, тише воды.
Несправедливый учитель мулла
Бедняцкого сына обидит всегда.

...Издалека, из-за черных гор,
Голову плотно закутав чалмой,
По шариату потупив взор,
К наряду идет хаджи святой.
Разум теряет народ перед ним,
Хаджи приступает к реченьям своим.

СЛОВА ХАДЖИ

Вы послушанья дали обет,
Платите аллаху за скот зекет.
Благословляет святой отец:
Из отары в сорок овец
Одну отдавай, о темный люд,
И овцы тебя от греха спасут...
...Ты знай — загробный мир тебя ждет,
И там тебя не насытит скот,
Добро твое будет тебе не впрок,
Не я говорю — говорит сам бог,
Зекет со скота нам свыше дан.
Внемли. Я читаю тебе коран.

Если ты хочешь ныне и впредь
Благословенье сыну иметь —
Трижды девять жертвуй в мечеть,
Сын твой будет умом наделен,
Помни всегда аллаха закон:
Не принесешь кобылицу в дар —
В загробном мире несдобровать,
В загробном мире есть адский жар,
Которым будут тебя пытаться.
Казахи, слушайте слово хаджи,
Слушайте все — и стар и млад:
Храните божий закон — шариат,
И вы на том свете минуете ад.
Скот нечистый из стада прочь,
Своим бесчестьем коран не порочь,
Пища тебе пойдет во вред,
Пока не уплатишь сполна зекет.
Думай о царстве загробном, казах,
Да будет твоим провожатым страх,
Сотню коней пересчитай,
Сто первого в жертву аллаху отдай.
Думай о страхе адских тревог,
Сколько ни дашь ты — избыток далек,
Как аллах сказал, так и знай.
С урожая кушур отдай.
Прочитаю тебе, казах,
Из корана священный стих:
«Там за гробом богатства — прах,
Вера в аллаха — богатство живых».

Вот так мулла в ауле лжет,
Так погружает в тьму аул,
Обманывает так народ,
Чтоб он на ложный путь свернул.
Бий и манап — друзья хаджи,
Бий и манап — опора лжи.
Не может к жизни воскресить
Умершего священный стих.
Вот так «покойника спасти», —
Овец суягных увести —
Могли священные отцы.
Их правда — спрятать все концы,
Их правда — взятка и обман,

Их книга — «праведный» Коран,
Но с ними не пошел народ,
У бедного в глазах туман.
Куда ему пути торить,
Как честь и правду сохранить?
Где новый путь ему обрести,
Где правда, совесть где и честь?

5

Царь Николай глубокий канал
Вырыть в Кызыл-Кумской степи приказал,
Но и в Кызыл-Кумах хороших дел
Казахский народ от царя не знал.
Была у царя рука длинна,
Повсюду в степи доставала она,
И восемь «майоров» шестнадцать рук
Тянули к народу, как цепкий паук.
Зло испытала степная страна,
Лучшие земли забрала казна,
И безземельная беднота
Как будто огнем подпалена.
Спасенья искала в песках беднота,
Везде настигала их горя пята.
Соленые слезы труженик лил,
Мечту о земле он свято хранил.
Вам правду сейчас говорит поэт,
В бумагах есть записи этих бед.
Но мало земли лишит народ,
В уплату налога уходит скот.
Лишенный земли, лишенный отар,
Куда же теперь бедняк пойдет?
Когда его землю взял закон,
Смиранный, не прекословил он,
Застыл, рыдая, на полуслове он,
Неотвратимым несчастьем сражен,
Несчастьем, посланным белым царем
В казахскую степь из столичных хором.
Казахи имели много земли,
Но пользу извлечь из земли не могли:
В аулах ученых людей не найти,
И были богатства земли взаперти.
И скрыты были недра ее,

Плоды, что украсили б щедро ее.
Лежали золото и серебро,
Свинца изобилье и медных руд,
Не доставалось нам это добро,
Казалось, его без нас разберут.
Повязку невежества на глазах
С обидой носил кочевник-казах.
Он видел, как шарит чужая рука
В родных степях и родных горах,
Как нюхают золото господа,
Как ищут к земным богатствам ключи,
Как, наконец, добрались сюда
Из дальней Англии богачи.
Возникли заводы там и тут,
В твоих просторах, наша земля,
Найдут запасы железных руд,
Запасы каменного угля,
Свинец откопают, добудут медь,
Россыпи золота и серебра,
И, крадучись, жадно будут смотреть,
Что же еще утаила гора?
А ты здесь годы бродил, бишара,
Эта гора — твоя гора.
А ты не знал, казах-бишара,
Что здесь у тебя так много добра.
Ты смолоду грамоты не разумел,
Хозяйство кочевника — вот твой удел,
Лучшие земли твои забрал
Ага-волостной, бай-аксакал.
Взял твои земли пузатый бай,
Мырза разжиревший разграбил твой край,
А на заветные клады земли
Чужие жадные руки легли.
Просторна наша земля, широка,
В ней от Урала к Алтайским горам
Простерлись степи Сарыарка,
Открытые всем кочевым ветрам.
В ней от Джунгар до Алтайских гор
Легло оазисом Джетысу,
В ней Балхаша озерный простор
Красит волной степную красу.
И слыли раем земным во славу
Гора Кокчетау, гора Баянтау.

В лесах зеленеют ель и сосна,
Травы нагорных лугов шелестят,
Вода в быстротечных реках ясна,—
Так изобилен наш край и богат.
Но был разграблен родной наш край,
Отмерена за верстою верста,
Лучшее отнял сам царь Николай,
И мы покидали родные места.
В голодную степь, в Бетпакдала,
Нужда нас жестокой камчой гнала.
И снова лучшие земли забрал
Мырза разжиревший, бай-аксакал.
Прохладой вновь упивается бай:
«Мой кыстау — вот сущий рай»,—
Кичится бай, ухмыляется бай:
«Мой джайляу — вот сущий рай,—
Кыстау, джайляу мои,
Раздолье покосных лугов мое.
Я вас прогоняю из этих краев.
Ты клевер, бедняк, от меня не таи,
Покосы и клевер тоже мои,
Ты землю немедля мою покидай»,—
Волю свою объявляет бай.
Съжившись тихо в жалкий комок,
Уходит бедняк по одной из дорог,
Не мог он бороться и возражать.
Земли и правды добиться не мог.
Идет он, съжившись в жалкий комок,
Тяжелое бремя послал ему бог.
Идет он без сил, вспоминая долги,
Страшится несчастный новых тревог.
Из дома выгонят бедняка,
Съест его, горемыку, тоска,
Опустошенный, он изможден,
В дырявых лохмотьях, повисла рука:
«Вес потеряли мои слова,
Я только обжился едва-едва,
Меня изгоняют, мне помощи нет,
В несчастьях хмелеет моя голова.
Клочок земли я хочу вспахать,
Но где мне вола для распашки взять?»
Есть путь один — это знает он —
Снова к баю идти на поклон.

Может, расщедрится жадный бай,
Может, он даст своего вола,
Может, на счастье взращу урожай,
Может, поправлю свои дела.
Принимая смиренный вид,
Низко кланяясь, он говорит:
— Будьте милостивы, ага,
Видно, гибель ко мне пришла,
Мои дети без молока,
Во дворе моем нет вола.
Одолжите корову мне,
Помогите своим волом,
Я посею хлеб по весне,
А к зиме расплачусь с долгом.
Соглашается сразу бай:
— Вот волы, байгуш, впрягай.
Он обрадован, он бегом
Возвращается к детям в дом.
Он сгибается от забот,
Может, кончатся дни невзгод?
Пашет, сеет, боронит он
И надеждой на хлеб живет.
С ним хлопочет его детвора,
С ним на пашне жена с утра,
Дружно трудится вся семья,
Чтоб иная пришла пора.
Он отсеялся, но позвал
Бай его прокопать канал
И пустить на посевы свои
Освежающие струи.
— Я тебя не оставлю в беде,
Помогу, несчастный, везде,—
Обещает ласково бай,
Изнывает батрак в труде.
Колосятся в долинах хлеба.
С гор идет за арбою арба,
То с летовки вернулся аул,
А бедняк не расправил горба,
Он трудился на бая, как раб,
Он совсем от работы ослаб,
Поседел он, лишился сил,
Он в лохмотья чапан износил.
Хлеб созрел, хорош урожай,

Но на жатву приехал бай.
Видя золото спелых нив,
Необычно бай тороплив.
Он доволен, свои мешки
Полновесным зерном набив.
Из отары байской баран
Самый старый идет в казан:
Лицемер угостил батрака
Бесбармаком, скрывая обман.
К баю хлеб пошел в закрома.
А бедняк? Он сошел с ума,
Он весной и летом был слеп,
Если думал взять себе хлеб.
Разве он человек, бедняк?
Поучает бай его так:
— Я по праву старшего взял,
Я тебе быков отдавал.
Что останется — то твое,—
Бай последний мешок завязал.
— Я, ага, вас теперь молю
Жеребенка поездить дать,
Я его сенцом откормлю,
А иначе мне погибать.
— Это просьба твоя смешна,
Ты заездишь мне стригуна.
Жеребенка я не отдам,
О судьбе своей думай сам.
Бай идет отдыхать на курпе,
А бедняк, покорный судьбе,
Без запаса пищи опять
Будет с голода умирать.
Многих баев я повидал,
Беззаботных хозяев встречал.
Что им скот? Что зимовка им?
На них трудится стар и мал.
Их забота — сон и еда.
Сгинет пара отар — не беда.
На зимовках без сена скот,
Без кормов у бая стада.
В день морозный узнает бай,
Что добычею волчьих стай
Стало много худых овец,
Что кормам наступил конец.

«Ты — виновник всех наших бед,—
Бай кричит пастуху в ответ,—
Ты ограбил меня, лентяй,
И тебе прощения нет.
Ты несчастье приносишь мне,
Конь погиб по твоей вине.
Что тебе, лентяю, платить,
Если ночь ты проводишь во сне?
Не насытить тебя никак,
Ты прожорливей злых собак,
Ты собрался меня извести.
Чтоб ты сдох, голодранец-бедняк.
Нет, тебе не прожить свой век,
Разве ты, батрак, человек?
Разве я тебя не жалел,
Когда твой отец околел?
Волчьей злобой глаза полны,
Желчью дышат мысли твои,
Ты, добра не помнящий пес,
Отгони мои табуны!»

Так уходит в стужу пастух,
Замыкая несчастий круг.
Бай ему не поставил юрты,
Ждать от бая ль ему доброты?
Он сквозь стужу в лохмотьях своих
Гонит степью чужие гурты.
Прокоптил ему дым костров
Платье старое из лоскутков,
Нет у жалкой шубы полы,
Нет на обуви каблуков.
Дождь октябрьский сменяют снега,
Застревает в сугробах нога,
Бедняка пронизали насквозь
Стужа льдистая, ветер, пурга.
Обессилил голод его,
Обездолит холод его,
В день морозный в степи батрака
Настигает смерти рука.
«Пастуха одолел мороз»,—
Кто-то баю известье принес,
И кому-то бросает бай
Слово краткое: «Закопай».

Кун не для бедных. Отец зарыт,
Жена и ребята рыдают навзрыд,
Сменит раздумье слезы жены:
«Кто нам поможет, кому мы нужны?
Скот продать? Только где он, скот?
К баю идти? Он жесток и упрям».
Но все же приводит жену и сирот
Дорога надежды к байским дверям:
— Наш хозяин покинул дом.
Безутешны мы в горе своем.
Нашу просьбу, радетель, прими,
Я по миру скитаюсь с детьми,
Помоги, ага, чем-нибудь,
Укажи нам к спасению путь,
Ты сирот его пожалей,
Одари нас лаской своей.
Неприступен бай и суров,
Нет у бая ласковых слов:
— Ничего я не брал у вас,
Взял аллах, аллах и отдаст;
Я прошу вас мне дать покой,
А на мой порог ни ногой.

6

К нам в степи купцы налетают, как дождь,
Овечье руно забирают за грош,
Глаза завидущие смотрят вокруг —
Мерлушки им мало, и шерсти, и кож.
Купец по дешевке закупит товар,
Резвится он, глядя на сотни отар,
Он их в Андижан перегонит, а там
Перепродает богатырям-купцам.
Добытчик миллионов не будет в раю,
Но твердо он знает дорогу свою.
Спокоен и весел заезжий богач,
Охочий до легких нажив и удач,
С ним тоже в аулы приходит беда,
Он тоже обманщик и опытный плут,
И если он с баем поладит всегда,
То батраку заготовил он кнут;
И где бы он ни был, бедняга-батрак,
Его не заря ожидает, а мрак,

И он покоряется горькой судьбе,
Сил не имея к неравной борьбе.
И если бы срезал мяса кус
С тела живого хозяйский нож,
Привыкший к обидам, покорный трус,
Он был бы с тихой овцою схож.
Тяжелое время! Я слышу стон,
Идущий к нам из глуби времен,
В душу народа страх проникал,
И даже храбрый трусливым стал.
Батрацкое слово — ломанный грош,
Правда его сходит за ложь.
Он голос возвысит — беднягу ведут
На скорый суд, на неправый суд.
Глаза ему выколуют, снимут чапан,
Коня-скакуна отберут за обман.
Бай возвратился счастливый домой:
«Правилен суд справедливый мой,
Свое получил по заслугам кедей,
Как будто нет без него людей».
А бедняка единственный путь —
Ноги свои протянуть.
Отчаянья страх и горя страх,
На шее ярмо и путы в ногах,
Что делать тебе, несчастный казах?
Твои надежды развеяны в прах,
Рассудка, видно, лишился ты,
Горем своим упился ты,
Правда твоя сошла за ложь.
Чем же ты душу свою спасешь?
Как молот, вбивающий в войлок кол,
К нему волостной с наставленьем пришел:
«Добра не расходуи, будь бережлив...»
Нахмурятся люди, бедняк молчалив,
Он губы сжимает, не зная вины,
Не понимая слов старшины.
А волостной, как змея, шипит:
«Ойбой, ты хвост подожди», — говорит.
«Кто правит мудро людьми, — говорит, —
Тому богатство принадлежит...»
И про себя бедняк
Думает так:
«Если я с баем борьбу поведу, —

Впаду в нескончаемую беду».
Бедняк запомнил слова угроз,
Что бай однажды ему произнес:
«От жизни твоей у меня ключи,
Твой скот по праву сильного — мой,
Все отберу для казны, молчи!
Слаб ты, бедняк, и труслив душой.
Смирись перед нами, несчастный, смирись.
Нашей силе, бедняк, покорись.
Спротивляться? В своем ли уме?
Путь на земле окончишь в тюрьме.
Шутки с нами шутить — беда!
Такое покажем, что взвоешь тогда».
В неравной борьбе получив удар,
Падает бедный в глубокий яр,
Никто не поможет теперь ему,
Его заточат теперь в тюрьму,
Либо, вконец разоренный, он,
Воды и овец лишенный, он,
Обложенный непосильно, он —
Уйдет из тьмы предмогильной он,
Бродяжить долгой дорогой уйдет
И песню такую тогда споет:
«Меня нужда к борьбе звала,
Я право бедных защищал,
Меня сразила та стрела,
Которую я сам послал.
Царь бедняка не защитит,
Царь байские права хранит.
Бедняк — добыча для орла,
Что кровью насыщаться мог.
Его несчастьям нет числа,
Как нет конца его дорог».

7

Народную честь народу вернуть,
Правде новую силу вдохнуть,
Народ возвратить на верный путь —
Маркс и Ленин смогли.
И встал с колен народ-исполин,
На правое дело встал, как один,
На битву призванный властелин,

Хозяин своей земли.
Вожди нашли дорогу ему,
Добавили силы много ему
И снарядили в бой.
Тот, кто судьбой обездолен был,
Кто молчаливым в неволе был —
Встали одной стеной.
Батрак и бедняк заодно с пастухом
Не захотели быть под ярмом,
Горе терпеть под байским кнутом —
Вышли на смертный бой.
Ленин великий! Это ты —
Свершенье вечной народной мечты.
Ты победил навсегда волостных,
Баев и хитрых прислужников их,
Ты победил царя.
Встала над степью счастья заря,
Ярко лучами ее освещен
Новый закон — Советский закон.
Заводов труженики и земли
Заговорить свободно смогли,
И женщина, что молчала года,
Стала свободно навсегда.
Наше богатство, что бай накопил,
Наше право — отдано нам.
Нынче хозяин народных сил
Тот, кто овец выпасал богачам,
Кто при царе Николае жил
У самого края глубоких могил,
Кто был угнетен, как несчастный раб,
От жажды и голода кто ослаб.
Бай — бедноты извечный враг —
Сброшен отныне в бездонный овраг.
Я видел — освобожденный народ
Дорогой труда к изобилью идет,
Я видел улыбки на тысячах лиц;
В просторе освобожденной земли
Я видел косяк степных кобылиц,
Что нам своих жеребят принесли;
Я видел — коровы дают приплод,
Верблюдицы — верблюжат,
Я видел, как шел в отарах окот,
Я слышал, как песни звучат.

В Совет пришла заседать беднота,
Она былой бедноте не чета,
Всем известны ее права,
И полновесны ее слова.
Хозяин в отары пришел теперь,
Хозяин богатство свое вернул.
Советам отныне судьбу свою вверх,
Степной, пробужденный к жизни аул!
Батрак и бедняк заодно с пастухом —
Хозяева жизни в краю степном.
Советы нас пробудили от сна,
Советами нам справедливость дана.
Ясный путь, правильный путь,
Путь, который правдой зовут,
К светлой вершине по имени Труд,
Путь к свободе и счастью в века
Нам Ильича указала рука.
Кончился жирного бая гнет,
Мулла не сочит ядовитый мед.
Великая партия большевиков
Сомкнула нас в грозный, могучий ряд.
Народы объединились на зов
Светлого месяца Октября.
Голос народа — голос мой,
Мы сами правим своей судьбой.
Возмездье народа принял бай,
Свободно дышит мой вольный край.
И только воспоминанья порой
Глаза затуманят невольной слезой.
Но прошлого исчезает туман,
Свет разума нам Советами дан.
Он распахнулся, степной простор,
Он с морем счастья и правды схож,
У наших вождей орлиный взор,
Они из речей изгнали ложь.
Для внуков моих просветлели дни,
Я вижу — в школах горят огни,
Огни справедливости и наук,
И деду в труде помогает внук,
Струится знанья волшебный родник,
К нему молодой и старый приник...
И, размышляя, я увидал
За перевалами перевал,

Окинул грядущее, и зажглась
Вершина хребта, как костер вдали,
С этой вершины открыты для нас
Дороги во все концы земли.
Нас вывели Маркс и Ленин из тьмы,
И славит их мой песенный стих,
Рожденные смертными, как и мы,
Они бессмертны в делах своих.
Я возвращаюсь к нынешним дням,
Пройдя по прошлым трудным путям.
Так я в девятый десяток вступил,
Все то, что я видел,
я в слово вложил.

Дальних путей, трудных дорог
Я горькие песни для вас сберег,
Чтобы свободный познал человек
Думы народа, времени бег.
Песен собранье, сказы мои —
Вам в назиданье, друзья мои!
Пусть ваша память их сохранит,
Счастья над вами заря горит!
Увидите сами грядущий путь,
Ленина знамя вовек не свернуть.
Друзья мои милые, мой народ,
Несметною силой стремитесь вперед!
Ясное солнце сияет для нас,
Закон окрыляет мудростью нас,
Мысли Великий рождает для нас;
Покорным, как прежде, народ, не будь,
Стремленье вперед —
твой надежный путь.

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ

Милые мои, вы почтительно дали мне слово. Но оправдаю ли я ваши надежды? Ведь давно прошла пора, когда, бывало, я пел звучным и сильным голосом. Сейчас мне уже восемьдесят восемь лет. Выпали все мои зубы. Обратились бы вы ко мне в минувшее время, когда я соревновался с акынами на больших тоях, я бы исполнил любое ваше желание. Я ничего не пожалею для вас и теперь. Где мои силы, чтобы дать вам все, что вы хотите?

Но если нет у меня голоса для пения звучных песен,— в сердце моем еще хранится жемчуг слов. Вашу просьбу исполню я не напевом, а песней, сложенной по вашей воле.

*Старик мой Нуржан, перо с тобой,
Ты нам полнозвучную песню спой,
Доселе не знал соперников ты.
Источник ли — сердце акына — пустой?*

Так говорил сам Нуржан Наушабаев.

Силы собери свои, Джамбул,
Час настал, чтоб ты смелей шагнул,
Буйной молодой травой сошлась
Юность отовсюду в твой аул.

Песню ты сложи, и даст покой
Юность, что стоит перед тобой.
Ты, Жаке, не на чужом пиру —
Для свободной молодости спой.

Не скупись! Открой сундук, старик,
Отвори поэзии родник,
Одари глотком живящим нас,
Слов неиссякаемый родник.

Понапрасну сердце пусть не ждет,
У тебя ль домбра не запоет?
Ты, как четки, строки нанижи,
С языка янтарный капнет мед.

А-у! Начну! Коснусь я струн
И удаль юных воспою.

Я — перегнавший всех скакун —
Забыл ли я байгу свою?

Копыта ль сбиты? Мой удел
На месте ль шаг перебирать?
Народ вокруг, я снова смел,
Я, старец, вновь готов скакать.

Домбра! Я сызмальства навек
Стал эхом песенным твоим,
Сравнялось семьдесят, но бег
Как прежде, бег неукротим.

Домбра! Взгляни со мной назад,
И вспомни тоя шумный пыл...
Дошел я до Семи Палат
И песней всех опередил.

Там мне вручили первый приз,
Я принял приз, но что мне он?
Тогда текла иная жизнь,
Обманом был ее закон.

Мне показалось, как тогда
Вокруг меня стоит народ,
Неужто в славные года
Джамбул сильнее не запоет?!

Узоры песенные вей
И от себя не отрекись:
Неужто в этом торжестве
Упустишь ты желанный приз?!

Язык, ты немоту забудь,
Рассыпьте, песен жемчуга!
Я славлю песней вольный труд,
Горяч и быстр он, как байга.

Джамбул и смерть принять готов:
Надежен молодости путь,
Как неизменен жемчуг слов,
Что в сердце крепко берегут.

Эпоха — ваша. Так сказал
Джамбул, и спор излишен здесь.
Я знаю — золотой металл
В огне не обратится в жечь.

И шелк в лоскутьях — так и знай —
Такой же нежный шелк — не бязь.
Алмаз хоть с глиною мешай —
Не будет походить на грязь.

Булат, ударясь о гранит,
Не затупляет острие,
Джамбул для юности хранит
Стихов сокровище свое.

Внимайте, как поет Джамбул,
Он побеждает на байге.
Он краски песен развернул
Как в яркой радуге-дуге.

Догнать его? — Едва ль, едва ль.
Он сердцем так помолодел,
Что песнями уходит в даль
Грядущих помыслов и дел.

И кони мчатся на ветру,
Вершится слов весенний сев.
И повторяет степь вокруг
Джамбула старого напев.

НА ДЖАЙЛЯУ

В то раннее утро не парил зной,
Стояла в степи тишина,
Но Ер-Назар, мой колхоз родной,
Вставал уже ото сна.
Я слышал: растут голоса в тишине,
Катятся вдаль волной —
Колхозники наши пришли ко мне
Потолковать со мной.
«Веди, — я услышал такие слова, —
Нас на джайляу, Жаке,

Туда, где налитая соком трава
Не вытоптана никем.
Там ветры, как шелк, там чиста вода,
Веди нас, Жаке, туда!»
И я отвечал: «Хорошо, идем»,—
Поднялся и сел на коня.
Мы вместе поехали за табуном
В ласковом свете дня.

Ржали, резвясь, жеребцы-скакуны,
И словно под звук струны,
Были сердца наши счастья полны,
Запахом трав пьяны.
Горы сверкали белой чалмой,
Парил в вышине орел,
Колхоз Ер-Назар веселый мой
Я на джайляу вел.

Вода нам навстречу бежала с гор,
Прозрачна и холодна.
И я устремил к Алатау взор...
Родная моя сторона!
Если и веки сомкну, найти
Сумею джайляу во мгле...
Будем мы добрых коней пасти
На тучной нашей земле.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе в мраморный мавзолей,
Бессмертный, родной, любимый.
Не умер ты! Не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твое имя!

Стал мавзолеей твой сердцем земли,
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь!
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Данишпан!

Ты думал о каждом из нас.

Данишпан!

Ты нас от шакалов спас.

Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы нас, угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел — в них блещет жизнь твоя
И твой завет последний.
Я слышу — в Кремле твое сердце бьет,

.
.

И там, где орлиные взмахи легли,
Там счастье для всех угнетенных земли,
Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас,
Мой Ленин! Живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных...

АКСАКАЛУ КАЛИНИНУ

Здравствуй, здравствуй долгие годы,
Кровный брат мой,

чей пост велик!

Вновь мы вместе — седобородый
Аксакал и Джамбул-старик.
Ты в аул наш освобожденный
Прошлой осенью приезжал,
Высшей истиной умудренный,
Там ты руку мою пожал...
В наш колхоз, чье имя «Калинин»,
Ты, Калинин, приехал сам;

Было там торжество-мейрам.
Отдал степь ты навеки нам,
В край, что некогда был пустынен,
Путь открыл ты земным дарам;
Расцветает хозяйство наше,
Взрыта трактором целина,
Не видали мы весен краше,
Чем калининская весна.
Вот на пастбища верблюжата
За верблюдицами спешат.
Возле маток своих ягнята
По душистым травам кружат,
И колхозные жеребята
Ржаньем душу нам веселят;
Пастухи тот скот сторожат.
«Степь должна быть скотом богата»,—
Так сказал ты нам, друг и брат.
Скот наш вырастет во сто крат...
Светит солнце сегодня всем,
Мой сегодня привет — салем
Михаилу, сыну Ивана.
Я приехал ему сказать:
«Посети нас, Калинин, опять,
Мы зарежем тебе барана,
Средь известных тебе степей
Будь почтеннейшим из гостей!»

ПЕСНЯ
НА ПОЛУЧЕНИЕ ОРДЕНА

Джамбулу девяносто лет...
Я пел всю жизнь. Я стар и сед.
Но стал на старости кедей
Счастливей всех людей...

...Беру я орден и пою
И клятву верную даю:
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ.
Орлом над степью проплывет.
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны,
Жить стало лучше, веселей
На Родине моей.

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Джамбул — с любимую домброй...
Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов...

...Я по степям родным пойду,
Я песней путь в сердца найду,
И буду петь все веселей
О Родине моей!

ГАСЕМУ ЛАХУТИ

О дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-фарсидски пропел, Лахути.

С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.

Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиную песню поет.

Моими словами казахский народ
Заветную песню пускает в полет.

Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.

Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.

Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.

И Янка, акын белорусских полей,
Льет песни — теплее, чем крик журавлей.

Запел весь Советский Союз многоликий:
Русские, узбеки, казахи, таджики.

На празднике звени и цветы,
Фирдоуси правнук, акын Лахути.

Как воды арыков под сенью зеленой,
Поем мы, и с нами поют миллионы.

О Родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развеянной в прах,

О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обилье, о пышном богатстве,

О том, что не стало насилья и зла,
О том, что земля на заре расцвела.

Взгляни, Лахути! Разрастается сад,
Тюльпаны и розы в саду шелестят.

Волна ароматов нам головы кружит,
Росинки лежат ожерельем жемчужин.

Над нами яснее небес бирюза,
Сияние радуг ласкает глаза.

И ветер в плену соловьиного шелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.

Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,

И выси хребтов, и пространство степей,
И недра земли, и глубины морей...

...Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.

Мы дружно, как братья, народам поем
На разных наречьях, но об одном.

В казахском жыре, в персидской газели
Одни у нас мысли и чувства созрели...

Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути!..

...Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

УМЕР БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Пой от скорби и горя, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул:
Умер Горький — большой человек.
 Буревестник крылья сложил,
 Гордый сокол на скалы упал,
 Он народам песней служил,
 К светлой правде Родину звал.
Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким ясный рассвет,
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.
 Но во тьме его песни зажглись,
 Как созвездья на небе ночном.
 По стране его песни лились
 И сердца зажигали огнем...
Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
И, как верного друга, любил.
 Он принес нам песни борьбы
 Из жемчужин сверкающих слов.
 Выпрямлялись от песен горбы
 У забитых нуждою рабов.
В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел,
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над страною плыла весна,
Свежих росных цветов полна.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.
Отсверкал, откипел, отзвенел
Светлый, чистый кипучий родник.
В нашей самой счастливой стране
Умер самый счастливый старик.
Плачьте, струны из турьих жил!
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный гений любил.

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина.

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

Законы Аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.

По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шее народа сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Маленький след дорогу рождает.
Море из родника вырастает,

Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой рождаются дети
Самые радостные на свете!

А с ними в колхозе рождаются песни —
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет.

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.

Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта.

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы,

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

...С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,

С песней о Родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей...

ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ

Горишь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.

Жемчужины песен ты миру создал,
Из черного века твой гений сверкал.

Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем даря.

Не в битве великой и не от меча —
Погиб ты от грязной руки палача.

Но что тебе смерть, если песня жива?
Сияют твои золотые слова.

Сто лет пронеслось, как тебя погребли,—
Ты стал всенародным акыном земли.

Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорус и казах.

Из песен твоих не забыть ни одной,
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!

Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.

Живем мы все лучше и все веселей,
Греми же, бессмертный, как жизнь, соловей!

ПУШКИНУ

Слова твоих песен — вершина вершин,
Поэзии мастер, великий акын.

Сравнить ли тебя с океаном, акын,
Измерить глубины до самых глубин.

Сравнить с легендарным тебя скакуном —
Но песня быстрее, чем ветер и гром.

Становится тише течение рек,
Но ты неизменен, акын, через век.

Ты гордый чинар на вершине хребта,
Ты солнечный дар, ты его теплота.

Ты — шелка хивинского пестрый узор —
Ласкаешь, как райская девушка, взор.

Ты сказочной птицы подоблачный взлет,
Когда она радугой в перьях цветет.

Есть песня про камень огонь-самоцвет,
В глуби океана пропал его след.

Но я опущусь на далекое дно
И камень достану, забытый давно.

Легко догорает огарок свечи,
Но в песенном камне не меркнут лучи.

Сиянию камня не будет конца —
Так Пушкина песнь освещает сердца.

Ты — солнце поэзии, ты — самоцвет,
Ты с нами навеки, великий поэт.

Акыну враги уготовили плен,
Мечтали спалить его в пепел и тлен,

Держали в кольце беркутиных погонь,
Хотели задуть драгоценный огонь,

Хотели зарыть дорогие слова,
Но козни забыты, а песня жива.

Повсюду поет ее вольно народ,
На ста языках ее вольно поет.

Поет ее славный Советский Союз —
Узбек, украинец, казах, белорус.

И русский стозвучный волшебный язык
Единою волей и дружбой велик.

Герои героям желают добра,
И ценят своих мастеров мастера.

Как в жемчуг, украшена наша страна,
Гордится наследьем акына она...

К КРАСНОЙ АРМИИ

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вел тебя Ленин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть родила в боях,
Мужали джигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет
Ты билась на всех фронтах.

Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла Советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и баи сомкнули свой круг —
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Алатау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят.
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долин розовеет заря,
Зреют хлеба золотей янтаря.
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как дни Октября.

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!

Ты бейся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

Исполнилось семнадцать лет,
Как на плечо мое в рассвет
Спокойно птица счастья села.
С тех пор моя страна-джигит
Все крепнет, зреет, вдаль глядит
Спокойно, по-батырски смело.

С лицом, похожим на луну, —
Старик Джамбул рванул струну
В порыве жарком и высоком.
Дождь песен, брызнув, зашумел,
Нет! — ливень песен зазвенел,
Нет! — песни понеслись потоком.

Республикой Союзной став,
Весною на ковре из трав
Поставил Казахстан отау,
Всю в золоте и серебре,
В шелках, цветущих в тон заре,
В тюльпанах, в мальвах, в маках алых.
(Откроюсь я в простых словах:
Когда пою я о цветах —
Держу я думу о металлах!)

Наш путь теперь широк и прям,
На смену кочевым коням
Степь распахнула ширь машинам!
Народ мой полюбил металл,
За перевалом перевал
Он будет брать, идя к вершинам!

ПЕСНЯ О ЗЕРНЕ

Весною, когда просыпалась земля,
Гонцы привезли нам декрет из Кремля.
И мы с журавлями, плывущими в небе,
Гурьбой потянулись на наши поля.

Мы землю взрыхляли.
Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь
Могучею силою черных тулпаров,
Покорных узде вороных тракторов.

Работа была весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна.
Мы хлынули щедрым сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, зерна.

Дождем прошумел торжественный май,
Колосья лелеет колхозный наш край.
В счастливой тиши бирюзового утра
Поет над пшеницей караторгай.

Коль спросит нас путник из дальней земли:
Что это сверкает, как солнце, вдали?
Мы скажем, что золота крупные слитки
Растут из обильной колхозной земли.

Стоят кзыл аскеры на всех рубежах,
Стальные штыки наготове держа.
Пусть зреет пшеница в колхозных просторах,
Они отстоят от врагов урожай.
Сверкают поля. Небосклон бирюзов,
По ветру колышутся волны хлебов...
...Мы бьемся за семь миллиардов пудов.

По рельсам Турксиба от нас в города
С пшеницей и рисом пойдут поезда...

О ЗМЕЯХ

Опять зашипели проклятые змеи,
Чешуйчато-скользкие серые змеи,
В счастливой, пронизанной солнцем стране.
У каждой змеи язык раздвоенный,
Губительным ядом в ночи напоенный,
Готовящий верную смерть в тишине.

Фашистские змеи, троцкистские змеи
Всех гадов земли смертоносней и злее,
Родили их душная злоба и мрак.
Скрывают они ядовитые жала,
Подлее они шелудивых шакалов
И злее взбесившихся диких собак.

Ядовитая свора, змеиная сила
Ползет от зари и дневного светила
Во мглу и к болотной гниющей воде,
Чтоб в щель заползти, в приоткрытую дверцу,
Чтоб жалить без жалости в самое сердце
Стоящих за светлую правду людей.

Презренные твари, жестокие гады
Таятся в тени и следят из засады...
Но крикнул хозяин: «Айт!», «Грызи!»,
И сразу движенье в змеиной банде,
Покорные лютой фашистской команде
Ползут по пескам, по камням, по грязи.

Мы страха не знаем. Не страшны нам змеи,
У этих ползучих и скользких злодеев
Смертельное жало, но короток хвост,
По воле народа мы вышли в дозоры,
Разроем змеиные грязные норы,
Разрушим скопление поганых их гнезд.

Тому, кто получит проклятье народа,
Откажут в приюте и земли и воды,
И горы ночлега ему не дадут.
Так пусть поддыхает змеиная стая,
Народы ее навсегда проклинают
И страстную, жаркую ненависть шлют.

Закон наш, как солнце среди небосвода.

.
Так пусть же трепещут народа враги.
Обрушим священную силу закона,
Растопчем всех змей, перебьем скорпионов,
Раздавим змеиные языки.

Мы жизненный опыт копили веками,
И опыт нас учит бороться с врагами,
Быть твердыми, беспощадными к ним.
Себя и детей своих помнить заставим:
«Когда мы змеиную голову давим,
То хвост у змеи остается живым».

МАЙ

Не сотый раз ли я, весне внимая,
Распахиваю сердце пенью мая!
Вся ширь Голодной Степи ожила,
Еще вчера глухая и немая.

Сменив собою стужи и метели,
Потоки с гор, покрытых льдом, запели.
И, словно малый птенчик, дикий мак
Проклюнулся меж травкой еле-еле.

Сев шел, как бой: тряслись земля и небо!
Мы вправе ждать под осень горы хлеба.
Мы смотрим так: есть клин земли? Паши!
Вода? Плотину строй всем на потребу.

Бушует май. И я припоминаю,
Как бушевал Октябрь подобно маю.
Он выжил стужу, он рассеял мрак,
Он мчался вдаль, преграды все ломая.

Скрутив хозяев, жадных и дородных,
Он батракам измученным дал отдых,
Снял с глаз повязки, выпрямил горбы
И вдоволь хлебом накормил голодных.

Сады в цвету, и в ульях суматоха.
И, как весной сады, цветет эпоха.

Поют, не умолкая, соловьи.
Не стало на земле чертополоха!

В цветущий май садись в тени под ивой,
Играй и пой, акын земли счастливой!
Ты слышен всюду — просветлеет друг,
И станет мрачным враг, простясь с наживой.

Слив голоса, народ с народом рядом
Поют, и песня льется водопадом.
Прислушайся! Какие голоса!
Москва запела вместе с Ленинградом.

Им вторят и другие города —
На океане, возле кромки льда,
На всех морях и теплых и холодных,
В горах, где драгоценная руда.

Приморье от души им подтянуло,
Кавказ и Средней Азии аулы,
Запела степь казахская, а в ней
Всегда есть голос старого Джамбула.

ПЕСНЯ ЛЕТА

Оседлайте коня моего,
Летние травы в степи шелестят.
Овцы ягнятся, верблюды кричат,
Гуси над степью цепочкой летят.
Веселится моя молодежь,
Веселее лиц не найдешь,
Песни, игры, счастливый смех —
Радость жизни пришла для всех.

А кругом все полно чудес:
Горы, доли, селенья, лес;
Ну и лето нынче пришло!
Ливнем льются лучи с небес,
Прояснились глаза людей,

Чаша полная — что ни дом,
И не видно горя кругом.
Молодей, душа, молодедей!

Моя Родина — вечный сад,
Вся тюльпанами расцвела,
А одиннадцать стран-сестер,
Словно птицы, сомкнули крыла.
А одиннадцать стран — это сад,
И привольно народу в нем;
Чайки резвые голоса,
Птичьим гамом полны пруды,
Наливаются соком плоды.
Реки быстрые, гладь озер —
И величие и простор.
Беспредельная даль долин
И хребты неприступных гор.
Не боимся ни бурь, ни гроз,
Наша сила кипит ключом.

Наготове стальной клинок —
На куски врага рассечем!
Выше молот, кузнец, вздымай,
Глубже, пахарь, пласты взрывай,
И густым золотым зерном,
Как на свадьбе, народ осыпай.
Мы изрезали сталью рельс
Беспредельную даль земли,
Вскрыли недра земных глубин —
И сокровища потекли.
На крылах соколиных мы
Океаны пересекли.
Наша сила — морской прибой,
Волны бьют о вершины скал,
Пенься, море мое, бурли!

А лето ясное мое
Пускай цветет из года в год.
И вольно дышит мой народ,
Не зная страха и невзгод.
Моей страны июльский сад
Еще чудесней расцветет!..

АЛАТАУ

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Джетысу поднялся Алатау,
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют,
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг надевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже — дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине меж гор под парящим орлом
Густой синевою блестит водоем,
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже, в напевном журчанье арыков,
Столица — красавица Алма-Ата.

Богат Алатау! В чалме изо льда
Врагам он богатства свои не отдал,

Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Алатау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где гуляет по глинистым фанзам
И теплой кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг —
Не скрыт ли там хитрый озлобленный враг?
Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг!

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, в тяжелые годы
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную желтую воду,
А баи — хмельной золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям и баям.
Ты зависть внушал нам и был проклинаем,
Лишь байскую кровь согревавший кумыс.

Привычный напиток на праздничном тое,
Ты в байские глотки вливался рекою.
Без крепости водки ты влагой степною
Бодрил, вдохновенный душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями встали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, сыр и кумыс.

Где баи? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями яме,
Шипя от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй, не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И пахнувший солнечной степью кумыс.

Ты наши джайляу собой украшаешь,
В стахановцев новые силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных,
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий степной кумыс!

ИСПАНКИМ БРАТЬЯМ

Казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах утопая.

Урюк зацветает в узбекских садах,
Тюльпаны цветут на таджикских горах.

Любимая Родина в радостном пенье
Объята весенним могучим цветеньем.

Сбылись вековые народные сны
В сиянии светлой весны.

Но слышу я, хмуря суровые брови,
Удушливый запах железа и крови.

И уши акына Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.

Хотел бы и песню и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!

Бушует в вас сила огня горячей,
Громите смелее своих палачей!

Над вами священное плещется пламя,
Я песней клянусь вам — победа за вами!

Мы также боролись — и взрывы, и громы,
И кровь, и лишения нам были знакомы.

Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.

С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!

Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями,
Как наше, победное светлое знамя.

Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

ПОЭМА О ВОРОШИЛОВЕ

1

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.

В горах Абиссинии стоны ветров,
В Испании льется горячая кровь.

Гремит канонада в китайских краях,
Маньчжурские реки поют о боях.

И ночью дивятся в степях чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.

Тревогой шумит созревающий колос,
И я поднимаю взволнованный голос

Над степью, зовущую в синий простор,
Над цепью мерцающих жемчугом гор,

Над звонко кипящим в горах водопадом,
Над тронутым розами яблоневым садом,

Над плеском арыков, пугающих тишь,
Над желтой рекой, где куга и камыш,

Над тополем стройным, как наши казашки,
Над морем тюльпанов и белой ромашки,

Над прудом, который и розов и сиз,
Над полем, где сплет серебряный рис.

Кочуй, моя песня! Будь гостей желанной
В просторных ковыльных степях Казахстана,

В садах и на пастбищах Узбекистана,
В кибитках коврового Туркменистана,

В предгорьях орлиного Таджикистана,
В полях нефтеносного Азербайджана.

Лети, моя песня, как сокол, быстра,
В одиннадцать братских сказочных стран.

Я стар и сажу, словно беркут, сутуло,
Но сердцем желаю, чтоб голос Джамбула

Под гул водопада, под пенье струны
Сливался бы с голосом юной страны.

В поэме о битвах и трудной дороге
Да будут слова мои скупы и строги,

Герой мой — любимец великой страны,
Ему ордена и отличья даны...

О жизни, идущей в трудах и боях,
О Клите-батыре поэма моя.

2

Под царским орлом, под червонной короной
Стонали от черной нужды миллионы.

Стонал от обид и горя казах,
Стонал украинец с тоской в глазах.

Под байской камчой, под помещицьею плетью
Расправы кончались увечьем и смертью.

Звенел в украинских степях бандурист
О том же, о чем в Казахстане домбрист.

В степях Казахстана, в полях Украины
Трещали и гнулись бедняцкие спины.

Чужими руками собрав урожай,
Помещики жили, как жирные баи.

Чтоб сделать народ и глухим и слепым,
Как муллы, дурманили разум попы.

Полиция стает вороньей кружила,
В те годы родился там Клим Ворошилов.

Сын бедного люда, труда и нужды,
Он рос, как весенний цветок без воды.

Его не ласкала весна голубая,
Он с детства чабанил у жадного бая.

За стадом хозяйским ходил он босой,
Ел хлеб с лебедой, умывался росой.

Казахи! Под зноем высокого неба
Узнали мы горечь хозяйского хлеба.

Как Клим, дожди нас нещадно секли,
Как Клим, нас ветры горячие жгли,

Как Клим, мы под небом в степях ночевали
И, как Ворошилов, отрады не знали.

Голодные шли мы в бураны и мрак,
В то время как бай пожирал бесбармак.

Того, кто, как все мы, чабанил когда-то,
Мы ценим, как друга, и любим, как брата.

Судьба Ворошилова — наша судьба,
Борьба Ворошилова — наша борьба.

Ночами в бескрайних степях Казахстана
Мигают чабаньи костры из тумана.

И каждый чабан вечерком у огня
Гадает, какого же выбрать коня?

Ходить за конем, как за сыном любимым,
И нежить и холить в подарок для Клима.

Пасутся в зеленых степях табуны,
Для Клима растут в табунах скакуны.

Хоть детство у Клима и было несатым,
Но вырос он стройным, веселым джигитом.

Глаза его лили тепло, как лучи,
А голос звенел, как весною ручьи.

Работал он много, и живо кипело
В руках его самое трудное дело.

В Донбассе, в суровом шахтерском гнезде,
Где люди и уголь, как в Караганде,

Он был на заводе, что глухо грохочет,
В кругу украинских и русских рабочих,

Таких же бездельных и бедных, как Клим,
Привычно глотавших удушливый дым.

Их жизнь протекала в нужде и печали,
Страдали они, но угрюмо молчали.

Клим песни Шевченко любил распевать,
Учился обиды врагам не прощать.

На черных заводах и шахтах Донбасса
Свой гнев накаляла рабочая масса.

Она к забастовке готова была,
Молчала и только сигнала ждала.

И подал сигнал наступления Клим,
И двинулась грозная масса за ним,

И ветер раздул, как костровое пламя,
Горячее, красное, гневное знамя.

Пред Климом восход лучезарный блестел
И ветер восстания в уши свистел.

Казахи! Искать далеко ли примера!
Мы помним восстания против Джангира,

Когда против хана поднял Исатай
Степной изнуренный, истерзанный край,

Когда длинногривые кони летели,
Облитые заревом сабли блестели,

И злые стоны бегущих врагов
Сливались с музыкой звонких подков.
У Клина отвага и воля крутая,
И львиная сила, как у Исатая,
И дум чистота, и горячая кровь,
И пламенный ум, и к природе любовь.
И в юности ранней, как в зрелые годы,
Боролся он смело с врагами народа.

3

Неслись над страной под плач похоронный
Железные стоны, кандалные звоны.
Всех лучших людей император бросал
В сибирскую стужу, в седые леса.
Туда где бураном пути запушило,
Шагал под конвоем и Клим Ворошилов.
Но он перед царским клинком не дрожал,
Из ссылки суровой он скоро бежал.
Скрываясь тайком, с неудачами споря,
Пробрался к прибою Каспийского моря,
Где черными вышками на берегу
Стоял пропахший нефтью Баку.
Мы помним могильные душевные ночи,
Мы знаем заслуги бакинских рабочих,
В Баку нефтеносном ни разу я не был,
Но встала в глазах моих вышками Эмба.
Звезда Казахстана, царица ночей,
Жемчужина черная наших степей.
Там, мощно из недр извергаясь глубоких,
Поют, как в Баку, нефтяные потоки.
Мы видели много на нашем веку,
Мы смотрим на Эмбу и видим Баку.
Сквозь прошлые годы, как в проседи дыма
Мы видим в Баку Ворошилова Клина...

4

В грозную пору народных волнений
Живил нас сияющий ленинский гений,
Глаз Ленина видел вперед на века,
Была его мудрость, как жизнь, велика...

...Сидел еще царь Николай на престоле,
А Клим Ворошилов — в глубоком подполье.

Пред темными тюрьмами Клим не дрожал,
Джигитов винтовками вооружал,

Чтоб биться за солнце, за воздух, за волю,
За счастье народа, за светлую долю,

Чтоб шахты у жадных хозяев отнять,
У жирных помещиков землю забрать,

Чтоб вырвать у баев стада и джайляу,
Что нами добыто, что наше по праву.

Чтоб силой оружия добиться победы,
Чтоб свергнуть позорную власть мироедов.

Чтоб, гневом и ненавистью горя,
С престола согнать кровопийцу-царя.

Не так ли Жалбыр, полководец великий,
Ковал для народа казахского пики?

Не так ли он речи к джигитам держал
И острыми саблями вооружал?

Не так ли заполнил он степи верблюжьи
Мятежным, торжественным звоном оружия?

Как гневный Жалбыр в угнетенном ауле
Готовил царю не подарки, а пули,

Так Клим, ненавидящий трон и венец,
Готовил царю не поклон, а свинец.

С казахским любимым героем Жалбыром
Могу я сравнить только Клима-батыра.

5

У Клима с Жалбыром дорога одна,
Их чтит как героев и любит страна.

О подвигах их на горах и в долинах
Сплетают легенды, слагают былины.

И в песнях прославлены их имена
Во всех поколениях, на все времена.

Октябрь прогремел над страной, как гром,
Парил Ворошилов могучим орлом.

В тревожные годы когтил он немало
Врагов революции — подлых шакалов.

Куда прилетал он, орел молодой,
Стихал там шакалий озлобленный вой.

В стране создавались и крепи Советы,
И Ленин писал для народа декреты.

Декреты, в которых цвели, как цветы,
Сбывались былых поколений мечты,

Декреты, в которых нашли воплощенье
Асана-Кайгы золотые виденья.

Навек беднота получила тогда
И земли, и воды, и степь, и стада;

Запела о счастье страна молодая,
Но злобных стервятников черная стая

Летала, чтоб когти расправить, напасть,
Чтоб светлое счастье народа украсть,

Чтоб в прах превратить и развеять Советы,
И, в клочья порвав, уничтожить декреты.

Померкла высоких небес бирюза,
Нависла зловещим покровом гроза.

Тогда тишина над страной раскололась,
Ударил в сердца наши ленинский голос.

Как в бурю Арала грохочущий вал,
Он бился, кипел и к оружию звал.

И вышли на призыв посланцы народа
Из копей, из фабрик, из черных заводов.

И встали под знамя, что крови алей,
И начали бой на горящей земле.

И стал Ворошилов народным батыром,
Главой партизан, боевым командиром.

В борьбу без остатка себя он вложил,
Все силы, весь опыт, все чувства и пыл.

Вот так же в ковыльных степях Казахстана
Пастушьи отряды в дырявых чапанах

Пошли за батыром Амангельды,
За сыном народа и горькой нужды.

Он бился, отважный, как барс молодой,
За новый, за светлый, за солнечный строй.

О нем, кто был нашего счастья предвестник,
В кибитках слагают легенды и песни:

В тебе, Ворошилов, батыр бедноты,
Орлиное сердце Амангельды,

И смелость, и ум, и кипение сил,
И близость к народу, и песенный пыл.

6

Не волки голодные, степи обшарив,
Оврагами крались к овечьей отаре,

Не беркут пуховых ягнят сторожил,
Не ворон над трупом джигита кружил,

Не стая шакалов ползла за орлом,
Упавшим в степи с перебитым крылом,—

В страну, где помещицьею власти не стало,
Кровавой дорогою шли генералы.

С востока спешил кровожадный Колчак,
Шел с юга Деникин со сворой собак,

И с запада лезли,
И с севера мчались,
Их крики и вой над страной раздавались,

Царицын на Волге как крепость стоял,
Ключи от Москвы он в ту пору держал.

Стремилась к нему и Колчак и Деникин
Под топоты, взрывы, проклятья и крики.

В горенье и дыме царицынских дней
Решалась судьба революции всей.

Так, к смерти готовы, под гул канонады
Встречали врагов боевые отряды...

И двинул войска в наступление Клим,
И вспыхнула золотом сабля над ним.

Не знала история старого мира
Такого, как Клим, полководца-батыра.

Где было опасно, туда он скакал
И, в битву кидаясь, бойцов увлекал.

За Климом, как птица, победа летела,
И Волга от вражеской крови краснела.

Враги откатились.

И, мужества полн,
Царицын стоял, как утес среди волн.

Сказал Ворошилов:

«Враги отступили,
А сабли и пики у нас не ступились...»

7

Акыны, степные кудесники слова,
В часы бесбармака и жирного плова,

В часы, когда пенится крепкий кумыс,
Скажите, о ком ваши песни лились?

И скажут акыны, волшебники слова:
«Мы в песнях отца прославляли родного.

Кто ласков и мудр, гениален и прост,
Кто выше луны и сверкающих звезд.

Кто шире Арала и выше Памира,
Кто солнцем сияет для целого мира...»

И скажут акыны, искусники струн:
«Мы пели о том, кто отбил наш табун,

О том, кто отбил у врагов наши степи,
О том, кто разбил наши ржавые цепи,

О славном герое, любимом в стране,
О Клим-батыре на верном коне...»

И силу почувствует старый Джамбул,
И слово Джамбула покинет аул.

Взвывается то слово высоко-высоко,
Как ловчая птица, заоблачный сокол.

И слово Джамбула расскажет стране
О Клим-батыре на рыжем коне.

...На рыжем коне, забывая про отдых,
Рубил он врагов в знаменитых походах.

Ни ночью, ни днем не слезал он с седла.
С ним Первая конная армия шла,

Шла конная лава, великая сила,
Чья слава дела Искандера затмила.

Деникин разбит ею, Врангель разбит,
И в Польше следы ее звонких копыт.

Как ветер, неслись скакуны боевые
Гнедые, каурые и вороные.

Буденный и Клим Ворошилов в боях
Летали на рыжих гривастых конях.

По славному их, по глубокому следу
Скакали полки и летала победа.

На площади был я в день Первомая.
Там флаги шумят, словно маки пылая,

Там солнце горит на шелках и парче,
Там много улыбок, цветов и лучей.

Идут там, под шелесты веток зеленых,
Нарядные люди в нарядных колоннах.

Там в братских отрядах, в сплоченных рядах
Узбек и грузин, белорус и казах.

.
Металлом звеня и гремя водопадом,
Там войско проходит военным парадом,

Идут под ружьем за полками полки,
И сизою сталью мерцают штыки.

За ними гремят пулеметы, тачанки,
Стальные, летящие птицами танки.

Над ними, достойные всякой хвалы,
Летят самолеты — стальные орлы.

Восторг вызывая, плывет эскадрилья,
Раскинув в лазурь богатырские крылья,

И красная конница скачет, как в бой,
Военный парад украшая собой.

Несутся по площади, в гуле и звоне,
Гнедые, каурые, чалые кони,

Глазами косят и грызут удила,
И падает пена, нежна и бела.

По площади скачет в боях закаленный,
Прославленный маршал, нарком обороны,

Добывший свой опыт в дыму и в огне,
Батыр Ворошилов на рыжем коне.

Он скачет по площади ветра смелее,
Потом появляется на мавзолее.

Оттуда звучит его звонкая речь
О том, как нам Родину нужно беречь.

Повсюду слышна его речь на параде:
В Ташкенте, во Фрунзе, в Баку, в Ашхабаде,

.
В Тбилиси, где площадь в лучах золота,
В лазурной и яблоневоy Алма-Ата.

Гремит над Кремлем орудийный салют,
Бойцы молодые присягу дают.

И эту присягу страна повторяет
От тундры до степи, от края до края.

И держит страна, как учил ее Клим,
Штыки наготове и порох сухим.

Нарком Ворошилов страну молодую
В броню заковал неприступно-стальнойю.

Любой командир и любой кзыл аскер
В наркоме и маршале видят пример.

8

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом смрада и гари.

По всей Абиссинии жалобы вдов,
В Испании льется горячая кровь.

Маньчжурские сопки дымятся в боях,
Кровавые схватки в китайских краях.

И ночью дивятся в степи чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.

На всех рубежах наших встали дозоры,
Крадутся враги, как презренные воры,

Как скользкие змеи, на брюхе ползут,
Шпионят, взрывают и яды несут.

Задумали Армию нашу предать,
Задумали Армию нашу продать.

Но встала страна, оцетинясь штыками,
На Красную площадь равняясь сердцами.

И грохотом бурь, водопадов и гроз
Верности слово народ произнес:

«Батыр Ворошилов! Свободный народ
По первому зову оружие возьмет.

Взмахни только саблей, и мы за тобой
Без трепета выйдем на праведный бой.

Как только тобою приказ будет дан —
Поднимется грозно степной Казахстан,

Коней оседлает и саблями брызнет
В защиту счастливой и радостной жизни.

Джигиты отважные выйдут из нас,
Каких не знавали Тимур и Манас,

Какие не мчались песками империй
При Кире Персидском и при Искандере.

Эй, кони степные! Черны и густы,
У них закружатся, как дымы, хвосты.

В ветрах зашумят — шелковисты на диво —
Волнистые, длинные мягкие гривы.

И жаркое ржанье степных скакунов
Смешается с музыкой звонких подков.

Взмахни только саблей, страной тебе данной,
И станут под знамя полки Киргизстана,

Разведчики знойного Узбекистана,
Отважные всадники Туркменистана,

Танкисты орлиного Таджикистана,
Бесстрашные летчики Азербайджана.

Рванутся в поход, как смерч, как буран,
Одиннадцать страха не знающих стран,

Одиннадцать стран, полных мощи и силы,
И ты поведешь их, батыр Ворошилов!

И ты их обрушишь, прекрасен и смел,
На тех, кто границы нарушить посмел.

Нам дорого счастье и честь дорога,
Клинками в куски мы изрубим врага...

Нам кровью добытая жизнь дорога,
Мы в землю горячую втопчем врага.

Любимая Родина нам дорога,
Мы будем рубиться на землях врага.

Рубиться и в зной, и в дожди, и в снега
До полного уничтоженья врага...

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра,

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандалный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц,

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил,

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел турок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна,
Катилась еврейских погромов волна.

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымилась горячая братская кровь...

Восстали мильоны забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных десятилетия прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус,

Таджик и народ закаспийских сторон
И все шестьдесят возрожденных племен.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток —
Там — синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла плёмен и народов вражда
Под солнцем Советов навек! Навсегда.

Бледны и бессильны слова у певцов.
Пред ними одиннадцать стран-близнецов...

...На черную зависть и злобу врага
Священная дружба народов крепка.

Как клятва над Ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка...

...Как наши Кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка,

Как сила прибоя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы. Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды!..

ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ КАРАВАНЕ

От белых, как жемчуг, Тянь-Шаньских хребтов
До крымских садов и карельских⁶ лесов
Лежит широка, величава, сильна
Прекрасная наша страна.

От тундры, где снежная вьюга люта,
До степи, что щедро теплом залита,
Всесветною славою озарена
Могучая наша страна.

От шахт Украины до синих морей,
От гор Дагестана до русских полей

Кипящим весельем, как чаша, полна
Счастливая наша страна.

Над нами сияет небес синева,
Под нами, как шелк, зеленеет трава,
К нам солнце стекает потоком лучей.
Но мы не забыли стужу ночей.

Мы помним, как мучили нас палачи,
Мы помним удары байской камчи,
Мы помним позор, унижение и стон
И волчий проклятый закон...

Свети же, как солнце, наш мудрый закон,
Для всех Октябрем возрожденных племен!
Никто не писал никогда и нигде
Законов таких для людей.

Наш радостный труд охраняет закон,
И отдых нам предоставляет закон,
И женщин незыблемые права
Сияют в мудрых словах.

Все школы открыл для народа закон,
Спокойную старость лелеет закон,
Свободу для слова, что льется из уст,
Цветение мыслей и чувств.

А самым почетным из всех наших прав
Есть право с винтовкой стоять у застав,
Встречая ползущего ночью врага
Граненою сталью штыка.

Народы — великое братство племен —
Подняли, как знамя, счастливый закон.
Одиннадцать стран, свободных от пут,
Как братья родные, живут.

Страна моя лучше и краше всех стран,
И что перед нею мираж Гюлистан...
Забудь миражи, моя песня, и славь
Не сон, а чудесную явь.

Я вижу: идет по земле караван,
И в том караване одиннадцать стран.

Ковры каравана узорней мечты,
И блещут на кошмах цветы.

Восходы встают и закаты цветут,
В горах водопады гортанно поют,
Созвездия в небе ведут хоровод,—
Идет караван и идет.

Вершинами, выше которых нет,
Ущельями, ниже которых нет,
Равнинами, шире которых нет,
Великой дорогой побед.

Пред ним изумрудные травы долин,
Серебряный рис орошенных равнин,
Пески золотые великих пустынь,
Морей неоглядная синь.

Но дальше и дальше идет караван
К заветной мечте всех народов и стран,
К джайляу, где зори сияют вдали,
Где полное счастье земли,

Где явью встает золотой Жер-уюк,
Где сочен весенний невянувший луг,
Где светлые сны поколений слились
В джайляу веков — коммунизм!

ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру,
В сторону гляну — и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.

Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях.
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И, как иссохшее русло реки,
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено
Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Грозами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган...
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд,
В песне народные думы живут.
Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем!..

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Оборвана трель соловья Сулеймана,
Не стало на свете певца Дагестана,
Иссяк его песен взволнованный гул,
Звезда отсияла. Печален Джамбул.

Но звонко рокочут домбровые струны,
И плещется песня свободно и юно.
В орлином просторе, в счастливом краю
О друге ушедшем я песню пою.

Заман мой, не знающий слез и ненастья,
На старости лет расцвело мое счастье!
Сияет, как солнце, лучистый заман.
Зачем ты покинул его, Сулейман!

В цветении радуг и звездном сиянье
Сбываются все вековые мечтанья.
Мир песен широк, как большой океан,
Зачем ты покинул его, Сулейман?..

Ты умер, певец, но живут твои песни,
Звенят они горных потоков чудесней,
Их помнит, лелеет счастливый народ,
Он песни, как гордое знамя, несет.

Мой друг задушевный и мой современник,
Я песен твоих — и ценитель и пленник.
Твои вдохновенные песни любя,
До смерти своей не забуду тебя.

Свободней, чем в гулких горах непогода,
Душистей и слаще пчелиного меда
И шире, чем синий в лучах океан,
Была твоя песня, ашуг Сулейман!

Я слышу ее, расцветая душою,
Такою просторной, такою большою,
Что кажутся тесными ей небеса,
И слезы в глазах, как на травах роса.

Ты жив, ты не умер! К чему эти слезы?
Светлы твои песни, как молнии в грозы,

Они шелестят в наших пышных садах,
Бушуют в аулах, шумят в городах,

Они, твои нежные, чистые трели,
Детей убаюкивают в колыбели,
Они на границах в дозоре стоят
И в зорях весеннего сева горят.

Нас тронуть не смеют забвенье и тленье...
И скажут, на смену придя, поколенья:
«Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пели в стране о бессмертных делах».

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Как старит черных дней удел,
Эпоха вечной темноты!
Ты, как монета, потемнел,
А был светлее солнца ты.

О Шота из Рустави! Мы —
Ты после смерти, я — живой —
Избавились от душной тьмы,
В простор вступили голубой!

И счастье блещет, как заря,
И радость плещет, как моря,
И век искусства золотой
Идет, волшебный свет даря.

Он всех акынов отыскал,
И песни стали звонче рек.
Тебя он с гор Кавказа взял,
Меня он с Алатау взял, —
Наш по-джигитски юный век.

Кавказ и Каспий! Весь Восток
Их, как две дивных юрты, знал.
Один — высок, другой — глубок,
Ты, Шота, в них душой мужал.

Вот солнце село на Казбек,
Как ловчий сокол на тугыр.
Сын солнца Шота — человек.
Герой, акын пришел в наш век
И славен стал на целый мир.

ПЕСНЯ ОБ ОРЫНБОРЕ

Видю — город, степной простор,
Небо серое, словно свинец...
Ты ли это, большой Орынбор,
Куда гнал Алибек овец?

Под навесом седых бровей
Загорается гневом взор.
Душной крепостью белых царей
Вспоминаешься ты, Орынбор!

Ты в степях стоял, как утес,
В нескончаемых столах ветров —
Город крови и горьких слез,
Страшных пыток и кандалов.

Мы боялись тебя, Орынбор,
Проклинали тебя, Орынбор,
Ты страшилищем слыл, Орынбор,
От Едиль до Тянь-Шаньских гор.

Из казенных твоих ворот
В степь несли разоренье и страх
Роты, шедшие в грозный поход
С офицерами в орденах.

Из казенных твоих ворот
Караваны водили купцы,
Чтобы грабить в аулах народ
До последней тощей овцы.

Плыли синие сундуки
На верблюжьих мягких горбах,
Слезы нашей бездольной тоски
Были заперты в тех сундуках.

Из казенных твоих ворот,
Город страшных ночей, Орынбор,
Злые вести пускались в полет
В безграничный степной простор.

Ханов, беков манил Орынбор
Золотым сундуком казны.
За предательство и позор
Ты давал им большие чины.

И они, в аул возвратясь
В эполетах и при чинах,
Нас конями топтали в грязь,
Целовать заставляли прах.

Нес ты в степи кровь и позор,
Штык, веревку и ржавую цепь.
И тогда на тебя, Орынбор,
Пугачев опрокинул степь.

Взбушевался свирепый Жаик,
Забурлила от гнева Едиль,
Плыли звоны от сабель и пик,
Над степями клубилась пыль.

Шли башкиры, и русские шли,
И казахи летели вскачь,
Шли сарбазы татарской земли —
Всех повел за собой Пугач.

Ты разбил Пугача, Орынбор...
Но народом Пугач не забыт.
От Едиль до Алтайских гор
О батыре легенда звенит.

А потом с тобой, Орынбор,
Город пыток, цепей и бед,
По-казахски повел разговор
Наш батыр, незабвенный Бекет.

Он хотел тебя взять и сжечь,
Чтобы ты кандалы не ковал.
Был тяжел императорский меч —
И Бекета ты бросил в подвал.

Но Бекета ты не сломил —
Он и жил и умер орлом.
Казахстан в его память сложил
Много песен, что пышут огнем.

И досель наша степь поет
То, что пелось Бекетом-орлом:
«Лучше смерть принять за народ,
Чем в неволе томиться рабом».

В громком вое собачьих свор
В год кровавой войны и беды
Шел под кровом твоим, Орынбор,
Съезд проклятой Алаш-Орды.

И, предательства вскрыв следы,
Загремев над врагами, как гром,
Стал батыр наш Амангельды
В Орынборе большевиком.

И настали другие дни,
Старый город степей, Орынбор!
Засияли другие огни,
Озаряя степной простор.

Если б встал из могилы Пугач
И Бекета нашлись следы,
Если б степью промчался вскачь
Наш любимый Амангельды, —

Их бы встретил как лучших друзей
И повел по душам разговор
Город радуг, садов и огней,
Расцветающий Орынбор.

Их бы встретил, как лучших гостей,
Постелив им чудесный ковер,
Тоем, песнями, шумом затей
Хлебосольный родной Орынбор.

Так живи и богатство копи,
И огнями мани, как костер, —
Большевицкая крепость в степи,
Наш советский навек Орынбор!

ПЕСНЯ ПРО БАТЫРА ЧАПАЯ

Над Волгой-рекой, над хребтами Урала
Клубилися тучи и буря крепчала —
Под гул канонады, на страх генералам
Родился в народе Чапай.

Горели его соколиные очи,
Он видел сквозь мрак нависающей ночи,
Что хлеб осыпается, необмолочен,
Что вражьей рукой сельсовет заколочен,
Что копья и сабли отцовские точит
Врагами поруганный край.

И понял Чапай, что назрела расплата,
И выбрал Чапай в табуне казаката,
И выехал в степи он в бурке крылатой,
О камень копье наточив.

И крикнул Чапай, чтоб округа слышала:
«Вставай, беднота, наше время настало,
Круши, голытьба, палачей-генералов,
Сражайся за то, чтобы солнце вставало,
За то, чтобы Родина-мать расцветала,
За травы Тургая, за руды Урала,
За красную рыбу седого Арала,
За шелест актюбинских нив!»

Поехал Чапай со звездой на папахе,
Пошли за Чапаем, забывши о страхе,
С ватагами русских башкиры, казахи,
Отряды киргизов, татар,
Чью землю топтала орда генералья,
В чье тело вгрызались зубы шакальи,
Чья кровь оплатила чины и медали
Поганого племени бар.

Поехал Чапай с обнаженным булатом,
С крепким, как клятва, мандатом.
Был Фрунзе Чапаю и другом и братом,
Стальной Ворошилов Чапаю был братом,
Любимый наш Киров Чапаю был братом,
Бесстрашный Буденный Чапаю был братом,

И пламенный Куйбышев был ему братом,
Пример их его вдохновлял.

Поехал Чапай — светлой правды носитель,
Посланец народа, разгневанный мститель,
Вожак бедноты и борьбы вдохновитель,
В папахе и бурке — батыр-победитель —
И враг перед ним задрожал.

Громя генеральскую конную лаву,
Рубил он налево, разил он направо,
Он вражеской кровью обрызгивал травы —
Летела его легендарная слава
В Кастек, в Оренбург и Тургай.

Как душная тьма от дневного сиянья,
Как тигра узнавшее стадо кабанье,
Бежали враги, прерывая дыханье,
От грозного слова — Чапай!

От страшных ударов чапаевской сабли
Враги отступали, терялись и слабли,
И волчья их кровь, истекая по капле,
Дымилася черной рекой.

Бедняцкое счастье в сраженьях рождалось,
Пшеница на барской земле заседалась,
В серебряной Волге заря отражалась,
Закат догорал золотой.

Чапай говорил: «Полыхайте, зарницы,
Звените по рощам, веселые птицы,
Садами цветы и волнуйся пшеницей,
Зеленый и солнечный край».

Пшеница шумит, на дожди не в обиде...
Но больше в просторное поле не выйдет,
Пшеницы колхозной в полях не увидит
Родной и любимый Чапай...

Его окружила поганая сила,
Горячая пуля Чапая скосила.
И стал ему вечной холодной могилой
Седой и глубокий Урал.

Чапай не вернется... Но дело Чапая,
Как вечные звезды, горит не сгорая.
Осталась чапаевцев грозная стая —
И враг в них Чапая узнал.

Они не забудут Чапая родного!
Над Родиной небо цветет бирюзово,
Затихли бои, и колышутся снова
Хлеба на крутом берегу.

Чапаевец ходит, хлеба карауля,
В медовые теплые ночи июля,
И каждое зернышко зреет, как пуля,
Смертельная пуля врагу...

Мы помним Чапая! Мы все наготове.
Звенит наше мужество в стали и слове,
И землю, где капли чапаевской крови,
Мы кровью своей защитим.

Напрасно фашистских земель генералы,
Пронзительно воя, как ночью шакалы,
Мечтают и в Волге и в водах Урала
Горячих коней искупать.

Когда заиграет труба боевая,
Штыки засверкают от края до края,
Возьмем мы бессмертное знамя Чапая,
С которым нельзя отступить!

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Я говорю: «СССР», — и блещет синева озер,
Лежат ковры душистых трав в алмазных росах при
восходе.
Поют по рощам соловьи, горят, как жемчуг, выси гор,
И зори, яхонтов нежней, невольно мне на ум приходят,
Обильна Родина моя! Тучнеют сытые стада,
Всесветна слава табунов, не счесть отар, что степью
бродят,

В полях зерно, в садах плоды, в земле чудесная руда.
Богатства юрт и городов невольно мне на ум приходят.
Народы Родины моей живут, как дружная семья,
Десятки братских языков журчат ручьями на свободе.
Я чувствую кипенье сил и вдохновенье соловья,
И песни дружбы всех племен невольно мне на ум
приходят.

Я в детстве раннем кочевал полынной степью
ханских орд,

Как надмогильные холмы, серели нищие аулы.
На хане царь сидел верхом, а хан от этой чести горд,
Народ ногами попирал,— и это освящали муллы.
В песках пустыни умирал мой обездоленный народ,
В глухой и душной темноте без прав, полунагой
и босый.

Текла по родине река из горьких человеческих слез,
На каменистом пустыре, хирея, осыпалось просо.
Я лишь семидесяти лет увидел солнечный восход
И сразу, просветлев душой, запел, на старость
не в обиде.

Увидел я, как разметал врагов разгневанный народ;
Я гений Ленина узнал и счастье я увидел.
Высок Кавказ. В седых снегах наш Алатау-исполин;
И Крым, увенчанный чалмой жемчужных туч,
уперся в небо...

Горит в цветах моя земля. Поет, ликуя, мой народ;
Одиннадцать свободных стран узнали счастье
мирной жизни.

В песках пустынь звенит арык, и степь, как сад
весной, цветет,

И радуги семи морей зажгли сиянье по Отчизне.
Я говорю: «СССР»,— и золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светло-зеленые громады,
И льдами Арктика шуршит, растит леса Карельский
край,

И склоны Грузии дарят народам гроздья винограда.
Я вижу груды серебра и слитки золота горой,
Фонтаны нефти и зерно, и уголь до сиянья черный,
И самолеты над землей, и поезд, мчащийся стрелой,
И караваны мудрых книг, и труд, веселый и упорный.
Я вижу праздники весны, джигитов в шелке и парче,
И стройных девушек страны в серебряных, как
снег, нарядах.

За славу и дружбу народов святую.
Тихого Дона родные сыны,
Коль волки ворвутся с чужой стороны,
Косите их стаи клинками стальными
И Родине будьте до смерти верны.
В час, когда всех нас голос орлиный
В бой позовет, из Кастекской долины
Приедет Джамбул на коне вороном,
Он славных аскеров с собой приведет
С гор Алатау, с долин Балхаша,
Из вольных колхозных станиц Иртыша,
С Каспийского моря, с отрогов Алтая,
Из Уральска и Кустаная.
Любимых джигитов Джамбул приведет,
С домброй и винтовкой их в бой поведет
За наши аулы, за наши заводы,
За дружбу и славу могучих народов,
За партию нашу, за землю родную,
За казахстанскую степь золотую,
За радость и счастье Советской страны,
Где выросли Тихого Дона сыны.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

Песня цветет в девяносто лет.
У песни народной старости нет,
Песню родную народ не теряет...

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Вижу, стремится в бескрайние дали
Счастья искатель, вечный скиталец.
Степь моя знает Асана-Кайгы,
Песни Асана в песках умирали.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Коркут, тоскуя по родине милой,
Искал свою землю. Последние силы
Коркут терял,— и куда б ни пришел,—
Всюду его ожидала могила.

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок не поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украины,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы — певец не поет:
Он видит истерзанный рабством народ...
Песня в душе глубоко залегла.
А в небе кружится двуглавый урод.

С любимым Тарасом, как верные люди,
Ехали мы на страдальце-верблюде.
Нас жажда томила. Шумели пески,
Погоны блестели, блестели штыки,
Барханы под ветрами шли без конца,
В барханах терялася песня певца.

Мчатся столетия на скакуне...
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыhtят.
Кружатся вороны черною стаей.
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет,
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин, скитаясь, как Кайгы,
С диких и снежных Кавказских высот
Славит великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая.
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу,

Он перед баями спину не гнул...
Едет овеванный славой Джамбул.

Тот не певец, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.
Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сияет, как вечная слава Кремля.

АРМИЯ НАРОДА

Лети, моя песня, волшебною птицей,
Лети из Кастека до Красной столицы,
Лети из Кастека, лети до границы,
Где даже песчинку советской земли,
Как золото, берегут патрули...
...Лети, моя песня, и, сердце, кипи!
На площади Красной Ленин не спит.
Ударят часы у великих ворот,
Кремлевская стрелка весь мир обойдет,
В торжественном гимне застынет земля,
И звезды заблещут на башнях Кремля.
На Красную площадь, готовый в поход,
Вооруженный выйдет народ!
Лети, моя песня, ты сокола краше,
Но песни красивее — Родина наша!
В колхозе живу я, труд мой спокоен.
Сын мой любимый — колхозник и воин.
Сын у Джамбула зорок, как сокол,
Он охраняет ворота Востока!..
...Молодость с нами, и слава, и сила...
С нами узбеки, башкиры, грузины,
С нами аскеры из Кабарды,
С нами джигиты Амангельды.
...Пройдет по земле, как в семнадцатый год,
Вооруженный советский народ,
Пройдет через все рубежи без поклонов...
Армия Родины нашей любимой —
Гордой, великой, непобедимой!

ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Чтоб гордо запела родная домбра,
А песня звенела нежней серебра,
Удачи случайной, певец, не лови,
Ты струны певуньи-домбры обнови.
Прислушайся к голосу каждой струны,
Как старый рыбак к переливам волны.
Но много ли может домбра рассказать
Тому, кто на ней не умеет играть?
Тому, кто ее не умеет держать,
Кто песни для кюев не может слагать
Такие, чтоб струны, вплетаясь в слова,
Могли заповедники чувств открывать?

Искусство нежнее ребенка, певец,
Искусство — горение наших сердец,
Искусство — могучая сила батыра,
Искусство — чудесное детище мира,

Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений.

Акыном ли тот по степям назовется,
Чья песня весенним разливом не льется?
Акын ли, кто в трубку беззвучную дует,
Чья песня, как пламя костра, не бушует?
Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,
Чью песню лелеет родная страна,
Чью песню и подвиги любит она,
Величием народных героев полна!
Бессмертное слово проходит в века...
И песня седого певца-старика
Джамбула — столетнего большевика,
Хранителя дум и сказаний степных,
Как золотая прольется река,
Во славу великой Советской страны,
Чудесной, как молодость первой луны,
Блещающей под весенним дождем...
В Кремле гуртоправы с великим вождем

Заботу несут о колхозной отаре,
О новом ружье, о простом самоваре,
О хлебе, о счастье цветущих степей,
О славе Куляш и о песне моей.
Я молод и горд, я, проживший сто лет.
Я, выросший в бурях, народный поэт...

БАТЫРАМ ПОЛЮСА

В казахских степях, доживая сто лет,
Как снег на хребтах Алатау, я сед.
Я помню все ужасы черного века,
Всю горечь былых унижений и бед.

Стонали народы российских равнин,
Казахских степей и грузинских долин,
И гибли, мечтая о крыльях орлиных,
Бескрылые дети кровавых годин.

Лишь сказка жила про ковер-самолет,
Про чудо-корабль, пробивающий лед,
Про самого мудрого в мире батыра,
Кто в небо подымет крылатый народ...

...Мы стали владыками в наших степях,
На синих морях, в голубых небесах,
Мы с боем добыли все тайны вселенной,
Что прятал веками упрямый аллах.

Навек покорили мы стужу зимы,
Мы свергли бывшее владычество тьмы,
Орлиные крылья у нас за плечами,
И выше, чем беркут, взвиваемся мы.

Папанинцы! Мощный орел-самолет
Принес вас на белый сверкающий лед.
Планета узнала, что алое знамя
На северном полюсе гордо цветет.

Батыры науки советской земли,
Вас темные воды на льдине несли.

Вы, долгие месяцы жизнью рискуя,
Раскрыли все тайны, что льды стерегли...

Ваш подвиг, батыры,— подарок векам.
Ваш подвиг — достойный пример сыновьям.
Ваш подвиг — для Родины слава и счастье.
Ваш подвиг — удар по заклятым врагам...
...Папанинцы! Вам, как своим сыновьям,
Я рокоты струн с восхищеньем отдам.
Тюльпаны и розы я брошу под ноги —
Шагайте, батыры, по свежим цветам!
Папанинцы с нами! С лазурных высот
Приветствует солнце их славный поход.
Родная Отчизна цветы им несет,
На всех языках и наречьях поет...

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Со струнами пальцы Джамбула сжились,
Пусть голос домбры вознесут они ввысь.
Ты, песня о Горьком, волной Джетысу
В предгорья и степи, звеня, устремись.

Народу я песни всегда посвящал,
Народ свою мудрость мне в сердце влагал.
Забуду ль те песни, которыми я
Любимца народа, скорбя, поминал.

Я снова, как прежде, с собою беру
К подножию мысли подругу-домбру.
«Клад речи открой»,— говорю я домбре —
Двухструнному и золотому перу.

Жизнь в песенном круге — счастливый удел,
О жизни сто лет размышлял я и пел.
Сегодня ж о Горьком, о друге вождей,
О вестнике бури я спеть захотел.

На всех языках его книги звучат,
Их старый и юный на память твердят.
Смотри, буревестником вдохновлены,
Сыны его — соколы — в небе летят.

Ум Горького — море. Мысль — горный хребет.
Шлифовщика слов даровитее нет.
Старик из народа — Джамбул — те слова
Чтит выше алмаза, впитавшего свет.

Наш Горький, он с нами смеялся и жил.
Он Родину, труд и бесстрашие любил.

Он молнией падал стремглав на врагов,
Нешадно, как пуля, он подлость разил.

О Горький, ты счастье людское любил,
Ты бодрость нам щедрой рукою дарил.
Учась у тебя ненавидеть врагов,
Я в песню разящее слово вложил...

Ты ленинский стяг защищал от врагов
Пером громоносным, могуч и суров.
Но серые змеи к тебе подползли,
Оскаливши пасть ядовитых зубов.

Ты чтил справедливость, и в сердце твоём
Она отыскала прекрасный свой дом.
А свору убийц уничтожили мы,
Народ раздавил их своим кулаком.

В стране моей Ленин и Горький живут,
Лучами сердец согревая наш труд.
Очистим мы Родину-мать от врагов —
И степи еще веселей зацветут!

КУЙБЫШЕВУ

Великой партии бессмертный сын,
Ты — светоч мысли, ты народу мил,
Ты вместе с нами радовался, жил.
И песни пел и вел в победный бой
Бойцов отважных, возвращенных тобой.

Ты нас борьбе и подвигам учил,
Ты сеял счастья теплые лучи,

Ты — образ дружбы, братства
и единства.
Алмазы горные — глаза твои...

...Плоды забот твоих — моя краса,
Орлом взлетаю я под небеса.
Меня на крыльях радостных несет
Подаренный тобою самолет.

Тулпаром мчусь я по родной стране,
Седой Казбек плывет навстречу мне.
Над ним горит волшебная звезда,
В горах мои встречая поезда.

Великой партии любимый сын,
Народных дум могучий властелин,
Не умер ты! Ведешь нас снова в бой,
Бессильны враг и смерть перед тобой.
Большая жизнь, Куйбышев, твоя
Горит для нас, как пламенный маяк,
Переживет и песни и века
Бессмертная душа большевика!

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Проживший век седой старик
Сказал мне, тоже старику,
Слова, в которых сердца крик:
«Дрофой от жажды я страдал,
Я — лебедем — озер не знал,
В пыли я жемчугом лежал».
Так век был прожит стариком.
С другою жизнью я знаком:
Скакун стальнокопытый я,
И сокол стальнокрылый я,
Луг изумрудный — жизнь моя!
В мечтах — с медовым морем край,
Я из того пил моря мед —
И сил во мне хоть отбавляй!
В сто лет силен и тем горжусь,
С чинаром споря, в небо рвусь,

В хрусталь воды не наглажусь.
Счастливейший на свете я —
Счастливей всех стариков.
В советский справедливый век
Простой почетен человек.
Джамбул о счастье песнь поет —
Она густым ручьем течет,
Сладка, как мед пчелиных сот.
Эй, подходи скорей, народ!
Всех угощаю! Каплет мед.

КЛЯЧА И ТУЛПАР

Давным-давно, очень давно
Я путешествовал верхом
На дряхлой, заезженной кляче, которую
Захочешь — не назовешь конем.
В чем душа? Бредет, не дыша,
Кренится, едва подует ветер,
Холка — как яма для казана,
Ляжки истерты, облезла спина, —
Скелет, и я верхом на скелете.

Клячу коленями подгоняя,
Песни вполголоса напевая,
В лощины съезжал, на холмы въезжал,
На черноглазую не однажды
Взгляд из-под шапки своей бросал.
Шкуру высохшую стегая,
В аул въезжая, в другой приезжая,
Я не знал остановок в дороге своей;
И черноглазые часто смеялись
Не надо мною — над клячей моей.

Будто не видя их и не слыша,
Песню свою поднимая все выше,
Я к беднякам ее обращал.
Песенным даром, сочувственным словом
У опечаленных я недаром
Слезы счастливые вызывал.
Песней своей помогал я вдовам,
Нищих дарил и сирот качал.

Так, на облезлой паршивой кляче,
Как наказание доставшейся мне,
Я проехал по многим дорогам,
По всей не дышавшей от страха стране.
День за днем идут чередой,
И вот в один из множества дней
Я попал на шумящий той.
Своих аргамаков пригнав на байгу,
Баи смеялись мне вопреки:
«Сидящий на кляче, стань в стороне!
Поближе — сидящий на скакуне»,—
Галдели проклятые толстяки.
Что я мог? Я веселья видать не мог.
Войти в почетную юрту не мог.
Пустив своего коня в байгу,
Я сразу от всех отстал на бегу,
Быстро отстал — поспеть не мог.
Тогда я на землю, страдая, лег:
Если сейчас обогнать не смогу,
Может, во сне обогнать смогу?
И мне приснился отменный конь,
Стоит, из ноздрей выдувая пар,
Поволя ушами — только тронь!
Сверкающий, выхоленный тулпар.
Глаз от него не оторвать,
Сердце мое томит, тревожит —
Кружится, фыркает, устоять
Ну ни за что, ну никак не может.
Конь необъезженный, неустанный
Глазом косит, не дается мне.
И опечалился я во сне:
Как я такого коня достану?
Проснулся я, не желая проснуться.
Пропало виденье, опять с тоской
Еду верхом на понурой кляче,
Ее подталкиваю ногой.
Ее десять раз толкнешь, понукая,
Она шагнет и молит: «Постой!»
Ищу и не нахожу красавца.
Исчез, как будто рассеялся пар,
Сердце мне придавив копытом,
И, как сокол, сегодня лететь готов.

Когда голова моя стала седой,
Открыл я однажды глаза устало
И красное знамя, не веря глазам,
Увидел на самом верху Алатау.

Празднуй рожденье, весенний день,
Развеялся, сгинул туман сырой,
Отныне не ляжет байская тень
На мирные степи страны родной.
Табун к табуну, всех лошадей
Собрали вместе одной рукой,
И вот они в красоте своей
Ржут и играют передо мной.
Так новую песню споем о том,
Как, воздух стремительно рассекая,
Колхозный скакун с золотым хвостом
Летит, всех прочих опережая.
...Играй на привязи, мой тулпар,
Под взглядами хорошея.
Пусть стремя позвякивает слегка,
Выгибай лебединую шею.
Гляжу на тебя и не наглажусь
На туловище литое,
На сбрую шелковую твою,
Седло твое золотое.
Орден лежит у меня на груди,
Пляшет крылатый тулпар подо мною.

Шапка соболья на голове,
Белое облачко над головою.
Вдаль я смотрю — и горестей нет,
Силу мою описать нельзя:
Счастливы я, мне девяносто лет,
Рядом со мною мои друзья.
И степь в цветах и гора в цветах.
Мы прежде и думать о том не могли:
Туман развеялся и унес
Все дурное с лица земли.

Скачи, мой тулпар, по моей земле:
Шестимесячный путь — в шесть скачков.
Я, как юноша, гордо сижу в седле
И, как сокол, сегодня лететь готов,

Так стукни сильнее литым копытом.
Спешим к народу. Недаром народ
С почетом и с уважением зовет
Тулпаром — тебя и меня — джигитом...

Я НАРОДУ СЛУЖУ

Старые руки, возьмите домбру,
Солнце пригрело сегодня к добру...
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Песня поется сегодня тебе;
Песня расскажет о прошлой судьбе,
Песня расскажет о тысячах ран,
Песня не лжет, как мулла иль коран,
Песня народную правду хранит,
Песня тверда, точно горный гранит.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Скоро сто лет, как пою я тебе,
Скоро сто лет, как друг друга мы знаем,
Думы и мысли свои поверяем...
В годы кровавые жил Чингисхан.
Битвы, набеги, разграбленный стан...

Сколько голов накололи на пики!
Ой, Май-Тюбе! О народ мой великий,
Это тебя сек камчой хан-тюре,
Это тебя угнетал бай-тюре,
Это тебя и твой скот убивая,
Шли со знаменами толпы Аблая.
Это в степи, наживаясь в войне,
Ехал душить тебя злой хан Кене,
Ехал он страшный на страшном коне...

Ой, Май-Тюбе, ты грустить не хотела,
Молча смотрела... Народ не смолчал,
Народ приподнялся, народ закричал,
Взял хана Кене он могучей рукою,
Сек хана Кене он его же камчою,
Тело его не засыпал землею.
Ой, Май-Тюбе, ты грустить не хотела,
Ты не сокрыла поганое тело.
В прошлое вновь обращаю свой взор.

Что я там видел? Изгнание, позор,
Бедный народ в подчиненье у ханов,
Которых клеймить никогда не устану.
Народ отделяли от ханов высоты:
У ханов стада, у народа заботы...

Ой, Май-Тюбе, и у склонов твоих
Видел я нищих, голодных одних.
Видел: ручьи Алатау мутнели,
Черными делались стройные ели,
С криком верблюды брели по ночам,
Рыскали царские псы по степям.
Ой, Май-Тюбе, ты стонала: «Я стыну!»
Снегом твою запорошило спину,
Льдом заковало крутую вершину,
Ханы и царь заковали народ,
Спрятался в нору растерянный крот.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Новую песню спою я тебе.

Грозные ветры над миром летали,
Вершину твою от льдов расковали,
Молодость, силу мне вечную дали,
Солнца лучи надо мной заблестали.
Стал я могуч, как чинара густая,
Песня из уст полилась золотая
От гор Алатау до склонов Алтая...

Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Многие думы скажу я тебе.
Стар был Джамбул, его песнь не старела,
Громким призывом над степью гремела,
Словом участия будила народ,—
Слово мое лишь с народом живет...

...Ой, Май-Тюбе, я народу служу,
Дружбой, любовью его дорожу,
Вместе с народом дорогой побед
Шагает столетний поэт.
Вместе с великим советским народом
Строит он школы, каналы, заводы...

Разводит сады, на границе стоит,
Труд созидающий песней хранит.
Акыну Джамбулу народ доверяет,
В Верховный Совет он меня избирает...

МОЯ ЖИЗНЬ

Из автобиографической поэмы

1

Степью метель одичалая вилась,
Снежная, вьюжная, с воем кружилась.
Оползни с гулом ползли по горам,
Выли шакалы у скал Байкара,
Лаяли лисы, норы покинув,
Волки от страха бежали в долины,
Небо укрылось покровом тугим,
С пиками степь обходили враги.
В черное время, в нерадостный год
Шел, кочевал мой любимый народ.

2

В ночь у подножья Джамбула-горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.
Молча собрался голодный аул,
Дали казахи мне имя Джамбул,
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в бурю рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы.

3

Мать понесла на усталом плече
Вьюк драгоценный, и сорок ночей
Мазала мазью меня, укрывала
Нежной мерлушкой, от вьюги спасала,
Мыла в соленой, как море, воде...
Ветер угрюмо в кибитках гудел,
Вьюга крепчала, пурга завывала,
Войлоком снежным следы застилала
И обжигала открытую грудь...
Горький, безрадостный путь!

Глаза я открыл. Вместо солнца и дня
 Ночь и рыдания встречали меня.
 Слезы кровавые бурно текли,
 Тучи лукавые хмуро ползли,
 Слышал я режущий посвист кнута.
 Люди бежали, как стадо скота,
 Реки холодные вброд проходили,
 Грудью пожары степные тушили.
 Голод косил за аулом аул...
 Рос и скитался с народом Джамбул.

Минуло время десятой луны,
 Вышел на джайляу пасти табуны...
 Мне звонкая песня подругой была,
 И жизнь мне радостный голос дала.
 Когда на холмах зацвели цветы,
 И травы от рос становились густы,
 Товарищи, дети степной бедноты,
 Жалкого рабского детства друзья,
 В степь выбегали послушать меня.

Я в сердце лелеял мечту, я хотел,
 Чтоб голос мой звонче Бухара звенел,
 Чтоб песни любимые к солнцу неслись,
 Чтоб крылья орла за плечами росли,
 Чтоб взлетом беркутьим я ринулся ввысь
 И чтобы аулы со мной поднялись
 В просторы, где счастье находит кедей,
 Где нет ожиревших султанских свиней,
 Где реки и сочные травы степей
 Приносят дары для бедных людей.

Седые певцы мне за песни и труд
 Дали волшебницу кюев — домбру.
 Я счастья бескрайнего чашу испил,

Я душу свою с иноходцем сравнил,
Я верил — на свете счастливее нет
Такого джигита пятнадцати лет.
Кровь бушевала, как пламя огня,
Семнадцати лет оседлал я коня.
И мне показалось, что этой порой
Сравнялся я с гордой Джамбул-горой.

8

С волчихами шли шестьдесят волков,
С волчатами семьдесят шли волков,
Кровь выступала из их клыков.
Баи, манапы, муллы и ханы,
Ханы кипчакские, ханы коканы,
Ханы калмыцкие и худояры
Сеяли голод, чуму и пожары,
Чертово игрище с воем вели.
Морем народные слезы текли,
Травы народною кровью цвели.

9

С неба тревожно смотрели орды
На богатства кедеев в Каркаралы.
Силы теряя, корова рябая
Ташила пожитки седого Джабая,
Арбы скрипели, верблюды кричали,
Шакалы голодные им отвечали...
Горе тому, кто бежать не успел:
Ханское рабство... Позорный удел,
Вечное рабство и замкнутый рот.
Черное время! Страдалец народ!

10

Когда мне исполнилось двадцать лет,
Поехал я счастья искать по земле...
Сидели кази у султанских ворот,
Терзая когтями голодный народ.
Уездный начальник с манапом вели
Подсчеты награбленной ими земли.

Царь за «труды» им медали дарил,
Луга и озера для них отводил,

Чтоб у байского стада всегда
Травы цвели и струилась вода.

11

Я ехал за счастьем дорогой Асана...
Менялись манапы, султаны и ханы,
Чиновники, приставы и атаманы,
А жизнь не менялась. В бесправных степях
Рабы и рабыни стонали в цепях.
Голод полынью они утоляли,
В шкуры вонючие одевались,
Слезами горючими умывались.
У старых курганов на кучах костей
Матери в столах рожали детей.

12

Шли годы — народ умирал и редел,
Шли годы — чиновник султанский жирел,
Шли годы — в скитаниях я постарел,
И юность прошла верблюжонком в песках.
Мутнели глаза, и слабела рука,
А сердце стучало, как два молотка.
Но верил и знал я: свобода близка,
Народная правда не тонет в песках,
Устали не было в песне моей,
Домброй подымал я степных сыновей.

13

Шли годы. Я ехал, не зная куда,
В скитаньях седела моя борода,
А жизнь крутая, как выступы гор,
На хмуром лице рисовала узор.
Народ изнывающий тихо просил:
«Прибавь нам горячею песнею сил!»
Я пел от души, и неслась по долинам
Поэма о славных походах Таргына,
О сыне народов, вожде Утегене,
О гордых батырах, о смелых сраженьях.

Я пел Кокшетау, я пел Актюбе,—
 Джигиты ковали оружие к борьбе...
 Я песнею гнева, зовущей в поход,
 В степях поднимал угнетенный народ.
 Я славил суровый и праведный суд.
 Я пел о батырах, что скоро придут
 И силу могучую в бой поведут
 За землю, за реки, за счастье степей,
 За наших, в берлогах рожденных, детей.

И грянула буря. Набат загудел.
 Седой Алатау побагровел,
 Гневно кипучие волны бросал
 Вспененный бурей Арал.
 Тигры метались в сухих камышах,
 Слушая грозный прибой Балхаша,
 Степь бушевала, в пожарах горя,
 Вышла из берегов Сырдарья.
 Октябрь-батыр по земле проходил,
 Осинные гнезда он жег и давил.

Вставали рабыни, вставали рабы,
 Под знамя великой священной борьбы...
 В борьбе восходила заря Казахстана,
 Пылали дворцы и мечети султанов.
 Бежала, как жалкая свора хорьков,
 Порода манапов, султанов, князьков.
 Я с песней борьбы выходил на котан,
 Я в бой отправлял молодых партизан.

Проходит столетье.
 Мне память верна,
 Я проклял минувшие времена.
 Я вижу, как горная серна стройна,
 Идет красоты и величья полна,

Лучами жемчужными озарена,
Моя молодая страна.
Я, вечный скиталец, я стал именит,
И песнями сердце по свету звенит,
Попутчица радости, песен, добра —
Моя золотая домбра.

18

Иду я, счастливый, дорогой цветов,
Пою я о мудрости большевиков,
Я славлю богатство колхозов родных,
Я славлю героев любимой страны.
Я славлю привольный разлив Зайсана,
Я славлю большие огни Джекказгана
И медь Карсакпайской руды,
И уголь красавицы Караганды.
Я славлю чарующий солнца восход
И весь мой счастливый советский народ!

19

Иду я степями, свободен, богат,
Мне ветер приносит цветов аромат.
Вернулась волшебная юность моя,
Меня окружает родная семья;
Со мною в богатстве кастекских долин
Любимые братья — узбек и грузин,
Татарин и русский, уйгур и киргиз,
Для них моя юрта, для них мой кумыс,
Для них моя песня и сердца привет.
И дружба святая на тысячи лет.
А самая лучшая песня моя
На крыльях души долетит до Кремля
И скажет чарующим голосом струн:
«Я — песня народа, что славен и юн,
Что горд и могуч, как орел молодой,
Готовый на подвиг, готовый на бой...»

СЫНОВЬЯМ НАРОДА

Мой сын, ты сердечно Джамбулом привечен.
Я вижу, ты весел: печалиться нечем...
Страна — зеленеющий сказочный остров,
Страна — нерушимая дружба народов,
Кто хочет приблизить час собственной смерти, —
Напасть на священную землю посмейте!
Кто там подползает?.. Трава шевелится...
Иль чуткие уши меня обманули?
Красноармейцы, закройте границы!..
Джамбуловы песни — победные пули!
Ответим достойно на происки вражды,
Домбра и джамбуловы песни на страже!
О подвиге ратном, о подвиге мирном
Домбра говорит с молодым командиром.
И я угадаю, на струнах играя,
Пришел ты ко мне из неведомого края.
Однако ты — сын мой! Я петь не устану.
Как саду, советскому цвести Казахстану.
Пленить широтою, красою, размахом,
Идти от победы к победе казахам.
Я счастлив, я полон сознанием гордым:
Крепка наша Армия связью с народом.
Как Клим Ворошилов, будь каждый в героизме!
Сломите врагу вы поганые кости!

ДНЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

Колеса в горячие рельсы стучат,
Летят поезда от Узун-Агача.
По Родине путь их великий пролег —
На запад, на север, на юг, на восток.
Летят, огибая просторы морей,
Летят по барханам былых пустырей,
Летят по лесам, по горам, по тайге
Тулпары стальные в горячей байге.
Навстречу с цветами выходит земля,
Бегут золотые колхозов поля,
И жизнь счастливою песней труда
Встречает родные мои поезда!

Знамя единства в моих руках.
Партии приказ
Звучит по всем уголкам страны,
И отвечают мои сыны
На шестидесяти языках.
За то, что враг послал грозу
На мирный наш июнь,
На пулю злобную одну
Ответим тысячами пуль.
Едва ногой коснулся враг
Родного рубежа,
Обрушим скалы на него,
Чтобы попятился, дрожа.
Потоком хлынет вражья кровь,
Враг крови жаждет —
будет сыт,
Своею кровью будет сыт.
Пусть захлебнется он в крови,
Врага, как жабу, раздави
Железом танковых копыт.
И, не давая глаз открыть
В кольцо свернувшейся змее,
Врага ты с воздуха бомби
И на морях и на земле.
Врагам у нас пощады нет,
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно головню,
Пусть вражий дом дотла сгорит.

ОРЛЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

Слушайте песню акына Джамбула.
Тот, кто направил к горам нашим пули,
Был уничтожен — не сыщется прах —
Нашею силой в своих же горах.
Того, кто над Родиной воздух встревожил,
Орлиный отряд наш, взлетев, уничтожил...
Японских бандитов — их псами зову я —
Орлы разметали, высоты штурмуя.
Не наши лощины от взрывов стонали,
Не наши озера волною вскипали,—

На вражьей земле самураи легли...
Прочь руки от нашей священной земли!
Вам нашего яркого солнца не видеть,
Вам нашего лунного света не видеть,
Кровавой рукою не трогать листвы,
Поганой ногой не касаться травы.
Джамбул далеко от приморья живет,
Но песня Джамбула с бойцами живет;
Она с пограничником ходит в дозоре
Под небом лучистым, на сушу, на море.
Слова моей песни остры, как клинок,
Лети, моя песня, на Дальний Восток,
Будь другом сердечным бойцу, командиру,
Стоящим на страже Совета и мира,
Будь пулей смертельной для вражьих отрядов.
Сражайся с бойцом, с пограничником рядом...
...Герои-бойцы высоты Заозерной,
Она, как Пожарский, бесстрашно и смело
Звала в наступленье, снарядом летела.
Сове не взлететь до вершины высокой,
Не прыгнуть и льву до луны светлоокой,
Никто не скует океан необъятный, —
То — сила народа,
То — наши орлята!..
О Родина счастья и лунного неба,
О Родина солнца, заводов и хлеба,
О Родина дружбы, сильна ты,
Стоишь ты над миром, как Эльбрус зубчатый!

УЧЕНОМУ БРАТУ

С приездом, дорогой ученый брат,
Тебя в родном ауле встретить рад.
Послушай, что споет домбра моя:
Наука с песней — вечные друзья,
Несут плоды своих больших сердец
Народу академик и певец.

Взгляни, мой брат, как жизнь весела,
Как наша степь родная расцвела,
И песня, что печальною была,

Ручьем весенним звонко потекла.
А помню я другие времена —
Здесь враждовали наши племена,
Здесь кровью степь была напоена,
Здесь из колодцев, что в песках стоят,
Не воду пили мы — смертельный яд.
Свивались в кольца змеи на груди,
Тропа рабов осталась позади.
Взгляни, мой брат, как жизнь хороша,
Послушай, как поет моя душа.
И песни ярче утренней зари...
...Приехал ты ко мне издалека,
В моей руке лежит твоя рука,
Тебя встречает песнею домбра,
Джамбулу ты и друг и кровный брат,
Я рад тебе и я тобою горд.
В стране у нас ученый — выше гор,
Почетом жизнь его окружена,
Свою любовь дарит ему страна!..

КОМСОМОЛУ

С измученным сердцем в забытом краю
О счастье, о радости только мечтал.
Я встретил печальную юность свою.
Я света не видел, удачи не знал,
Всю землю свою я пешком обошел,
Но доли счастливой нигде не нашел.
Не мог я укрыться, уйти от нужды
До белых волос, до седой бороды.
И грустно звенела родная домбра,
Пока не настала иная пора,
Пока не зажглась молодая заря
Великих и славных побед Октября...

И счастье, как птица, в руках у меня,
И сердце полно молодого огня.
И я, окрыленный и сильный, пою,
Я песнями Родину славлю свою.

Я соколом смелым взлетел в вышину
И вижу счастливую нашу страну,

Я вижу: моя обновилась земля,
Бушуют сады, расцветают поля.
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь, —
Как звезды, сияет моя молодежь.

Все внуки мои и мои сыновья —
Большая моя молодая семья.
Счастливое имя страна ей дала —
Страна комсомолом ее назвала.

Когда комсомольцы дерутся в боях,
Травую подкошенной падает враг.
Врага комсомольцы всюду громят,
Как гордая стая бесстрашных орлят...

Хоть стар я, хоть прожил большие года,
Но молодо сердце мое навсегда.
Лишь только рукой проведу по струне —
Идти с комсомольцами хочется мне, —
Я старость свою забываю тогда.

Хоть стар я, но песня моя молода.
И песня о Родине светлой моей
Сплетается с хором моих сыновей,
Сплетается с хором моих дочерей
И громом грохочет в просторах полей.

У вас, комсомольцы, горячая кровь,
Вы носите в сердце великую новь.
На вас я смотрю и о вас я пою,
И лучшие чувства я вам отдаю.

Вы все родились на глазах у меня,
Вы все поднялись на глазах у меня,
Вы прожили двадцать сверкающих лет
В стране героических славных побед.
В горячих боях и в горячем труде
Вы первыми были всегда и везде.

Все двери пред вами раскрыла страна,
И ваша дорога светла и ясна.
И я говорю в этот радостный час,
Что нету на свете счастливее вас,

Что нету счастливей нигде матерей,
Что нету богаче и шире полей,
Что нету привольней озер и морей,
Чем в радостной, ясной Отчизне моей...
Мы с нею заводы и фабрики строим,
И пашем, и сеем, и золото роем,
Мы с нею под звезды ведем самолеты,
Мы с ней побеждаем леса и болота,
Мы с нею полярные льды покоряем,
Мы с нею врага навсегда прогоняем
От наших высот, от заводов и сел,
И с нею идет боевой комсомол!

И если враги, замышляя войну,
Опять нападут на родную страну, —
В бою мы покажем такую отвагу,
Что подлые недруги камнями лягут!
Об этой победе я гордо пою,
Пою, забывая про старость свою.
Хоть стар я, но в бой на заклятых врагов
Идти с комсомольцами вместе готов!

ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Народные думы, живущие в слове,
Взвиваются стаей крылатых пословиц.
И нет им границ и нет им числа,
Одну из них память моя сберегла,
Одну из них память моя воскресила,
В ней мудрость народная говорила:
Богатство не в золоте, добытом кровью,
Богатство и сила народа — здоровье.

Как злое виденье, встают из тумана
Страницы облитого кровью замана:
По хижинам нашим чума проходила
Да бритвою смерти аулы косила,
И оспа печатью позорного века
Ложилась на смуглом лице человека.
Под дикий шакалий полуночный лай
Купался в народной крови Николай,
Презренный палач, всех зараз воевода,
Укравший здоровье и вольность народа...

Примите, ученые, песню привета,
Сердечную песню степного поэта.
Здоровье народа дороже всего,
Богатства земли не заменят его,
Здоровье не купит никто, не продаст,
Его берегите, как сердце, как глаз,
Храните его и заботьтесь о нем.
Великая честь быть советским врачом.

Я ПЕСНЮ ПОЮ В ЛУЧЕЗАРНОМ КРЕМЛЕ

Как с братом, я встретился снова с тобой,
Любимый народом Калинин родной!..
...Я песню запел в лучезарном Кремле,
Пусть песня моя пролетит по земле.
Я солнечный Родины дар принимаю,
Я Ленина орден к груди прижимаю —
Священный подарок любимой страны.
Пусть песня до солнца дойдет, до луны.
Сверкая, как их золотые лучи,
Пусть радостью каждое сердце стучит!
Я прожил столетье, я веку ровесник,
Я вместе с народом пою свои песни
О правде, что счастье дала
Степям, вымиравшим от рабства и зла;
О правде, чья верная сила
И песни и юность мои воскресила,
О светлой, как солнце во время восхода,
Немеркнущей дружбе народов,
О слове, что в море не тонет,
О солнечном мудром законе,
В котором за каждую буквой легли
Мечты и надежды народов земли,
В котором за каждую буквой встает
Бессмертный, великий советский народ.
Я песню пою в лучезарном Кремле,
Пусть клятвою песня летит по земле.
Пока над вселенною солнце горит,
Пока моя сила, как море, кипит,
Пока мое сердце, как беркут, парит —
Я песни свои не устану слагать
Тебе, моя светлая Родина-мать!..

ГАЗЕТЕ
«СОЦИАЛИСТИК КАЗАХСТАН»

Поздравить песней я готов
Пять миллионов номеров,
Ведь на любой твоей странице
Народа жизнь и к правде зов.

Читает мне мой внук меньшей
Статьи о Родине большой.
И каждой строчкой, каждой буквой
Обрадован я всей душой.

Я полюбил язык газет —
В печатном слове правды свет.
Печать у нас оружие правды —
Другого имени ей нет.

Пять миллионов номеров —
Вот что весомей всяких слов.
На празднике твоём, газета,
Домбра при мне — я петь готов.

Давно народ с тобой знаком —
Он шлет с акыном-стариком
Тебе наказ: будь ухом правды
И Партии будь языком!

ЗА БОЛЬШОЙ УРОЖАЙ

С неба выпал белый нежный снег.
Это счастье! Это дар весне!
Белизной сияя, чист всегда,
Как моя седая борода.
Он в долинах и лугах залег —
Урожая нашего залог.

Серебристый, свежий, утолил
Жажду расцветающей земли.
Пей, земля любимая, легко,
Белый снег соси, как молоко,
Чтоб душистой свежести полно
Налилось пшеничное зерно.

Слышу я дыхание весны,
Скоро в степи выйдут табуны,
В небе солнце ярче загорит,
Снег растает и заговорит
Радостно журчащею рекой
И затихнет в логовинах гор
Сказочной прозрачностью озер.

В солнечную прилетев страну,
Птицы встретят песнями весну,
И промчатся в зелени степей
Косяки игривых лошадей.
Необъятна, широка земля!
Плодородны степи и поля!

Слушай песню, мой родной народ,
Выходи, встречай весны приход,
Каждым днем и часом дорожа,
Выходи в поход за урожай,
Чтоб по нашей радостной стране
Каждый колос золотом звенел.
Ты готовь комбайны, трактора,
Скоро в поле выйти им пора.
Ты проверь заботливой рукой
Семена пшеницы наливной,
Чтобы было каждое зерно
Чистое, как жемчуг под луной.

Слушай песню, мой родной народ,
Выходи, встречай весны приход,
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы хлеба больше накосить,
Чтобы взять несметный клад земли,
Чтобы табуны приплод несли,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай.

Ты лети, как соловей,
По колхозам Родины моей!
Любят нас, заботятся о нас
Партия, правительство, страна;
Нам навеки земли отданы,
Мы крепки, зажиточны, сильны...

...О страна моя! Джамбул поет,
О страна моя! Джамбул зовет:
Ты готовь своих стальных коней,
Ты навстречу выходи весне,
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай.

БАТЫРАМ НАШЕЙ РОДИНЫ

Народ мой не раз по земле кочевал,
Немало батыров народ мой видал.
Батыры в горах разжигали костры,
Батыры в степях разбивали шатры,
Батыры с булатом и пикой стальной
Бросались, как тигры могучие, в бой.
Их слава рождалась в пожаре восстаний,
Я слышал о храбрых Рустеме, Дастане,
Я слышал о гордом, как лев, Утегене,
О Суранши, что не знал поражений.
Я видел Саурука в железной кольчуге.
Набеги Саурука — смертельные выюги.
Он след выстилал из султанских костей,
Из камня разбитых в боях крепостей.

Батыры за счастье с дружинами шли,
Но счастье народу добыть не могли.
В руках холодеющих пики сжимали,
С мечтами несбывшимися умирали.
В курганах схоронены их стремена.
В далекие, горькие те времена,
Как стоны глухие, в тоске и печали
Напевы Джамбула в песках умирали.

Из стали рождается гневный булат,
Рожденный ручьями, гремит водопад,
Из тропки большая дорога растет,
Зарю восходящую свет создает,
Героев рождает могучий народ.

Запой, мое сердце, двухструнной домброю,
Запой, мое сердце, о смелых героях!

Родились они, как степная поэма,
Батыры с могучею силой Рустема,
С душой Утегена, с мечом Исатая.
Как беркуты, к солнцу на крыльях взлетая,
Они поднимали народ за собой,
Рожденные в бурях, зовущие в бой.
От грома утесы и горы немели,
Как молния в небе; клинки заблестели,
Готовые грозною силой удара
В бою разрубить непокорного хана...
Священное красное знамя держали,
Цари и султаны от страха дрожали,
Могучи удары батырской руки:
Змеиные головы сняли клинки.
В октябрьские грозы, в бушующий год
Встречал возрожденный свободный народ
Весны своей утро и славы восход.

С тех пор мои степи и доли цветут,
Акыны сердечные песни поют.
От недругов солнечной нашей земли
Мы крепость стальную свою возвели.
Она, как утес неприступный, стоит,
Она, как маяк в поднебесье, горит
И труд наш спокойный и песни хранит.
Батыр мой бесстрашен и непобедим,
Нет силы на свете, чтоб мерялась с ним.
Он горы в бушующем гневe свернет,
Он стойбища вражьи, как буря, сомнет.
На танках он лесом пройдет и рекой,
Красноармеец — батыр молодой.
И полчища волчьи его не страшат,
Как с грохотом падает с гор водопад,
Обрушит он грозные силы свои,
Чтоб враг захлебнулся в своей же крови.
Весь мир затихает и слушает мир:
Присягу народу приносит батыр.
Могучей душой, как орел, он высок,
Он в пламенной клятве целует клинок.
Готов он в пожарах грядущей войны
Бороться во славу любимой страны.
Готов свою кровь он по капле отдать
За счастье народа, за Родину-мать.

И сдержит он клятву, покажет он силу,
Когда на врага позовет Ворошилов.
Клинки заблестят, застрочат пулеметы.
Поднимутся в небо орлы-самолеты,
Пойдут бомбовозы в густых облаках
И конница хлынет на аргамаках;
Ее поведет на ветрах закаленный,
Прославленный маршал джигитов Буденный.
Врагу не бывать в моих светлых долинах.
Змее не бывать на орлиных вершинах.
Батыры народа присягу дают,
Батыры народа, как честь берегут
Народное счастье и радостный труд,
Колхозы, где нива шумит золотая,
И гордые горы родного Алтая,
И розы, цветущие в наших садах,
Заводы и шахты, стада, города.
Я солнцем весенним согретый пою,
Я Родине песню свою отдаю,
Народную песню степного певца,
Присягу поэта, присягу бойца.

ТАРАС

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина,
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.
Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слышал не раз;
Горы склонялись и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали.
Черное время тебя истерзало,
Песни железным арканом связало,
Руки твои в кандалы заковало,
В клетке холодной мечты схоронило,
С родиной милой тебя разлучило,
Счастье непознанное отравило.
Пел ты и плакал, великий Тарас,
С кровью текли твои слезы из глаз.
Пел ты и плакал, великий Тарас,

Песен твоих заглушить не могли.
Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.
Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул свою месть проносил.
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей,
Наших, Тарас, вековых палачей.
В степи казахов, в неведомы дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,
Смелую песню любимого сына.
Слушал я песню в голодных кыстау,
Слушал в безмолвных степях Мангистау.
Шел и Джамбул этой черной дорогой
С цепью раба и разбитой домброй,
Шел я с тобою дорогой одной,
Шел я с тобой. Мы друг друга узнали,
Шли мы, два брата, и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках.
Шли мы, любимый, в безлюдье степном,
Шли мы и пели с тобой об одном.
Шли мы, как зубры, чуждаяся стада,
Шли мы, как зебры, на зов водопада.
В песнях хранили мы, в песнях несли
Правду великую. Долго мы шли...
Все, что лелеял ты, все, что искал,—
Я на любимой земле увидал:
Солнце лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный енот,
В розах, в цветах и дыханье степей,
В свежести наших озер и морей.
Сердце мое молодое стучит,
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит...
Песня бушует, как горный прибой
Неумолкающего океана!
Песня бушует и песня зовет.
Враг недобитый к границе ползет,
К нашему житу, к степям и долинам.
Будь же готова, моя Украина,
Грозным ударом огня и булата

Встретить презренного черного ката,
Чтобы нашел он в последнем бою
Катову участь — могилу свою!

СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пусть голос мой мчится, как ветер степной,
Крылатая песня, лети над страной
До края земли через все океаны,
Как вестник победы, как сокол желанный,
Народу родному мое посвященье,
Героям, не знавшим в боях пораженья,
Героям, на счастье народа рожденным.
Партией нашей в боях закаленным.
Врагов ненавистных нещадно разя,
Лети, моя песня, на радость друзьям,
Как сердце свое посылаю тебя
На съезд победителей, песня моя...
...В борьбе и победе прошло пятилетье,
Но прожитый год я равняю столетию.
Прошло пятилетье — весь мир в восхищенье.
Летит, как орел в молодом оперенье,
На гибель врагам и на счастье друзьям
Страна моя, Родина, гордость моя.
Взошло Конституции вечной светило,
Лучами жемчужными мир осветило,
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...
...Живем мы в обилье, богаты, сильны,
На пастбищах тучно растут табуны,
Омыта пустыня хрустальной водой,
Наполнен керсень ароматной едой.
Как море, волнуется хлеб на полях,
Дорога комбайна, как путь корабля.
Нам недра свои открывает земля,
Рождая высокие скалы угля.
И бьет водопадом с горы вековой
Железо горячей бескрайней струей.
Кипучая нефть, как поющий ручей,
Течет по земле полногрудой моей.
Узором затейливым степи обвел

Моих караванов большой темир-жол.
Мои сыновья на тулпаре сидят,
Глаза, как светильники счастья, горят.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...

Встает моя Родина в броне булатной,
С душой богатырскою, с шашкою ратной.
И, как облака, в поднебесных полетах,
Сомкнув свои крылья, плывут самолеты.
Змеиное сердце врага векового
Трепещет от страха и лопнуть готово.
Могучие танки готовы к боям,
Покорны бесстрашным моим сыновьям.
И грозные пушки из верных бойниц
На каждой тропе неприступных границ
В глаза ненавистные смотрят врагу
И счастье мое и мой труд берегут.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...
...На празднике Родины все на виду,
Хозяева жизни в почетном ряду —
Профессора, агрономы, шахтеры,
Поэты, колхозники, комбайнеры.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

...Слушайте все: и Урал, и Кузбасс,
Караганда, и Алтай, и Донбасс,
Слушай, колхозник, и ты, командир.
Слушай, чабан, комбайнер, бригадир.
Слушайте все, и для Родины милой
В дни эти с новой стахановской силой
В шахтах, забоях, в полях и отарах
Вы приготовьте заветный подарок:
Хлынули чтобы, как песня певца,
Реки металла, железа, свинца,
Чтобы в колхозах дала нам весна
Семь миллиардов пудов зерна.
Враги окружают нас черным кольцом,
Глазами кровавыми смотрят кругом.
И тянут костлявые руки свои
К горячему золоту нашей земли.

Чтоб голову вражью ударом снести,
Чтоб нечисть поганую всюду смести,
Будь начеку, мой великий народ!
Вооружайтесь, поэты, стихами,
Взвейте поэмы и кюи, как знамя,
Зовущее к новым победам и славе!
Съезд победителей в песнях прославим!..

ВЕСНА

Разлилась весна по степи, как река,
Журавлиной тропкой летят облака.
Зеленеет земля, светла, широка.
Все цветет, и заря — как расцвет цветка.
Мертвый посох, стебель сухой тростника
Зацветет, лишь воткни его в кучу песка.
Беспечальны люди, стал радостью труд,
Мой народ, ты такой весны ждал века!
На джайляу ржанье жеребят с утра.
Овцы и ягнята. Море молока.
Верблюдицы звонко зовут верблюжат.
Зыбь озера — словно пена каймака.

Если старый Джамбул язык наточил,
Послушать придут его издалека.
Иноходец он, бравший приз на байге,
Всегда его песня бойка и звонка.
Часто мокры бока, но первым пришел,
Видишь, девушки машут шелком платка!
Много прожил Джамбул, сто одну весну,
Эта лучше всех, лучше прежних пока.
Молодея, радуюсь солнечной весне,
Сто лет — сто пудов — легки для старика,
Шестьдесят две жилы кровью налились,
По домбре летает птица — не рука.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Я вижу, как реки дары свои льют,
В степях моей Родины реки поют,
И тракторы мчатся густым табуном,
Как вольная песня в просторе степном.
Зимы покрывало снимает земля,
Согретая солнечным маем земля.
Стальными плугами разрыта земля,
Садами, цветами покрыта земля,
Овеяна ветром, омыта дождем,
Засеяна чистым колхозным зерном.
И стаями птицы летят надо мной,
Бушуют озера весенней волной.
Я вижу, как рыбы резвятся на дне,
Блестя серебром чешуи под луной,
И скачут отары кудрявых ягнят,
Веселых телят, жеребят, верблюжат.
И льется Джамбула весенний напев,
Счастливого сердце народов согрев.
Все звонче и радостней песни полет,
С народом шагает Джамбул и поет.
Как сердце, открыты, как жизнь, бодры
Двенадцать ладов моей новой домбры.
Иду, не старея, с Отчизной родной
Веселый, счастливый, всегда молодой.
А псы самурайские воют в ночах,
От крови чернеет топор палача.
В холодные ночи, в горячие дни
Лети, моя песня, как беркут, лети,
И если завидишь врага на пути,
Бросайся, как беркут, и враг не пройдет.
Как беркут, ломай ему, песня, хребет.
Кто дохлым родился, тот дохлым и будет,
Пусть воет, пусть лает, но пусть не забудет,
Что в мире туманном, как солнце, встает
Великий, бессмертный советский народ.
Как гром первомайский он грянет, придет...
Берлогу залаявший пес не найдет.
Присяга народа крепка, как гранит,
Народ мой веселый. Он будет сердит,
Когда свою пасть враг клыкастый откроет.
Народ его в землю с клыками зароет.

Открывший огонь не сочтет своих ран.
На озере нашем советском Хасан
Урок самураям хороший был дан.
Присяга народа крепка, как гранит,
И песня Джамбула, как пуля, летит.
И песня Джамбула летит и разит,—
Народная песня врага не щадит.
О память, ты майские дни вспоминай!
Я видел их много, но нынешний май
С весною народов сердца обновил
И звонкие песни мои вдохновил.
Хотя у меня и седа борода,
Хотя и подходят к столетью года,
Но знаю — на Родине юной всегда
Душа у Джамбула, как май, молода.
Я Родине звонкие песни слагаю,
Я красным батырам свой кюй посвящаю.
Я каждое слово с любовью дарю
Всему молодому, что в жизни люблю.
Столетье подходит, но молод я стал.
Лети, моя песня, над миром взлетай
И славь всех племен торжествующий май.

МАСТЕРАМ ЖИВОТНОВОДСТВА

Дружно собрался на радостный слет
Высокоплечий, мой сильный народ.
Шагом он смелым расколет и камни,
Крыльями смелыми к солнцу взмахнет,
Взором орлиным увидит лисицу.
Крепкие руки.
Веселые лица.
И молодые и старики
Съехались в солнечную столицу.
Взору Джамбула их сила видна,
С высью сравнялась у них низина.
Выросли ростом своим небывалым,
Радостны, как молодая луна.
Счастьем гордятся народа сыны.
Выращены в вольных степях скакуны,
Могут скакать от утра до утра,

Партии мы свою клятву дадим,
Партии силы свои отдадим,
Чтобы росла наша мощь неустанно
В неисчислимых стадах

Казахстана,

Чтобы повсюду знали о нас,
Чтобы повсюду слава неслась.
Лучшие в мире верблюды у нас,
Лучшие в мире коровы у нас,
Лучшие в мире овцы у нас,
Лучшие в мире кони у нас,
Лучшие в мире травы и воды,
Лучшие в мире животноводы —
Наши колхозные животноводы.
В эпоху, которая счастьем щедра,
Я с вами, друзья.
Молодая домбра
Для вас свою песню поет с высоты
Взлелеянной сердцем поэта мечты.

КАЗНА НАРОДА

Мой край своей землей богат,
Бегущей с гор водой богат,
И всеми видами скота
Он, как никто другой, богат.
Пшеницею литой богат
И горною рудой богат,
На дивной выставке в Москве
Наш павильон большой богат.

На снежные хребты гляжу,
В долинах на цветы гляжу.
Джамбул!— себе я говорю.—
Молчать не можешь ты, гляжу.
Ну, что ж! Воспой красу отар,
Любой баран в них, как архар,
На овцах многоценный жир —
Летовок наших щедрый дар.

Гурт не в руно, а в шелк одет,
И молоко овец — шербет,

А козы ростом с антилоп,
Нигде таких на свете нет!
Такой страны, где мы живем,
Во всей вселенной не найдем.
На счетах костяных в сто лет
Ее сокровищ не сочтем.

Корова издали видна,
И землю выменем она
Метет... Прокормит пять семей
Обильным молоком одна.

Такой у нас плодится скот —
Рогами небо подопрет...
А лошадей — не перечесть!
И все отборнейших пород.

Теке-жаумуд — с туркменских рек,
Конь для седла, не для телег.
Быстрее горных антилоп
Его неудержимый бег...

Немало степь их развела...
Масть их сера, гнеда, бела.
Попробуй-ка их обуздай —
Рвут аргмаки удила!

Народ диковинных коней
Растит для Армии своей.
И тверд и важен гордый шаг
Питомцев солнечных степей.

У нас есть местность — Дегерес.
У кобылиц там легок вес,
Зато — у каждой жеребят
По тысяче. Вот край чудес!

От жеребцов теке-жаумуд
Не клячи — скакуны растут.
Из переполненной сабы
Кумыс тут до отвала пьют!

Сады моей Алма-Аты
Под жарким солнцем золоты.
Там спеют яблоки с арбуз,
Медовым соком налиты.

В Москву, на выставку мы их
Послали из садов своих.
Не из последних Казахстан
В семье республик молодых.

Шелка Таджикистана там,
Урюк Узбекистана там,
Грузинский сладкий виноград
И конь Туркменистана там.

Дает нам золото Алтай,
Шлет уголь нам Караганда,
Медь — прибалхашский щедрый край,
За нефтью в Эмбу посылай —

Озера нефтяные там.
Из домен же — я видел сам —
Металл расплавленный течет.
Подмога есть людским рукам —

Машины. То-то легок труд!
Машины сеют хлеб и жнут,
Летают в небе, ткнут сукно,
В степях руно с овец стригут.

В сиянье Ленинского дня
Народов выросла семья.
И всех нас Партия ведет
Под знаменем — красней огня.

Московской выставки размах
Свет гордости зажег в глазах
У всех народов. Там сошлись
Туркмен, узбек, грузин, казах.

Живем под знаменем одним,
Богатство общее растим,
Но вероломному врагу
Одной крупички не дадим!

Предупреждаем без затей
Мы всех врагов любых мастей:
А ну, попробуй, напади —
Не унесешь своих костей!

ДУХИ

Аромат их приятен сердцам молодых,
Мне ль к лицу в девяносто все прелести их?
А друзья, что толпой окружали меня,
На непокорного стали похожи коня.

Шерстью белой укрыл подбородок я свой,
Весь оброс и хожу, сам смеюсь над собой,
Стал подобен я карточному королю...
Сколько б ни было в сердце огня — я седой.

НАШ КИРОВ

Песня, ты образ его воскреси,
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?
Степи ответят:— Он с нами, он жив,
Славой героя народ дорожит,
Кирова память — Яик и Кавказ,
Острый клинок подымался не раз
Там, на далеких крутых берегах,
Смелым ударом сражая врага.
Ленин бесстрашью его научил...
Силу от партии он получил.
Пламенным словом вождя и бойца,
Волей к победе крепил он сердца,
Был он понятен, как песня красив,
Был он отважен и был он правдив,
Был он, как смелый орлиный призыв,
Был он, как океанский прилив.
Он, как костер наа оленьей горе,
Он, как двенадцать ладов на домбре...
Вот он шагает в шинели простой
По казахстанской степи золотой,
Светлое небо и солнце над ним,
Он, окруженный народом родным,
На Алатау восходит. С вершин
Видит он степь без господ, без старшин,
Степь без цепей, без султанов и мулл,

Видит счастливый колхозный аул!
Вот он привечен родным Балхашом,
Вот он задумался над Иртышом,
В Риддерской шахте к забою идет,
В стане колхозном беседу ведет...
Радостью дышит, от счастья горит,
Он Казахстану, как сын, говорит:
— Край мой любимый, ты молод, богат,
Родина радости, радости сад.
Край мой, ты счастье свое береги,
Помни, мой край: не добиты враги!
Песня, ты образ его воскреси!
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?
В городе Ленина Киров мой жил,
Городом Ленина он дорожил.
Был он, как буря, нещаден, суров
К черному племени мерзких врагов.
Страшен был Киров исчадию зла.
Пуля убийцы вождя стерегла,
Жалом змееныша из-за угла
Пуля орлиное сердце прожгла.
Разве от ветра заглохнет родник?
Разве от пули умрет большевик?
Красную Армию нашу не счесть,
Кони стальные у армии есть,
Птицы стальные у армии есть,
Танки стальные у армии есть,
Люди стальные у армии есть,
Красную Армию нашу не счесть!
Знают ее помещик и пан,
И самураи, что шли на Хасан.
Если же снова ударит набат,
Если враги на страну налетят,
Балтика встанет и гордый Кронштадт.
И от Атлая до самых Карпат
Грозный могучий советский народ
С именем партии в битву пойдет.
Он за Отчизну, за землю свою
Будет, как Киров, бесстрашен в бою!

ДОРОГА В СТЕПИ

Страна моя могучей силой вдаль
Звенящих рельсов протянула сталь.
Поющие, горячие легли
Они, как украшение земли.
И радостен народ мой и богат,
Красив его невиданный наряд.
Забыл я караванную тропу.
Мой поезд скор, и весел новый путь.

Мне силы прибавляет свежей он,
Движением быстрым окрылен.
В аулы, на джайляу, в города
Сыны мои проводят поезда.
Безмолвная пустыня здесь была,
Безвестная скупая Картала,
Глухая, как могила, Акмола.
Здесь смерть свою добычу стерегла.

Здесь степь не улыбалась никогда,
Но вот пришли заветные года,
А с ними в пустыри Сарыарки
Пришли сыны мои — большевики.
Степями, где стонал от зноя нар,
Проносится мой огненный тулпар,
Под белой гривой — рельсы в серебре
Поют, гудят, как струны на домбре...

БАТЫР В СТАЛЬНОЙ ШУБЕ

В солнечной юрте слагал я не раз
Смелым батырам свой песенный сказ.
Славил я вас, молодые сыны,
Пламенной силой горячей струны.
Соколом сердце пускал я в полет.
Родина — мать вам, отец ваш — народ!
Пусть же в походах, в победных боях
С вами проносится песня моя.
Пусть эта песня седого певца

В лютые вьюги согреет бойца.
Пусть моя песня в атаку летит,
Колет, как штык, и, как пуля, разит.

Смелым народом герои-сыны
В час боевой для побед рождены.
Разве им будут в походах страшны
Грозы, морозы и вихри войны?
Вижу я гордый орлиный полет,
Вижу я: сын оседлал самолет...
Родину он золотую хранит,
Насмерть налетчиков сокол разит,
Бомбами норы звериные рвет,
Танками горы крутые берет.
Птицы стальные под небом гудят,
Крылья, как склоны Алтая, блестят.
Мира просторы — сыновья постель,
Мужество смелых — сынам колыбель,
Грозный мотор — им игрушка в руках,
И изголовье сынов — облака.
Он восхищает отвагою мир,
В шубу стальную одетый батыр,
Он не боится разбоя пурги,
В страхе бегут от героя враги.
Саблей батыр валуны рассечет,
Пикой до самой луны достает...

...Знаю я бурю в боях за Хасан...
Ливнем свинцовым легли небеса,
Тучи — не тучи по небу ползли,—
Это летели сынов корабли.
Дождь шел — не дождь, из густых облаков
Пули сынов поливали врагов.

Там, где Балтийское море шумит,
Ленина город могучий стоит.
Он украшенье Отчизны моей,
Радостный город моих сыновей.
Выйди за город и дальше взгляни —
Там не сияют в тумане огни.
Дремлют в молчанье медвежьи леса,
Стынут озера, темны небеса.
Враг, пробираясь тайной тропой,

Выполз оттуда студеной порой.
Солнечный город поджечь он хотел,
Руку с огнем протянуть он посмел.

Море хлестнуло волной в берега,
Сын мой батыр опрокинул врага,
Сын мой отправился в гневный поход
За Ленинград и за финский народ.
Знаю, собаки за морем скулят,
Знаю, сороки за морем трещат,
Им не помогут ни лай, ни обман,
Лают собаки — идет караван,
Наш караван, и победа за ним,
Наш караван, он народом любим,
Наш караван и его корабли —
Сила и слава советской земли!
Счастье палач у народа украл,
Кровью народа палач торговал,
Лапой когтистой землю прижал,
Тьмой и морозом ее заковал,
Гневом наполнена песня моя,
Вышли в поход мои сыновья
За Ленинград и за финский народ,
И восхищает отвагою мир
В шубу стальную одетый батыр.
Красные звезды на шлемах горят
У сыновей моих — красных орлят,
Им не страшны ни мороз, ни война;
Все мы спокойны, спокойна страна,
Город спокоен, спокоен аул,
Песню спокойно слагает Джамбул,
Славя отважных аскеров-сынов
И их полководцев — большевиков.

ТЕЗЕКБАЮ

Джигиты! Что скажете про Тезекбая?
Не он ли виной, что каурый, лягая,
Рыжего жеребенка убил?
Ни в поле, ни дома заботы не зная,
Какое он прозвище заслужил?

СЪЕЗДУ БОЛЬШЕВИКОВ

Звоном чище серебра
Ты полна, моя домбра,
Каждый лад молвой несется,
Ливнем свежим слово льется,
В сердце песня отдается,
Если я беру тебя.
Песню счастья я пою
В пору светлую мою.
Как Талгарский острый пик,
Как из горных скал родник,
Как поток горячих дней,
Песня Родины моей.
Как же струнам не звенеть,
Как же сердцу не кипеть,
Если ваш победный той
Я приветствую домброй?
Я на праздник не один
Прихожу в венце седин,
А с большой семьей певцов —
Молодых и стариков.
Песней радости сердечной
Славлю съезд большевиков.
В съезде вашем, сыновья,
Силу жизни вижу я,
Славу, дружбу вижу я,
Думы новые свои
И могущество земли...
...Вы в труде — пример для всех,
Там, где вы, — всегда успех.
Молот славы — это вы,
Счастье наше — это вы,
И победами крепка
Всюду жизнь большевика.
Счастье мой народ искал,
Воду он искал в песках,
Он мечтал тулик иметь,
Уголь, золото и медь.
Вольным он мечтал пойти
По великому пути...
И о чем народ мечтал,
Все, что он в веках искал,

Как заветный дар реки,
Дали вы — большевики!
Смотрят с радостью отцы:
Вылетают их птенцы,
Блещут перьями стальными
Под лучами золотыми,
Опуская с облаков
Дождь свинцовый на врагов.
Незнаком героям страх
На морях, в лесах, в горах,
Поразрыты вражьи норы,
А железные заборы
Черных спутников войны
Гневной силой сметены.
Расскажи, домбра, пропой,
Как птенцы летели в бой
Тучей шумной, грозовой
За свою родную землю
И за свой народ родной!
В съезде смелых, сыновья,
Силу жизни вижу я.
Для народа вы всегда
Путеводная звезда,
Что дорогу озаряет
Нам на долгие года,
Силу, бодрость нам дает,
К коммунизму нас ведет.
Как же песне не звенеть,
Как же мне не молодеть,
Если вся земля цветет,
Если вся земля поет...
Чувств и дум своих ларец
Открывает вам певец.
О родные сыновья!
Вы столетнего меня
Не считайте стариком,
Я иду большевиком,
Не склоняя головы,
Вместе с вами, как и вы.

БОГАТЫРЬ ПЕСНИ

Не звезда ли в час ночной
Над вселенною немой
Украшает кошму моря,
Породнив себя с волной?
Не мои ли скакуны
Грудью острою сильны,
Не они ли украшают
В Дегересе табуны?
Не домбру ли у Джамбула
Украшают две струны?
Не отважные ль сыны,
Что народом рождены,
Не они ли украшают
Славу Советской страны?
Не поющий ли ручей
Украшение степей?
Не луна ли молодая
Украшение ночей?
Не садов ли украшеньё
Звонколадый соловей,
И не ласковое ль солнце
Украшение светлых дней?
Не зарницы ли приход
Украшает небосвод?
Не победная ли песня
Украшает мой народ?
Если песня холодна,
Кровь согреет ли она?
Коль народ ее не любит,
То кому она нужна?
Если песня не ведет,
Если песня не зовет,
Разве в бой джигит вступая,
Эту песню запоеет?
Если песня не кипит,
Если песня не горит,
Если трусость скрыта в песне,—
Разве песня победит,
Разве в схватке эта песня
Ненавистного сразит?
Мне сказала степь моя:

«Ты воспой богатыря
Грозной, смелой новой песней,
Светлой, яркой, как заря.
Эта песня всем родна,
Непокорна она —
В грозных бурях проходила,
Кумысом друзей поила,
Пулями врагов кормила,
Поднялась она до звезд,
Знаменосец песню нес.
И была она тверда,
Не сдавалась никогда,
Всем народам эта песня
Стала другом навсегда.
Мне катун в степях сказал:
«Богатырь закрыл глаза
И умолк, и стала песня,
Как утихшая гроза...»
Ой, лукав узун-кулак!
В страхе лгал на песню враг.
Богатырь не умер, песню
По степям понес казах,
Подхватил грузин в горах,
И запел узбек в Ташкенте,
И ойрот запел в лесах.
Эту песню слышу я,
Разве имя Маяковский
Не проносят сыновья?
Разве он на гребнях гор
Не пылает, как костер?
Разве он с домброй Джамбула
Не проходит по аулам?
Разве он из года в год
Для народа не живет?..
Вдохновением согретый,
Я сравню вождя поэтов
С несравненным Махамбетом,
Смерти он смотрел в глаза,
Хану он плевал в глаза,
Словом пламенным, как меч,
Он умел и ханов сечь.
Пой, домбра, пусть песня льется,
Пусть горячая несется

В честь того, кто для народа
Стал любимым иноходцем,
Кто страну свою любил,
Кто народ родной любил,
Кто билет партийный в сердце
На столетья сохранил,
Кто, как молния крутая,
Тучи в небе разводил,
Кто за каждым словом в песне
Слово Ленина носил.
Кто, как горных рек порыв,
Как разлив моей Нуры,
За собой зовет певцов —
И ашугов, и жырши —
Полным голосом души
Славить жизнь большевиков...

РОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Из светлых окон самого большого дома Москвы я вижу Кремль. Красные звезды, как знамя, высоко поднимаются к небу. Мне кажется, что я стою на самой недоступной вершине Алатау.

Я снова в родной Москве. Я вижу ее чистые, как степное озеро, улицы, крышами до луны достающие дома. Вечером она мне кажется небом, усеянным огоньками звезд...

Стройно ли побежит моя мысль, будут ли слова мои подобны ручью, впадающему в океан? От радости и волнения я подобен сабе, наполненной кумысом, и если в золотистый напиток слов попадет пылинка, вы, не сердясь, сдуйте ее, сыновья!

Молоко матери стремится к ребенку, сердце ребенка стремится в степь. Могу ли я говорить о песне, не назвав имени певца? Могу ли я говорить о радостях новой жизни, не вспомнив горьких, как слезы, дней прошлого? Могу ли я говорить об эпохе, рождающей батыров, не назвав имени батыра, родившего эпоху? Потревожив свою память, промчась на ее скакуне за семьдесят лет в прошлое, я расскажу вам о своей юности.

Тогда я был джигитом. Мне кланялись травы и улыбались красавицы Кастека и Каскелена. Я был строен и силен. Руки мои могли обхватить столетний ствол дуба, а пальцы — распрямить стальную подкову.

Но сила моя была не в руках. Сила моя была в домбре. Сила домбры была в песне. А сила песни была в правдивом слове, которое любит народ.

Я проходил по степям скитальцем, нищим, без юрты и семьи, без табуна и халата, без невесты и родины. Солнце пустынь обжигало мои брови, от соленых ветров трещины ложились на губах, а щеки горели черным румянцем.

Я голыми ступнями касался раскаленной земли, и каждый шаг, как потревоженный лад домбры, говорил моему сердцу:

— Ты идешь по родной земле, но она не твоя. Ты идешь по чужой земле.

Сердце мое сжималось от злобы и обиды. Я утолял жажду из родных рек, но реки эти принадлежали не мне. Я, ночуя в душистых травах, подслушивал разговор степных цветов. Цветы говорили:

— Иди, иди дальше, родной Джамбул, не то тебя прогонит, а нас растопчет султан.

Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак,
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Пользы больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, пьют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.

На холодной, как лед, заре я пришел в аул волостного управителя. Управитель выиграл в споре табун баранов у соседнего бая и устроил той. Обращаясь к народу, он сказал:

— Всех угощаю. Ешьте бесбармак, пейте кумыс, садитесь на кошмы, завидуйте моему уму и радуйтесь моему добросердечью.

Я тогда, опьяненный кумысом и вниманием бесчисленных глаз, взял домбру. Возле самого уха управителя я спел песню о том, как богатый воробей собрал всех птиц и зверей, кроме барана. Баран был заколот на угощение. Угощая гостей бесбармаком и кумысом, воробей хвалился, что может проглотить даже медведя. А медведь сидел рядом. Он рычал и зло поглядывал на воробья, но соглашался с ним и даже разрешил воробью садиться на свое ухо. Медведь был голоден, а свежая баранина так вкусна, что до поры воробью безнаказанно проходило его хвастовство.

Не успел я закончить песню. Управитель выпил меня своими пустыми глазами и прервал на полуслове.

— Раб вечно будет рабом. Не бывать ему медведем так же, как не видать своими глазами собственного сердца!

Много лет прошло с тех пор... Кости хвастливого управителя давно рассеял ветер. Я своими глазами видел, как медведь проглотил воробья, как народ поднял на колья и истребил вековых врагов: султанов, баев, мулл, царских генералов и управителей.

Я вспомнил хвастливого управителя еще и потому, что недавно в чудесной кремлевской комнате врачи посмотрели мое сердце и сказали, что оно еще крепкое, и показали сердце мне...

Когда я проезжаю на своем коне по колхозам Узун-Агача, я встречаю веселые и радостные лица людей, не знающих рабства и горя. Я вижу свою колхозную родную землю, отданную навеки народу. Я вижу молодые яблоневые сады, табачные поля, многочисленные табуны, светлые школы моих сыновей.

И все это принадлежит народу...

Батыры народа Исатай и Махамбет, Саурък и Суранши поднимались на вековых воров, укравших у народа ключи счастья. Из всех сердец народ ковал батырам мечи, а из песен ткал знамена. Можно ли победить врага, если руки скованы цепью? Можно ли достичь вершины, если к ногам привязан камень? Не достигнув вершины, умирали батыры. Умирая, они знали:

Кто к врагу идет с прошением
О пощаде, тот бессилен
И не стоит уваженья.
Кто, о чести забывая,
Просит милости у баев,—
Жалок тот и безнадежен,
И о нем молва худая.
Тот батыр, кто за народ
В битве жизнь отдает.
Трус пощады не добьется,
Богатырь найдет почет.

Победу народу принес бессмертный батыр Ленин. В степях давно-давно жила поговорка: «Урус бьет кокана, кокан бьет киргиза, киргиз бьет уйгура, все плачут, а правды не найдут».

Цари и султаны нăтравливали нас друг на друга, и земля была завалена мертвецами. Там, где сочная трава,— жиреет бык, там, где много мертвецов,— жиреет мулла.

Умерла старая поговорка. Русский, казах, узбек и уйгур, украинец и белорус нашли великую правду. В богатстве и дружбе, согретые навеки лучами советского закона, живут они на родной земле.

В Москве я встретил много батыров с золотыми звездами на груди. Я смотрел на них и думал:

«С такими может мериться силой только тот, кто ищет смерти. В этих сыновьях я вижу весь мой советский народ, непобедимую землю. Герои с золотыми звездами освободили наших братьев — западных белорусов и украинцев и выбили зубы белым собакам, оскалившимся на город Ленина».

Ураганом грозным шли,
Грудь врага свинцом прожгли,
Огненной рукой достали
Белых змей из-под земли...

Я молодым иду по родной земле. Там, где умирали мечты и песни скитальцев Коркута и Асана-Кайгы, отдают народу свои дары моя Эмба и Караганда, Балхаш и Алтай, Арал и Каспий.

В степях Акмолы, где верблюды теряли тропы,
мои сыновья-комсомольцы построили железную до-
рогу.

В безводных пустынях, где залетевший беркут
умирал от жажды, народ прорыл арыки и пустил
воду.

На солончаках, где прятались каракурты, народ
посадил яблоневые сады.

В пустырях, где стояли дырявые юрты и холодные
саманные зимовки, народ выстроил светлые города и
заводы.

Где стояли гнилые мечети и тюрьмы, народ вы-
строил мраморные дворцы и театры.

В иссохших долинах, где росла одна горькая
попынь, как волны Балхаша, шумит колхозная пшени-
ца, раскрывает золотые коробки хлопок и зреет рис.

В необъятных степях моего Казахстана множатся
колхозные табуны: Кто сосчитает верблюдов в них, кто
сосчитает баранов в них, кто сосчитает табуны круто-
шеих аргамаков, выращенных народом для своих
джигитов?!

Кто в мире сильнее и богаче моего народа?!

Где в мире страна могучей и свободней, радостней
моей Родины?!

Я иду, и солнце бессмертной дружбы народов
освещает мне путь, и сердце поет о рождении жизни...

ВИДЕЛ Я РОДНОЙ КАЗАХСТАН

Видел я родной Казахстан
В ненавистный злой заман.
Буйно травы в лугах цвели,
Вились золотом ковыли,
До крутых заснеженных гор
Пышно лег богатый ковер.
Степь моя, как напев певца,
Без конца цвела, без конца,
Но цвела она не для нас —
Ханы крали счастье у нас,
Травы кланялись не нам...
Я ходил по сухим пескам
Необъятной моей страны.

Заметали след катуны,
Обжигал мою спину зной,
И барханы ползли за мной...
Видел я безлюдную степь
В ожерелье белых костей,
А под мертвой корой земли
В скалах каменных берегли,
В тайниках века берегли,
Как домбру бережет певец,
Уголь, золото, медь, свинец.
Не могла их достать рука
Бесприютного бедняка...
По степи струится река,
Были мертвыми берега,
Не скользил баркас рыбака
В серебристых ее волнах,
И терялась река в песках.
Видел я родной Казахстан
В ненавистный черный заман.
Шел усталый мой караван,
По горячим его следам,
Как собака, брела нужда.
И стонал любимый народ
Под ярмом царей и господ.
Под ярмом султанов и мулл
Задышался в степях Джамбул.

В ГОРАХ

Ровесник столетью — на белые горы гляжу...
По склонам крутым, как в былые лета, не хожу.
Для странствий своих не седлаю, как прежде, коня.
Промчались годы! Я стар и спокойно лежу...

Глаза потускнели. Остыл соколиный порыв,
Не вынесут ноги меня на вершину горы.
И кажется — наглухо уши забиты мои,
Слова исчезают, лишь говор шумит, как арык.

К ПОРТРЕТУ АБАЯ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слава и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущему славным примером возрос.
Аргын и Найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: «Он был одинок...»
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

Я — ТОПОЛЬ СТОЛЕТИЙ

Я сравниваю себя со столетним тополем. Корни мои — родной народ, ветви мои — песни, листья мои — молодые сыновья и дочери. Я рос в голодных степях. Пески были безводны. Ханы, баи, муллы и алаши рубили мои корни. Тучи скрывали от меня солнце. Мои молодые листья срывали злые вьюги.

Я стремился вершиной к солнцу. Но не было солнца. Я тянулся корнями к воде. Но не было воды. Я ветви протягивал к счастью. Но не было счастья. Я гнулся под бурей, оберегая листья. Но силы слабели, а буря срывала и жгла обнаженные листья.

Грозой прошел по земле Октябрь. Ленин открыл родник жизни. Вдоволь насытились корни мои. Ленин разогнал тучи и открыл мне солнце. Ветви мои распрямились. Листья мои зацвели в золотистых лучах. Стали крепкими мои листья. Я, тополь столетний, пою о найденном солнце, о счастье народа, о своих молодых сыновьях и дочерях.

Золотой джайляу народа — счастливая Родина моя. Через двадцать хребтов перешагнул мой Казахстан...

Я жду дорогих гостей в свою юрту. Пусть наполнится она песнями всех народов, и моя казахская песня сольется с их песнями. К тебе протягивает ветви уподобивший себя столетнему тополю седой Джамбул.

БАРЛЫБАЕВУ

У казахов я — курица, много прожившая лет,
Милый мой, исцелишь ли меня ты леча?
Разве старому сердцу не смотрит опасность вослед,
Если крепко руками сожмешь ты лопатки в плечах?
От недуга спасенья, как вижу, на старости нет,
Если буду, мужаясь, ходить без совета врача.

СТАРОСТЬ

Железная лопата в растворе меловом —
То борода Джамбула на склоне вековом.
О старость, что ж взяла ты еще себе в позор?
Седых волос щетину открыла под виском.

Лица былую свежесть с годами унесла,
И рот мой пуст. Все зубы, проклятая, взяла.
Моих суставов гвозди присвоила себе,
О старость, злая старость, все силы отняла!

Глаза мои укрыла холодной краснотой,
Все мясо съела, остались кости лишь со мной.
Склонюсь едва, а старость толкает, чтоб упал.
С батманом, полным соли, на горб садится мой.

ДОСТИГ Я, ШАГАЯ, ВЕРШИНЫ ГОРЫ

Достиг я, шагая, вершины горы,
А век бесконечен, как песня домбры...
Расходятся ноги, как струны, дрожат,
Стоять не могу, мои ноги стары.

Мой доктор, ты правду Джамбулу скажи,
Не скрой ничего и меня поддержи!
Где встретил я старость — несчастье мое?
Как хочется жить! Как мне хочется жить!

Я ветхой кибитке подобен. В груди,
В глазах и в ушах моих ветер гудит.
Нет сил моих прежних управиться с ним,
А старость не вылечишь. Что ж впереди?

ГИМН ВЕСНЕ И ПЕРВОМАЮ

Ты пришла, моя весна,
Солнцем степь озарена,
Юрта старого Джамбула
Песнями окружена.
В нежном бархате поля,
Открывается земля,
Степь засеяли пшеницей
Молодые сыновья,
Дождь серебряный прошел,
В тучах вымылся орел.
У подножья Алатау,
Поклонясь медовым травам,
На заре тюльпан расцвел.
Тополя листвою шумят,
Буйно воды Чу кипят,
На зеркальные озера
С криком лебеди летят,
На колхозные джайляу
Табуны мои спешат.
Не окинешь взором стад
Пышногривых жеребят,
Ярким солнцем удивленных
Милых, строгих верблюжат.
Край мой счастьем обновлен,
Алатау шлет поклон,
И зовет певца седого
К Кулансазу в гости он.
Сердце, соколом взлечай,
Мой народ встречает май,
Знамя красное над юртой,
Теплый ветер, развевай,
Песню старого Джамбула
Пронеси из края в край.
Славлю я колхозный труд,
Сыновья мои растут;
Сквозь туманы в самолетах
Сыновья мои плывут;
В океанах пароходы
Сыновья мои ведут;
На куланах-вездеходах
Сыновья подъем берут;

На полях и на заводах
Славу Родины куют;
На заставах и в походах
Нашу землю берегут...
...И встречаю я с домброй
Первомай светлый той,
С сыновьями я пирую,
Радостный и молодой!..

БОГАТСТВО ЗЕМЛИ

Весне я рад! Пора труда.
Ушли бесследно холода.
Растаял снег. Дымятся горы,
В тепле земли моей просторы,
В оврагах — полая вода...
Колхоз Джамбула поспешил
Пахать поля — он пашней жил.
Без дела день один не прожит!
Казы искусно так не крошат,
Как лемех землю искрошил.
Смотри! Пшеницы всход богат,
А с Алатау водопад —
Вода прозрачная, большая.
И все посевы орошая,
Арыки звонкие журчат.
Земля богатств не утаит:
Живи в труде — и будешь сыт!

ЛЕНТЯЯМ

Рукам лентяев круглый год
Не дотянуться до работ.
Спят лежебоки сладким сном —
Не крутятся веретеном!
С трудом в раздоре много лет,
На гладких лбах их пота нет.
Им, тунеядцам, невдомек,
Что хлеб печет им хлебопек,

А сладкий и душистый мед
Им добывает пчеловод.
Вот лодыри в разгаре дня
Пришли — и сразу болтовня,
Кругом плевки, следы слюны,
И насыбаем рты полны.
Им бы не двигаться — стоять,
И не работать, а лежать.
Им тараторить лишь не лень.
Какой тут будет трудодень?
Что ж! Коль людской услыша суд,
Лентяи в разум не придут, —
Зимой их ждет позор и крах —
По самый пояс быть в долгах.

КУЛАНСАЗ — НАША ЛЕТОВКА

С утра ползет прохлада с гор,
На летнем пастбище — простор.
Я вспомнил юности летовки...
Ослаб я, одряхлел с тех пор.
Взмахну-ка крыльями опять,
Чтоб по горам покочевать!
Что за туманец, что за дымка —
Вершин желанных не видать!
Прохладен вечер, воздух сух,
Близ льда ни комаров, ни мух.
Вон Кулансаз — летовка наша,
Огромный гурт ведет пастух.
Эпохе нашей бью поклон!
Колхоз богат. Со всех сторон
Приходит счастье к человеку,
И справедлив у нас закон.
Вот одолел я перевал,
Кобылу к ели привязал.
Табун пасется. Возле маток
Всех сосунков я сосчитал.
Растут, резвятся... Их не тронь —
Не кровь в их жилах, а огонь.
И виден в каждом жеребенке
Батыра друг — крылатый конь.

Дыши — кумыс не надо пить.
Джамбулу отдых — струны тронуть
И песню новую сложить.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну,—
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских

громил,

Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.

Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края...
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,

И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск Ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.

Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
— Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.

Груды яблок, сладких, как мед,—
Это все вам должно помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Слышат пастбища Сырдарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул,—
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул Отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал,
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долин ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожиллов ведет.
Беспечален будь, Ленинград.
Скажет партия:— В путь!

В Ленинград!—

Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам,
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

МОСКВЕ

Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у кремлевской стены
Склонялась моя голова.
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны,
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сражаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!
О полная мощи Москва!
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью и днем,
Руби их, как рощи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва,
Но сломишь ты гадин, Москва,
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!

Мне птицы стрекочут — «Москва...»
Мне горы грохочут — «Москва...»
Твой подвиг под Млечным Путем
Мне звезды пророчат, Москва!
Ты кладезь сокровищ, Москва!..
Ты краше,
 чем все божества.
Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе
Да будут чеканны слова.
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,

К тебе, вековая Москва!
Когда извергает злодей,
Теряя шакалов своих,
В тревожную тьму площадей
Железо из пушек своих,—
Я знаю — ты прячешь детей
На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий твоих.
Когда на бомбежку с лихвой
Твоя откликается тишь,
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву «услышь!».
Метнет ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой,
Я знаю,

 что даже слепой
Стервятника видит в ночи.
И тот,

 кто под славой знамен
Кремлевской стеной осенен,
Кто вечен в прозрачном гробу,
Я знаю — он слышит стрельбу,
Он слышит призывы племен,
Он в нашу вникает судьбу,
Он гневом безмолвным объят,
Он пушечный слышит раскат,
Что с дальнего шлют рубежа,
И тайные вздохи томят
Ту грудь, над которой, дрожа,
Священные стекла звенят.
Я знаю, что дети Москвы
Дерутся, как горные львы,
И мстят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Что немцам не быть в Москве,
Что им не владеть Москвой.

Три дюжины лет протекло
С тех пор,
 как воюя с царем,
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и дубьем

И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.
Прошла еще дюжина лет,
Послышался ленинский клич,
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
И год он сражался и два,
Голодный,
 продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь после бессонных ночей
Он сном непробудным почил...
Мы знаем,
 что значит Москва,
Над миром маячит Москва,
А век твой лишь начат, Москва.
В дни грозных осенних боев
Неужто заплачет Москва?
Неужто разбойничий рев
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек
Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег,
Ни гладь замерзающих рек
Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит вовек
Себя онемечить Москва!
Друзья! Не во сне — наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Родимого дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер,
 Чимкент и Балхаш,

ВЫСТОИТ ПЛЕМЯ БОГАТЫРЕЙ

Шли и прошли две дюжины лет,
Годы, которым дивится свет,
Годы, которым подобных нет.
Землю свободной животворя,
Мир всенародный щедро даря,
В день, что не раз был нами воспет,
Грянул желанный гром Октября.

К двадцать четвертой светлой черте
Мы с небывалым чувством идем.
В мае еще мы были не те,
Люди стремились к другой мечте,
Солнце скользило другим путем,
Хлеб увлажнялся другим дождем.
Птицы в дубравах пели не так,
Волны в реке шумели не так,
Ранняя стужа длилась не так,
Сердце Джамбула билось не так.
Многое ныне стало иным:
Мрачно клубится пушечный дым,
Враг беспощадно чинит грабеж,
Враг угрожает нивам родным,
Рвется на север и в теплый Крым,
В тело Отчизны вонзает нож.
Пусть, не в пример торжествам былым,
Дымом ты застлан пороховым,
Пусть ты на прежние не похож,
День Октября, ты праздничен все ж!
Будь же отмечен, день Октября,
В нашей Отечественной войне!
Пусть на врага вдвойне и втройне
Рушатся небо, твердь и моря!

Помню я много мудрых примет.
Помню я старый порядок лет:
Зимам по дюжинам велся счет.
Прозвища зимам давали встарь,
С живностью связан был каждый год:
Звался, как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.
Стань для фашистов, нынешний год,

Годом улиток и годом змей!
Стань для страны, где правит народ,
Годом орлов и годом коней!

Песню послал к ленинградцам я,
Песню послал я и к москвичам,
Струнам велел не смиряться я
И разучился спать по ночам.
Я для народов, слитых в семью,
Выносил новую песню мою.
С нами народы заморских стран,
Те, что проникли в черный обман,
Те, чьи тяжелые корабли
К нашим причалам путь обрели.
Выстудят, выморозят зверей
Наши сугробы и наши льды,
Выстоит племя богатырей,
Выручит Родину из беды.
В прошлом немало суровых зим
Сделал оружием предок мой;
Холод нам друг, и этой зимой
Натиск фашиста мы отразим;
Нашу изведает зиму он,
Сил не найдет для разбоя он,
Гнев наш разрушит вражью тюрьму,
Детище тьмы отпрянет во тьму...

СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ

Есть в языке такие слова,
Чье назначенье пламенем жечь;
Если услышишь — вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова,
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молния, жгут,
Сердце пьянят, на подвиг влекут.
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ним гремят.

Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло Джамбулов кров,

Сколько он сам их ни находил,—
Громче, чем «гвардия», не слышал,
Ярче, чем «гвардия», не встречал,
Слаще, чем «гвардия», не твердил,
Тверже, чем «гвардия», не чертил,
Чище, чем «гвардия», не вдыхал.
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знаменам присуждено,
Если победный дедовский чин
Стал достояньем наших дружин —
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин
Доблесть советских богатырей;
Значит, злодеям приходит срок,
Сражает их метко гвардейский стрелок.

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесенное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава джигитам лучших частей!
Множься и крепни, гвардейская часть,
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Гвардии славной путь открыт,
Путь, что тяжелым плугом изрыт,
Путь, что горячей кровью омыт!

**В НОВОГОДНИЙ
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС**

Снег ложится могучим пластом,
Реки тихо текут подо льдом,
Нависает сосульками лед,
Холодна предрассветная тьма.
Посетившая землю зима
Продолжает привычный обход,
И стучится в родные дома
Молодой наступающий год.
На полях снеговых, ледяных,
В тишине новогодних часов
Слышу я перекличку бойцов,
Наших славных, советских, родных,
Слышу тысячи их голосов...
Звон оружия у их поясов
И походку суровую их.
В эти дни наступил перелом,
В эти ночи не спится врагу,
Он почуял свой близкий разгром —
Оставляя село за селом,
Он теряет на каждом шагу
Все, что занял коварством и злом;
Он за слезы невинных детей
Платит кровью поганой своей.
Ленинград, и Москва, и Ростов,
И десятки других городов
Дали грозный злодеям отпор
И заставили в землю залечь,
И выкуривать стали из нор;
Партизаны их гонят на двор,
И не греет их русская печь.
Надо их до конца истребить.
До единого всех перебить!
К вам, мои дорогие сыны,
К вам, защитники нашей страны,
Обращается старый Джамбул:
Мечь победы над миром сверкнул!..
...Пусть немолод я, пусть седовлас —
Я за ним по-орлиному взмыл,
Чтоб помог вам мой песенный пыл
В новогодний торжественный час.

СОВЕТСКИМ ВОИНАМ

Морозный ветер родной страны,
Наполнись пеньем моей струны!
Сквозь гул орудий мой сын и внук
Пушкой услышат певучий звук!
К могучим силам под гром войны
Слова Джамбула обращены.
Красноармеец! Привет тебе,
Тебе, кто страха не знал в борьбе,
Тебе, чей зорек и грозен взгляд,
Тебе, кто немцев теснит назад.
Тебе, чье сердце — огонь и лед,
Тебе, чья слава летит вперед.
Чей шаг уверен, чей путь суров,
Кто защищает родимый кров!
Вы миру дали расцвет зари,
Отчизны нашей богатыри!
Вы плоть от плоти своих отцов,
Стяжавших славу лихих бойцов,
Вы утешенье для матерей,
Таких вскормивших богатырей.
Вскормить героя сумела мать,
Его сумела и в бой послать;
В пеленках ею он был согрет,
В ее он пряжу теперь одет;
Оружье наше народ ковал,
Народ свободу завоевал;
Страну, где Ленин в сердцах живет,
Никто на части не разорвет!..
Враг подбирался с ночных небес,
Но рухнул камнем на черный лес;
Шел под волной он и по волне,
Но, захлебнувшись, гниет на дне,
Пришлось под снегом и на снегу,
Околевая, лежать врагу.
Все это сделал рукой своей
Наш воин, мстящий за кровь детей,
За нас, скорбящих, как никогда,
За наши села и города.
Все, чем захватчик ее силен,
Все, чем сломить нас мечтает он,
Что он надергал, что он наскреб,—
Все, чем кичится, крича взахлеб,—

Все это должен сровнять с трухой
Советский воин своей рукой.
Советский воин! На запад, вдаль!
Разящей пулей врага ужаль,
Сверкни очами из-под бровей,
Сломи фашистов и в прах развей!
Им передышки мы не дадим,
Красноармейцы, мы победим!

СЫНАМ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ

Казах Сеитов Дюсекей
И русский Сахаров Борис!
Ваш клич достиг моих ушей,
Он тучей над врагом навис.

Залегши в снежной целине,
Готовя извергам разгром,
Вы обращаетесь ко мне
С коротким пламенным письмом.

Вы заявляете: «Сведем
С фашизмом счеты мы сполна».
Вы пишете: «Мы песни ждем,
Джамбул, поможет нам она!»

Я бремя лет откину прочь,
Чтоб спеть о празднике весны.
Есть, песню дать! Есть, вам помочь,
Народов доблестных сыны!

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Беспокойным тяжелым сном
В эту зиму спали поля...
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.
Наши мирные очаги
Разрушали злобно враги.
Но разгневавшийся народ
Гнал на запад фашистский сброд.
Вот зиме наступил конец,
Вешним солнцем пригрет боец,
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течет по руслу,
Вновь береза соком полна,
Вновь курлычут в синей дали
Перелетные журавли.
Их встречая, старый Джамбул
Руки к ним свои протянул,
Протянул и громко спросил:
— В чем источник жизненных сил?
В чем развязка наших тревог?
В чем победы нашей залог?
— В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли,—
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней,
Так ответили журавли.
Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ!
Разве реки иной страны
Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клен
К можжевельнику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет порабощен!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны,
С новой мощью ринемся в бой!..

ГОРОДУ ЛЕНИНСКИХ ЗОРЬ

Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Вновь Джамбулово сердце грей,
Вновь акыну старому вторы!
Ты вовеки непобедим,
Это знал я, скорбью томим,
Слыша весть про вражий нажим
И вверяя в суровый час
Всех созвучий моих запас
Ленинградцам, детям моим.
Ты хозяин судьбы своей,
Ты в годину тяжких невзгод
Принял так незваных гостей,
Чтоб редеющий этот сброд
Не прошел ни шагу вперед.
С каждым днем фашисты слабей.
Ждать недолго. Пуль не жалей!
У железных своих дверей
Все опасности переспорь,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Много подвигов ты совершил,
Много извергов искрошил,
Город-зареву, город-лев!
Слушай издали мой напев
И устреми свой царственный гнев
Вдоль израненных невских жил...
Где алмазный опыт боев
С золотым предвиденьем слит.
Наши воины стали злей,
Наши люди стали взрослей.
Вот средь выжженных пустырей
Душит немцев смертная хворь!
Вот канун победы твоей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
За движеньем солнца следя,
Счет бесценным часам ведя,
Выполняя приказ вождя,
Казахстан отдался труду,
Чтоб сразить тупую орду,

Если рук — от страха пьяна —
Не поднимет раньше она.
За составом идет состав:
Славный город, наш дар прими!
Пусть обвивший тебя удав,
Гад, глумящийся над детьми,
Подыхает, кольца разжав.
Славный город, наш дар прими,
Будь им сыт, а врагов громи
И свинцом их нашим корми!
Пред тобой, от годов сутул,
В этот год склонился Джамбул.
Говорю: победу ускорь!
Я, чей волос снега белей,
Говорю: победу ускорь!
Прорубись в просторы морей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

ДРУЖБА НАРОДОВ

Там, где Джамбул родился и рос,
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он Родине помогал,
Там по раздолью древних степей
Бродят несметные табуны,
Там в бечеве озерных сетей
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Борозды вспаханной целины;
Там для расчета с лютым врагом
Уголь пылает, плавя руду,
Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду;
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду,
Там — кладовая силы земной,
Там — колыбель бесстрашных людей,
Там — Казахстан неоглядный мой
Во всеоружье славы своей!

Тесной дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной,
Стал образцом для дружеских стран.
Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,
Вас я на битвы благословлял.
Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой вечно живой.
Многих из вас на горе врагу
Славный Панфилов вел за собой.
Горд я и счастлив — скрывать не могу!—
Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял средь первых над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Степь Украины, как пишут мне...
Берег реки под ливнем свинца
Он целовал, как руку отца.
«Жарко он,— пишут,— к земле прильнул...»
Что же скрывать?— ты сладко всплакнул,
Слыша об этом, старый Джамбул!

Время идет и недолго ждать —
Мы людоедов начали жать.
Но, чтобы скорей погибли враги,—
Силы свои вдвойне напряги,
Слитый с Отчиной, мой Казахстан!
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих битв ураган.

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь.
Все с землею сровнять и сжечь,
Осквернить святыни отцов!..
Враг вступить посмел на Кавказ,
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет пить Кубань, Волгу, Дон —
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это — наше с древних времен!
Все отнять у нас хочет он!
Все, чем жизнь была дорога,
Разве ты берег для врага?
Если над головою гроза,
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и Родины честь?
Разве честная медлит рука
Вырвать жизнь из груди врага?
Каждый, каждый земли вершок —
Это тело твое, кровь и пот!
Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод,—
Сердце Родины бьется, живет;
Там, где руды в земле залегли,—
Видишь светлую душу земли!
Где зеленый раскинулся луг —
Это — сила трудящихся рук,
Это — радости мирной жилы,
Это — верное счастье твое!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас,
Если это он топчет, кичась,
Чья душа не вспыхнет огнем!
Разве в пропасть врага не столкнем?!
Где берет он хоть малую пядь —
Он спешит в себя силу впитать!

Там, где верх он над нами берет —
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймет,
Разве можно еще отступить?
Разве есть у нас лишний вершок,
Что не жалко врагам уступить?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни, воин: ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать,
Смерть не легче ли нам во сто крат?!
О великое племя! Вы,
Наши юноши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слыхали дурной молвы,
Не терпели еще обид,
Вас не жег униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен Родины сын — джигит!
О свободной земли сыны,
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там, казненные без вины,
Дети раненые видны.
Пощадить дитя молит мать,
Стонут женщины — плач кругом!..
Как придавленную врагом
Честь, достоинство сохранять?!
Жгучей жалости боль в груди
Разве можно стерпеть?— Иди!
Счастье мщенья впереди!..
Кто не знает усталости, тот
По врагам побежденным пройдет!
Помни: трус не останется цел,
Себялюбец себя не спасет —
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О мой сын, только трусом не будь,
Этой чаши горчайшей не пей!
Разве может народу помочь
И спасется ли в грозную ночь
Жалкий заяц, пустой воробей?
Прочь, кто трусит и плачется, прочь!

О, послушайте старца призыв!
Если дышишь еще, если жив,
Если двигаться в силах рука,
Не подрублены ноги пока,—
Бей врага, милый сын, бей врага!
Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, железо себя обратить,
Чтоб от Родины смерть отвратить!
Сыновья! Нет дороги иной,
Наступайте волна за волной!
Чтобы враг захлебнулся волной,
Чтоб задохся и выдохся он,
О боец, бей врага! Ты не сдашь!
Как стоит горнокаменный кряж,
Надо встать, сыновья, надо встать!
Нами созданный мир будет наш!
Если гнев твой остер как меч,
О, зачем свою кровь беречь?
Бей врага, мой сын, бей врага!—
Это Родины нашей речь!
Сын мой, тверже будь, чем гранит.
Будет вдребезги враг' разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага!..
Будет счастье и будет свет!
А для воина смерти нет!

СКАЗАНИЕ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРАВДЕ

Помню — в тот день Май-Тюбе-гора
Празднично выглядела с утра:
Снег, залегая в морщинах скал,
На Алатау седом сверкал;
С желтой ромашкой наперебой
Мак по зеленым склонам алел,
Конь обрывал их влажной губой,
В них утопал, от них веселел;
Шумно раскачивалась листва —
Легкая ноша свежих ветвей;
В песнях, исполненных торжества,
Хвастали птицы жизнью своей;

Счет потерявший прожитым дням
(Я и тогда уже был старик),
Взор обратив к нагорным снегам,
Вдруг услышал я радостный крик:
«Фурманов Дмитрий приехал к нам!»
Дмитрий... Слышал я раньше о нем,
Знал, что не рядом мы с ним живем...
Кто приезжал из Алма-Ата,
Тот говорил, что пышут огнем
Дмитрия Фурманова уста;
Речь его, мол, ясна и чиста;
Если, мол, все мы за ним пойдем,
Явью любая станет мечта.
Беден тогда был старый Джамбул,
Часто на голой спал земле,
Как на облезлом своем осле
Он бы до города дотянул?
Льнула беда к седым волосам,
Немощен был я, и рван, и бос...
Если же Дмитрий приехал сам,
Если предстал он старым глазам,—
Здесь он ответит на мой вопрос!

«В мире, наполненном суетой,
Долог мой путь,— ему я сказал,—
В поисках правды Джамбул седой
Обувь последнюю истоптал.
Ищет он семьдесят с лишним лет,
Кажется, вот уж напал на след,
Но, покрываясь враждебной мглой,
След исчезает, и правды нет...
Голубем правда вьется вдали,
Кони доскачут ли до нее?
Правду догонят ли корабли?
Можно ль проникнуть к правде в жилище?
Стал мой осел и щиплет кусты.
Стать ли и мне, затылок скребя?
Где же, я спрашиваю тебя,
Где она, правда, знаешь ли ты?»

Вдумчивый взгляд под высоким лбом
Сердце мое овеял теплом.
Сияясь волнение скрыть от меня,

Голосом юношеским звеня,
Он на слова ответил мой:
«Правда, отец, в людском бытии,
В жизни она и, значит, везде,
Но достается только в труде.
Если ж свободным не станет он,
Правды не будет — это закон...
В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,
Да, но другого нет впереди».
Данный мне Фурмановым ответ
Снял с меня сразу полсотни лет,
Силу былую обрел я вновь,
В жилах моих обновилась кровь.
Стала из высохшего ручья
Бурным потоком песня моя.
Ленинский светлый путь
Стал неизменным путем моим,
Слов большевистских познал я суть,
Лживого бреда липкую муть
Стал обходить с подолом сухим.
Мирный приют моих земляков,
Сочную зелень сочных лугов,
Где разгоняли свою мошкарю,
Истину жизни, жизнью согрет,—
Два с половиной десятка лет
Я воспевал на общем пиру.

Время пришло: в негаданный час
Всех к испытанью призвали нас.
Время пришло: орудийный гул
Степи бескрайние всколыхнул
И снеговые горы потряс.
Так оборвал наш мирный покой,
Так замахнулся грязной рукой
Враг, потерявший облик людской.
Вторгся на наши равнины он,
Вторгся, чтоб сесть нам на спины, он,
Вторгся, ища мертвечины он,
Стал земляков скликать я моих:
«Ну-ка, затянемте пояса!
Ну-ка, прогонимте немца-пса,

Так, чтоб не лаял, так, чтоб затих!
Правда Отчизны — наша краса,
Чище и глубже, чем небеса».

Время проходит. Вот уж погас
День пятисотый в черном дыму,
Пламя войны в пятисотый раз
Смыло с полей вечернюю тьму.
Мы же по-прежнему немца бьем.
Мы, как и прежде, духом сильны,
Фронту все больше сил придаем,
И разрастается с каждым днем
Гнев непреклонной нашей страны.
Все мы воюем — и стар и млад,
Бомбой и пулей разим впопад.
Дело большое нашлось и мне:
Песней правдивой служить стране.
Не остается песня в долгу —
Песня хребет ломает врагу.
Целься же, песня, в глаз, а не в бровь!
Мсти за народную нашу кровь!
Время придет, и мы отомстим
За омраченный великий день,
День, что, как солнце, неугасим,
Но, облаченный в скорбную тень,
В память со стоном входит глухим.
Четверть столетья, годы трудов
Нашим богатством будут всегда,
Не превратят нас немцы в рабов!
Знайте же, села и города:
Нам без победы спасенья нет!
Разве помилует людоед?
Разве насытится кровью он?
Кровью союз народов скреплен,
Кровью мы купим счастье и честь,
В нас большевистская правда есть...

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки коротки у врага!
Обломаем ему клыки,
Поскользнется его нога!
Сталинград... не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с ружьем, зажатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор?!
Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг...
Твердо знают и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесьь мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!..
От седой моей бороды —
Я не белый клочок оторвал, —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! — сказал я ему, —
Бей как следует вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбулском вырос дому! —
Я сказал ему: — Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!»

Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джембул свой голос вошьет.

ПРОВОДЫ

Благословенье отца над тобой,
Мой сын.
Садись на коня, приготовившись к бою,
Мой сын.
Полыхая седой бородой,
Вослед я тебе погляжу,
И песни, рожденные вместе с домброю,

Я в уши твои вложу.
Мой сын Алгадай, ты честным, почтительным был.
Ты слову отца не перечил и труд ты любил,
И черным поступком, позорящим имя семьи,
Ни разу седин моих не осквернил,
На фронт я тебя провожаю,
Мой сын.

Тебе я здоровья и силы желаю,
Мой сын.
Умножь нашу гордую славу,
Не сбивайся с прямого пути,
Окрылившую песню акына державу
От врагов защити!

Единству и братству народов пришел
испытания срок,
И доблести мужа пришел испытания срок...
Слова мои слушайте, воины-юноши все,
Поймите сердцами преподанный сыну урок.

ТЕБЕ, КОМСОМОЛЕЦ ЛЕНИНГРАДА

Прибыл гость дорогой ко мне —
Ленинграда отважный сын,
Речи пламенные его
Я, седой и дряхлый акын,
Молча слушал и видел того,
О котором он вел рассказ.
...Ты мне ярко предстал сейчас,
Ленинграда боец молодой,
Сквозь просторы страны родной,
Сквозь немолкнувший вой ветров.
Бледен ты, но взор твой суров,
Неустанен он в днях и в ночах.
Мысль одна в нем: не сдать в борьбе!
...Ватник стеганный на тебе,
Валенки на твоих ногах...
Это ты Ленинград родной
Оградил стальной стеной,
Чтобы злобных врагов орда
Не проникла в него никогда.
В эту стену уперся враг
И не двинулся ни на шаг.

Рвутся бомбы на площадях,
Дико злобны разрывы их,
Но тобой не владеет страх:
Ты в холодных цехах больших
За снарядом готовишь снаряд.
И, врагу давая ответ,
Наши пушки ревут, гремят...
Где тебя, непреклонного, нет?!
Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь ты хлеб ржаной;
В лазарете сестра твоя,
Бесконечных забот полна,
День и ночь хлопочет она,
От себя усталость тая.

Да, мой сын, мой любимый сын,
Как, пройдя, поглядишь кругом,—
Осквернен проспект не один
Вражьей стаей, вражьем свинцом.

Но врагу не торжествовать:
Убираешь каменья ты,
Сор сметаешь, и вот опять
Тротуары улиц чисты.
Жизнь идет, ее не прервать!
Это — доблесть твоя! Это — ты!

Вижу я: ты сходишь в подвал,
И в ночи, как бы ни завывал
Черный вражеский самолет, —
Комсомольцев собрание идет.
Пусть сирены тревожный вой
Раздается в тиши ночной, —
Ты сидишь и пишешь статью.
Вижу: бегают твой карандаш:
«Крепче стойте, друзья, в бою,
Ленинград защищая наш!»
Ты стоишь у наборных касс,
И как четверть века назад,
Буквы «Смены» в урочный час
Свежей краской во мгле блещат.

«Смена»... Выращено тобой
Племя комсомольцев-отцов,
Петрограда славных бойцов.
Передай же теперь их сынам,
Рвущим вражье кольцо, о том,
Что Джамбул поет их делам
Славу звонким степным стихом.
С отпечатанных утром листов
Славной «Смены» твоей боевой
Я, седой и дряхлый акын,
Обращаюсь к тебе, мой сын,
Ленинградец, друг молодой.
Вот по Невскому я иду:
С пьедестала, с гранитных плит
На меня Кутузов глядит;
Вот на Выборгской, там, вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою;
Вот за Нарвской заставой я, —
Здесь, увенчанный славой, зовет
Ленинградец Киров вперед!

Ты у этих богатырей,
У великих России сынов,
Жить учись! Как они, сумей
Быть в опасности тверже камней
И незыблемей горных хребтов.
Помни, юноша, вся страна
О тебе заботы полна!
Знаю: скоро отступит враг
От Невы так же, как побежал
Он от волжских бурливых вод
И от Дона, что перестал
Тихим быть и яростным стал,
Так же, как от Кавказских гор,
Побежал он, побитый вор.
Стой же, сын, на посту, крепко стой!
Вся страна, ленинградец, с тобой,
И с тобой, мой любимый сын,
Я, Джембул, ее седой акын.

ОТВЕТ СЫНУ

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мне!
Ты с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурыку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!

Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой;
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.
Это — братья твои, сынок!
Это — дети нашей страны!
От волнующих теплых строк
Веет мужеством старины.
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак,
Дни разбойников сочтены!»

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца!
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалей.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок.
Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега
Замутившихся русских рек.
«Мертвой нечистью путь устлав,
Перед Родиной воин прав», —
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мертвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыт,
Я не сыт, и покоя нет...
Пусть отец твой годами стар —
Жажда мести мне сердце жжет.
За ударом нужен удар,
Новой славы Отчизна ждет,
Не окончен победам счет.
Полный мести близок разгар,
Грозных молний виден полет!
Помни, сын, что истый джигит
Не боится своих врагов.
Если будешь и ты таков —
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалей,
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если струсишь — не пощажу,
Если выстоишь — награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

**БОГАТЫРЯМ,
ЛОМАЮЩИМ ПРЕГРАДЫ**

Больше всех народом любим
Тот, кто в битве непоколебим.
Тот, кто с жизнью расстаться готов,
Мстя за слезы сирот и вдов.
Но тому наивысший почет,
Кто бойца за собой влечет,
Кто для них излучает свет,
В ком спасенье от лютых бед.

Судьбы нашей великой страны
Красной Армии вручены.
Все, что лучшего в мире есть,—
Дружный труд, свободу и честь,
Все, что создано на века
Человеческим светлым умом,
Все, что враг обрекал на слом,
Защищают наши войска,
Защищают ночью и днем...
Наших воинов всюду чтят,
Чтят, кто мал, кто молод, кто сед,
Славят доблестный путь побед
И с восторгом за ним следят.

Люди чтили и в старину
Смельчаков, что шли на войну
За свободу милой земли;
Помогали им, чем могли,
И венки полководцам плели.
Если в люльке, здоровьем дыша,
Русский мальчик мать утешал,
Если этого крепыша
Старый дед на колено сажал,
Говорили и дед и мать:
«Ты Чапаевым должен стать!»
Если свет вечерней звезды
Новорожденный мальчик-казак
Отражал впервые в глазах:
«Будь подобен Амангельды!
Будь отважен, как Махамбет!»—
Вот какой давали совет.
И в преддверье тревожных лет
Слово матери слышал грузин:

«Будь прославлен, как тот исполин,
Кто был в тигровую шкуру одет!»

И не раз, где Каспий седой
Гонит пенистые валы,
Смуглый первенец слышал: «Стой,
Стой за правду, как Кер-оглы!»
Так младенцам каждый народ
Образ предка влагал в сердца,
Чтоб чтили их в свой черед,
Чтоб в каждом видеть бойца.
Было время — враг оттеснял
Нашу Армию на восток,
Нашу землю он осквернял,
В малодушных робость вселял,
Трупы детские оставлял
За собой немецкий сапог.
Но сомнения не было, нет,
В том, что силы наши растут,
В том, что скоро немцу ответ
Все народы наши дадут,
Если в жилах наших бойцов
Кровь их славных предков текла —
Эта кровь, наследство отцов,
Поруганья стерпеть не могла.
Знал ли немец, как может кипеть
Эта кровь, что чище росы?..
Знал ли он, что нам не сробеть
Даже в горестные часы?

Твердо знал и старый Джамбул,
Что недолог вражий разгул:
От Невы до Кавказских гор,
За приказом вступая вслед,
Ради ваших, джигиты, побед
Голос мой выходил в дозор.
Не прошел ли я с вами сам
По дорогам и по лесам?
Помнит каждая колея,
Помнят старых стволов слои
Зов Джамбула — «дети мои!»
И признание — «гордость моя!»

Устояли вы в смертной борьбе,
Я горжусь моими детьми!
Вот, забыв о своей похвальбе,
Людоед ложится костями!
Вот он корчится, раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кто сумел удар нанести —
Будет дальше разить сильнее!
Бей врагов, мой доблестный внук,
В мертвецов превращай иль в калек!
Знай: разливом весенних рек
Сносит в море зубастых щук.
В ваших жилах взбурлила кровь,
Враг под натиском вашим смят,
Ваши предки ожили вновь,
Их знамена в небе шумят.
Пусть же гибнет в бегстве своем
Враг, ворвавшийся к нам с огнем
И с разбойничьим кистенем!
Миру видно: делом своим
Ей привычным, ей не чужим,
Наша Армия занята,
Грозным делом чести своей,
Что под силу одной лишь ей,
Ей завещанным неспроста.
Четверть века тому назад
Ленин, кинув пророческий взгляд,
Это дело ей поручил...
Обращая мысли к Москве,
Ныне Армия наша идет,
Бьет врага и погоды не ждет.
Развернулись наши войска,
Для которых туча близка,
Хлябь морская неглубока
И граница недалека!
Разъярился такой кулак,
Пред которым только беги,
Пред которым сохнут мозги
У сдуревших вражьих вояк!
Размахнулся такой народ,
Что проходит и вплавь и вброд,
Что не может пойти ко дну

И дорогу знает одну:
На врага! Вперед и вперед!
Продолжай же, Армия, бой,
Исторгай из фашистов вой,
Зимний вспарывай их постой,
Режь их фронт, кромсай и крой!
С вами Ленин, дети мои!..

КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНОМ

Казах-скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой мудрый нрав,
Мне песни о славе родной земли
Нашептывал ты под шорох трав.
Идти, отвлекая порчу и вред
От блеющих и от мычащих стад,
Все время за ними идти вослед —
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозили им бури и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью и днем, казах-скотовод!
Прикрывшись полкой, щекой к рукаву,
Промокнув от темени и до ног
Под ливнем ты все же держал бечеву,
В полглаза, дремля, добро ты стерег.

Я видел, колхозник, твои стада,
Но счесть их мне было не вмоготу...
Колышется степь, как в море вода,
И в этой степи раздолье скоту,
Здесь выпасы всех четырех родов.
Средь шерсти, рогов, горбов и грив
Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, домброй звеня,
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул
Направил шаги гнедого коня
Качаемый иноходью Джамбул.
Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны,

Вовсю жеребячья идет игра.
У каждой буренки, гордой на вид,
Запас молока и свеж и тяжел;
Вот вымя ее сосун теревит,
И радует взоры знатный отел.
На пастбищах звуки щедрой весны,
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцепас!
Кто лучше, чем вы, их речи поймет?
В труде напряженном я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живет.

Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор,
Казах-скотовод все силы напруг,
Он жаждой отмщенья зажег свой взор!
Табунщик на фронт коня снарядил,
Ему расчесав и гриву и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод,
А если в бою пересохли рты,—
Вот сливки для них, густые, как мед!
Проживши без малого сотню лет,
Я хрупок, но силы все же припас.
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас!

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берет на прицел!
Давайте на части рубить змею,
Что в наше Отечество заползла!
Вернемте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!..

Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАШ НЕДАЛЕК

В лютых вьюгах зимних ночей
Броненосный ринулся вал;
Крепче льда и тучи мрачней
Вражью цепь он властно порвал,
Это в грозной славе своей
Сила наших богатырей —
Красной Армии день настал!
Мир к ней взоры свои приковал!

Всенародный внукам привет
В песне шлет ликующий дед.
Снова молод я и силен,
Ваши, внуки, я вдохновлен.
Сердца жар ничуть не остыл,
Свет лучей моих не погас,
Наш на жертвы готовый тыл
Этой песней приветствует вас!
Ваш удар неслышанным был —
Он врага жестоко потряс,
Путь на запад он нам открыл.
Нам известно, как бить врагов,
Бить и вдоль их и поперек!..
Светлый праздник наш недалек!

БОЕВЫМ СТРАНИЦАМ

Знаю я: со штыком наравне
Верно служит нашей стране
Боевая наша печать,
Ей, подобно грому, звучать!
Наша слава, наши труды,
Наши села и города,
Словно небо в каплях воды,
Отражаются навсегда
На страницах «Красной Звезды».
Я всю жизнь о мужестве пел,
И струна моя мне твердит:
«Тот, кто грамотен, тот, кто смел,
Тот, кто труса взял на прицел,
Тот, кто сердцем с народом слит,—
Неминуемо победит!»

МЫСЛИ ОБ АЛГАДАЕ

I

Ты с поездки на фронт возвратился, Гали,
Обласкать тебя дай...
Посетил ли ты холмик печальный земли,
Где лежит Алгадай?

Ты сказал ли устами ему старика:
«Спи спокойно, мой сын»,
Чтоб земля ему стала легка и мягка
В темной глуби теснин.

Словно прессом зажатое, сердце болит,
Тупо ноет спина...
Ненаглядный мой сокол врагами убит.
Весть, как бездна, темна.

2

Если я обойду Алатау в тоске,
Алгадая найду ль?
Если травы обшарю в Сарыарке,
Соколенка вспугну ль?

Дряхлость старости ядом щекочет глаза —
Столько лет за спиной!
И непрошеной гостьей туманит слеза
Свет дневной.

3

Я лишь видимость, прежней веселости нет,
Мочи нет, чтоб ходить.
Я на внука гляжу — сиротинкой мой свет
Без отца будет жить.

Но твержу я ребенку, печальной вдове:
Песни любит домбра,
Если светлые думы в твоей голове —
Ты создатель добра.

Человека с железными нервами нет,
Человека бессмертного нет...
«Твоя смерть неуместна», — не скажет поэт, —
Ты — преддверье побед!

Срок приходит — редеет грива коня,
Разве юности мне не жаль!
Но Джамбул дошагал до предельного дня,
За пределом — печаль.

Сердце слабое бьется, а горе твердит,
Льются слезы из глаз.
Только чувствую — где-то глубоко в груди
Жизни свет не погас!

ЛАСКА ДЕДА

Ушел Алгадай от нас,
Не осушить мне глаз.
В тебе, мой внук Куаныш,
Для деда утеха нашлась.
«Дедусь мой», — шепчет внучок.
Я с лаской трону плечо,
Заплаты на сердце кладу,
Целую тебя горячо.
Ты тише сиди, малыш,
Ты песенку деда услышь.
Порадуешь старика —
Спокойней ему, Куаныш.

ОБРАЩЕНИЕ К АКЫНАМ

К вам, пришедшим издалека,
Пусть примчится моя строка,
Вас прислал Алатау к нам,
Вас прислала Сарыарка.

Сырдарья, Иртыш и Или
Повстречаться сюда пришли,
Много песен у вас с собой —
Украшение моей земли.

У акына, как мед, уста,
Песня ласкова и проста,
Пусть узнает ее народ,
Пусть ей внемлет Алма-Ата.

Я, услыша призывный гул,
К вам домбру свою повернул,
В славный день торжества для вас
Эту песню сложил Джамбул.

И, на песенный бой спеша,
Стала юной моя душа,
Горячей заструилась кровь,
Вдохновенным огнем дыша.

Пусть выходят на честный спор
Наши песни степей и гор,
Пусть, как птицы, летят они
На родимой страны простор.

И, как принято с давних пор,
Пусть обсудит народный сбор
Ваших мыслей бесценный клад,
Ваших слов золотой узор.

Если конь быстроногий мчит,—
Путь широкий за ним лежит,
Если кляча бредет в степи,—
Степь следов ее не хранит.

Разве может заснуть река,
Разве могут не цвести луга,
Разве может казах-батыр
Не разить на войне врага?

Разве может не петь акын
С юных лет до моих седин,
И не слышать его народ,
Если это народа сын?
Сердце песней у вас полно,

Как тугая струна оно,
Наш старинный степной напев
Над страну летит давно.
На пути, что прошел наш край,
Пел нам песню свою Суюмбай,
И хранил Канадан в груди
Миллионы крылатых стай.
На дорогах земли родной
Лился голос певца живой:
Кеншимбай нас пленил стихом,
Прозвенел Орымбай струной.
Этих слов дорогой коралл
Нас к далекому счастью звал,
И проложенный ими путь
Караванной дорогой стал.
Куандык, Сарбас, Майкот,
Ваши песни сегодня тут,
Кулмамбет, Кулуншак и Кул
С нами вместе сейчас поют.
Кемпирбай и Шоже хранят
Драгоценный напевов клад.
Вы — их племя и вам начать
Торжествующей песни лад.

Есть земля, и на ней живет
Славных воинов гордый род,
По зеленым ее полям
Бродит тучный и сытый скот.
Есть страна, где велик простор
Океанов, полей и гор,
И прозрачных, как лунный свет,
И безбрежных, как даль, озер.
Там лесов недоступных тень,
Там зеленых джайляу сень,
Там в широкой степи, акын,
Ты встречаешь и ночь и день.
Есть земля, что в себе хранит
Медь, железо, свинец, гранит,
И об этой земле твоя
Молодая домбра звенит.
Есть страна, что из года в год
Побеждает, гремит, растет,
И такие в ней люди есть,

Что ведут за собой народ,
Что, услыша военный зов,
Покидают очаг и кров.
И идут молодые львы,
Побеждая своих врагов.
От казахской степи большой
Наши дети помчались в бой,
Как отважный батыр Малик,
Этой гордой земли герой.
Вы разъедетесь. В добрый час.
Пусть встречают колхозы вас,
Пусть опять прозвучит для них
Вашей песни живой рассказ...
Орымбай, твой напев высок,
Начинай же с веселых строк,
Шашубай за тобой, вдвоем
Вы, как горной реки исток.
Кенен, Нурлыбек, Нартай,
Маясар, Куат, Жаксыбай,
Пусть, как молния, ваш напев
Озарит наш веселый край.
Пусть тут песню поют поля,
Пусть насытится ею земля,
Пусть подхватит ее народ,
Жажду вечную утоля.

ЗНАМЯ БАТЫРА

Если светлое знамя борца
Поднимают тысячи рук,—
Значит, помнят наши сердца
Его имени славный звук!..
О батыр мой, Амангельды,
Не забудет тебя народ,—
Ведь живешь, как и прежде, ты,
Как и прежде, зовешь вперед.
Опоясан острым мечом,
Сердце мужеством напоив,
Ты проходишь перед бойцом,
Весь — единый клич и порыв.
И герой-боец узнает —
Вместе с ним и ты на войне.

Вижу: гордое знамя твое
Развевается в вышине!
Вижу, знаю:
Из рода в род
Переходит доблесть твоя,
И проносит ее народ
В небывалых вовек боях.
Как орел молодых орлят,
Ты выводил батыров в бой.
Твою зоркость глаза хранят,
Наша сила полна тобой!..
Эту силу я берегу,
Эту мощь в бойце узнаю.
Разве внук мой отдаст врагу
Наше счастье, страну мою?!
Все батыры, как на подбор,
Каждый — Родины смелый сын.
Нет для них неприступных гор,
Нет для них недоступных вершин...
Знамя над головой плывет,
Впереди их победа ждет.
Имя Ленина их ведет!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Кто мой костер потушил?
Кто мои уши закрыл?
Слабый румянец горит,
В постели лежу без сил.
Я не владею собой,
Слаб я, пора на покой.
Выслушайте отца:
Будьте со мной до конца,
Живу я — будьте со мной
Опорой моей родной.

КОММЕНТАРИИ

«Активистам» (Белсенділерге.) В 1931 году в Узун-Агаче состоялось собрание членов Союза кошчи. Какие-то люди не пустили Джамбула на это собрание. Тогда акын сложил эту песню. Слово «белсенділер» — «активисты» иронически было направлено Джамбулом в адрес некоторых перегибщиков.

Песня была записана от Джамбула в 30-х годах литературным секретарем Г. Ормановым. Перевел ее В. Копытин.

«На торжестве Казахстана» («Қазақстан тойына»). Акын сложил эту песню в 1924 году. Она посвящена 4-летнему юбилею Казахской Автономной Советской Социалистической Республики.

Позднее, со слов самого Джамбула, ее записал литературный секретарь акына Г. Орманов. Переводили ее К. Алтайский и В. Копытин. В настоящем издании печатается перевод В. Копытина.

«Берег времени» («Замана ағымы»). Это произведение было сложено акыном в 1927 году к 10-летнему юбилею Октябрьской социалистической революции.

Записал песню литературный секретарь Джамбула Г. Орманов в ноябре 1939 года. Перевел ее А. Брагин.

«Слово к молодежи» («Жастар алдындағы сөз»). С 16 по 18 июня 1934 года в Алма-Ате проводился первый республиканский слет мастеров искусства. На слете Джамбул пропел эту песню.

Лицо, записавшее песню, неизвестно. Перевел ее А. Брагин.

«На джайляу» («Жайлау»). Летом 1935 года Джамбул осматривал колхозные пастбища и под впечатлением увиденного сложил эту песню.

Лицо, записавшее песню, неизвестно. Переводили ее К. Алтайский и А. Жовтис. В настоящем издании печатается перевод А. Жовтиса.

«В мавзолее Ленина» («Ленин мавзолейінде»). 18 мая 1936 года Джамбул посетил мавзолей Владимира Ильича Ленина. Вечером под впечатлением пережитого он создает эту песню.

Песню записал литературный секретарь акына К. Абдыкадыров. Переводили ее П. Кузнецов и К. Алтайский. В настоящем издании печатается перевод П. Кузнецова.

«Аксакалу Калинин» («Калинин аксақалға»). Во время Декады казахской литературы и искусства в Москве в 1936 году Джамбул пропел эту песню, обращаясь к Председателю Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. И. Калинин.

Кто записал песню, неизвестно, перевел ее М. Тарловский.

«Песня при получении ордена» («Орден алғанда»). 26 мая 1936 года Джамбул был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Получая орден, Джамбул клянется служить Родине, партии и народу своей песней.

Записал песню Т. Жургенов, перевел ее К. Алтайский.
«Гасему Лахути» («Гасем Лахутига»).

В мае 1936 года таджикский поэт Гасем Лахути поздравил Джамбула с награждением орденом Трудового Красного Знамени.

ГАСЕМ ЛАХУТИ — ДЖАМБУЛУ

Порхай, ликуй, свободный соловей,
Над розою счастливою своей!
Рассыпь на землю серебристый гром,
Навстречу солнцу трели звонко лей.
Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.
Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.
Пой тополи: свободней ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся и алей!
Запой, и всюду смолкнут соловьи,
Певцы иных садов, иных полей.
С восторгом песни слушаю твои,
Акын Джамбул, казахский соловей...

Тогда же, в мае 1936 года, Джамбул сложил песню-ответ на поздравление Гасема Лахути.

Кто записал эту песню, неизвестно, перевел ее К. Алтайский.

«Умер большой человек» («Горькийге»). 18 июня 1936 года умер Алексей Максимович Горький. Когда Джамбул услышал о смерти А. М. Горького, он взял в руки домбру и сложил эту песню.

Песня записана К. Абдыкадыровым, перевел ее К. Алтайский.

«Великий закон» («Ұлы заң»). 12 июня 1936 года был обнародован проект Конституции Союза ССР. В течение четырех с половиной месяцев он обсуждался в массах. 26 августа 1936 года в колхозе «Ерназар» состоялся митинг, посвященный обсуждению проекта Конституции. На митинге Джамбул пропел эту песню.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел П. Кузнецов.

В предыдущих изданиях песня печаталась под иным названием. Новое ее название «Ұлы заң»—«Великий закон»— заимствовано из текста песни.

«Песня о Пушкине» («Асқан бұлбұл»). В феврале 1932 года в дни подготовки к 100-летию юбилею со дня смерти А. С. Пушкина Джамбул сложил эту песню.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский.

«Пушкину» («Пушкинге»). 10 февраля 1937 года Союз Советских писателей Казахстана проводил юбилейный пленум, посвященный 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. На этом пленуме Джамбул выступил с песней, которую пропел впервые 6 февраля в колхозе имени Куйбышева.

Текст записал К. Абдыкадыров. Переводили его А. Брагин и Н. Сидоренко. В настоящем издании печатается перевод А. Брагина.

«К Красной Армии» («Қызыл әскерге»). Эту песню в феврале 1937 года Джамбул сложил ко дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Текст записал К. Абдыкадыров. Переводили песню К. Алтайский и Л. Шифферс. В настоящем издании печатается перевод К. Алтайского.

«Союзная республика» («Одактас республика»). В марте 1936 года на десятом Всеказахстанском чрезвычайном съезде было оглашено, что Казахстан становится союзной республикой. На этом же съезде была принята новая Конституция Казахской Советской Социалистической Республики. Этому знаменательному событию и посвятил Джамбул свою песню о союзной республике.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский.

«Песня о зерне» («Егіс жыры»). Весной 1937 года, в апреле, во время сева Джамбул сложил эту песню.

Лицо, записавшее ее, неизвестно, перевел песню К. Алтайский.

«О змеях» («Сұр жылан»). В апреле 1937 года во время судебного процесса над троцкистской группировкой Джамбул с болью и гневом пропел эту песню.

Песню записал К. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский.

«Май» («Май»). Эту песню Джамбул посвятил 1 Мая 1937 года.

Кто записал песню, неизвестно, перевел К. Алтайский.

«Песня лета» («Жаз жыры»). Эту песню Джамбул пропел в мае 1937 года во время одной из обычных прогулок его по колхозным полям.

Песня записана Г. Ормановым, на русский язык ее перевели К. Алтайский, Л. Шифферс.

В настоящем издании публикуется перевод К. Алтайского.

«Алатау» («Алатау»). Эту песню Джамбул сложил в июле 1937 года после очередной прогулки по колхозным полям.

Песню записал А. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский.

«Песня о кумысе» («Қымыз»). В июле 1937 года Джамбул посетил расположенные под Алма-Атой санатории «Каменское плато» и «Турксиб». Беседуя с отдыхающими, Джамбул пропел эту песню.

Кто записал ее, неизвестно. Переводили песню К. Алтайский, С. Маршак и А. Глоба. В настоящем издании помещен перевод К. Алтайского.

«Испанским братьям» («Испандық туысқандарға»). 18 июля 1937 года отмечалась годовщина борьбы испанского народа с фашистскими войсками Франко. Эту песню Джамбул посвятил героическому народу Испании, борющемуся за свою свободу.

Кто записал ее, неизвестно, перевел К. Алтайский.

«Поэма о Ворошилове» («Ворошилов туралы поэма»). В канун двадцатилетнего юбилея Октябрьской социалистической революции Джамбул создает произведения об Октябрьской революции и гражданской войне. Одно из них — «Поэма о Ворошилове».

Кто записал текст поэмы, неизвестно, перевел К. Алтайский.

«Песня о братстве народов» («Халықтар туысқандығы»). Джамбул сложил эту песню в колхозе «Ерназар» 3 ноября 1937 года, накануне двадцатилетнего юбилея Октябрьской социалистической революции. Акын воспел несокрушимую дружбу народов СССР.

Кто записал песню, неизвестно. На русский язык переводили ее К. Алтайский (под названием «Песня о братстве народов») и В. Бугаевский (под названием «Дружба народов»). В сбор-

нике Джамбула «Песня о Москве» песня была опубликована дважды (под названием «Песня о братстве» и «Рубинами в небе пылает Москва»). Оба перевода К. Алтайского.

«Песня о большом караване» («Ұлы көш»). Эту песню Джамбул сложил 5 ноября 1937 года в колхозе «Ерназар».

Записал ее К. Абдыкадыров, переводили К. Алтайский и П. Шубин. В настоящее издание включен перевод К. Алтайского.

«Гимн Октябрю» («Октябрьдің ХХ жылдығына»). Эту песню Джамбул пропел 6 ноября 1937 года на торжественном собрании по случаю двадцатилетия Октябрьской революции.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел П. Кузнецов.

Точный перевод названия этой песни «К двадцатилетию Октября».

«Прощальная песня» («Өлгенің жоқ, сен тірі»). 23 ноября 1937 года скончался народный ашуг Дагестана Сулейман Стальский. Узнав о его смерти, Джамбул 26 ноября сложил эту песню.

Записал песню К. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский.

Точный перевод названия этой песни — «Не умер, жив ты».

«Шота Руставели» («Ақын Шота Руставели»). Эту песню Джамбул сложил в декабре 1937 года. Он посвятил ее творцу поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — Шота Руставели.

Записал песню Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Песня об Орынборе» («Орынбор қаласы туралы жыр»). По пути на Кавказ, проезжая через Оренбург, 19 декабря 1937 года Джамбул сложил эту песню.

Записал ее Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Песня про батыра Чапая» («Чапай»). 20 декабря 1937 года по пути на Кавказ, проезжая Куйбышевскую область, на станции Чапаевск Джамбул сложил эту песню.

Записал ее Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Советский Союз» («Одақ»). 30 декабря 1922 года было опубликовано историческое постановление о создании Союза Советских Социалистических Республик. К 15-летию этой знаменательной даты, 30 декабря 1937 года, Джамбул сложил свою песню о Советском Союзе.

Записал песню Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Ленин» («Ленин»). 21 декабря 1937 года, приехав в Москву, Джамбул еще раз посетил мавзолей и музей В. И. Ленина. Под впечатлением пережитого акын складывает песню про Ленина.

Записал песню Т. Жароков. На русский язык переводили ее К. Алтайский (под названием «Песня о Ленине») и А. Адалис (под названием «Джамбул слушает Ленина»). В настоящее издание включен перевод К. Алтайского.

«Сынам Тихого Дона» («Тынық Донның ұлдарына»). 23 декабря 1937 года Джамбул выехал из Москвы на Кавказ. Проезжая Ростов-на-Дону, он создал эту песню.

Песню записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Песня о жизни» («Өмір жыры»). 26 декабря 1937 года в городе Тбилиси открылся пленум Союза Советских писателей Грузии, посвященный 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Эту песню Джамбул сымпровизировал на пленуме.

Записал ее Т. Жароков. Песню переводили П. Кузнецов и Н. Сидоренко. В настоящем издании печатается перевод П. Кузнецова.

«Армия народа» («Халық армиясы»). В начале марта 1938 года, проезжая по колхозным полям своего Узун-Агачского района, акын симпровизировал эту песню, в которой воспроизвел страницы истории казахского народа. С ненавистью вспоминал акын о ханах и воспел Советскую армию, разгромившую контрреволюционеров и белогвардейцев.

Песню записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Песня об искусстве» («Өнердің өсуі»). 1 марта 1938 года Джамбул посетил театр оперы и балета имени Абая в Алма-Ате. Там, беседа с народной артисткой Союза ССР Куляш Байсеитовой и другими артистами, акын симпровизировал эту песню.

Песню записал К. Абдыкадыров, переводили ее И. Сельвинский и П. Кузнецов.

В настоящем издании печатается перевод П. Кузнецова.

«Батырам полюса» («Ұлдарым — папаниншілерге»). 19 февраля 1938 года, после того как папанинцы вернулись в столицу нашей Родины Москву, Джамбул, услышав эту радостную весть, сложил свою песню.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел К. Алтайский. Более точный перевод названия песни — «Моим сыновьям-папанинцам».

«Солнечный луч» («Күн нұры»). Джамбул сложил эту песню о Горьком 20 марта 1938 года.

Записал ее К. Абдыкадыров. Песню переводили Н. Сидоренко (под названием «Солнечный луч»), К. Алтайский (под названием «О солнечном Горьком») и П. Кузнецов (под названием «Светило Родины»). В настоящем издании печатается перевод Н. Сидоренко.

«Куйбышеву» («Куйбышевке»). 23 марта 1938 года Джамбул посвятил эту песню В. В. Куйбышеву.

Песню записал К. Абдыкадыров, перевел П. Кузнецов.

«Песня о счастье» («Бақыт туралы жыр»). В апреле 1938 года, беседа с колхозниками, акын симпровизировал эту песню.

Кто записал текст, неизвестно, перевел К. Алтайский.

«Кляча и тулпар» («Мәстек пен тұлпар»). 12 апреля 1938 года правительство Казахской ССР подарило Джамбулу коня. Осматривая коня, Джамбул сравнил свою дореволюционную жизнь с клячей, а настоящую — со скакуном.

Кто записал песню, неизвестно, переводили ее Я. Смеляков и К. Алтайский. В настоящем издании печатается перевод Я. Смелякова.

«Я народу служу» («Тағы бітті жаңа күш»). 17 мая 1938 года открылся III республиканский слет мастеров народного искусства, посвященный 75-летию юбилею творческой деятельности Джамбула.

Эту песню Джамбул сложил на слете.

Записал ее К. Абдыкадыров, переводили: Д. Снегин (под названием «Я народу служу») и Т. Стрешнева (под названием «Я почувствовал сил приток»). В настоящем издании печатается перевод Д. Снегина. Более точный перевод названия песни — «Прибыли (ко мне) еще новые силы».

«Моя жизнь» («Менің өмірім»). 24 июня 1938 года накануне выборов в Верховный Совет Казахской ССР (первого созыва) народ выдвинул Джамбула своим кандидатом в депутаты. 10 июня 1938 года акын с этой поэтической автобиографией выступил перед избирателями.

Текст записал К. Абдыкадыров, перевел П. Кузнецов.
«Сыновьям народа» («Халық ұлдарына»). 16 июля 1938 года в ауле Джамбула побывал командир Н-ской части Советской Армии Борис Ярков. Беседа с ним, Джамбул сложил эту песню. Кто записал текст, неизвестно, перевел П. Кузнецов.

«Дню железнодорожника» («Теміржолшылар күніне»). 29 июля 1938 года этой песней Джамбул приветствовал Всесоюзный день железнодорожника.

Кто записал песню, неизвестно, переводили ее П. Кузнецов и Н. Асанов. В настоящее издание включен перевод П. Кузнецова.
«Пуля врагу» («Жауға оқ»). 29 июля 1938 года японские империалисты вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан. Услышав эту весть 30 июля, Джамбул сымпровизировал эту песню.

Текст записал К. Абдыкадыров, перевел Л. Шифферс.
«Орлы нашей Родины» («Біздің Отанның қырандары»). Песня сложена 6 августа 1938 года, когда советские воины очистили советскую землю от японских интервентов.

Записал песню Т. Жароков, переводили Д. Снегин и П. Кузнецов. В настоящем издании печатается перевод Д. Снегина.

«Ученому брату» («Ғалым ініме — академик Келлерге»). В августе 1938 года из Москвы в Алма-Ату приехал известный ученый академик Борис Александрович Келлер.

22 августа Б. А. Келлер посетил аул Джамбула. Беседа с академиком, Джамбул сымпровизировал эту песню.

Записал ее К. Абдыкадыров, перевел П. Кузнецов.

«Комсомолу» («Жастық жыры»). 29 октября 1938 года праздновался двадцатилетний юбилей ВЛКСМ. Свою песню Джамбул посвятил этому славному юбилею.

Записал ее Т. Жароков, переводили песню М. Исаковский (под названием «Комсомолу») и П. Шубин (под названием «Из песни молодости»). В настоящем издании печатается перевод М. Исаковского.

Точный перевод названия «Песня молодости».

«Здоровье народа» («Дэрігерлер съезіне»). 1 декабря 1938 года в Алма-Ате открылся Первый съезд работников здравоохранения. 27 ноября по пути в Москву Джамбул сложил эту песню и послал ее участникам съезда.

Песню записал литературный секретарь акына К. Сатыбалдин, перевел П. Кузнецов. Во всех сборниках она печаталась под названием «Здоровье народа», в сборнике «Суранши-батыр» 1940 года песня названа иначе — «Здоровье народа дороже всего».

«Я песню пою в лучезарном Кремле» («Ленин орденін алғанда»). 2 декабря 1938 года в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил Джамбулу орден Ленина. Акын был награжден указом от 20 мая 1938 года. Получая орден, Джамбул сымпровизировал эту песню.

Записал ее К. Сатыбалдин, перевел П. Кузнецов. Точный перевод названия — «При получении ордена Ленина».

«Газете «Социалистик Қазақстан» («Социалистик Қазақстан» газеті тойына»). 23 декабря 1938 года вышел пятидесятичный номер газеты «Социалистик Қазақстан» — органа Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, Верховного Совета КазССР

и Алма-Атинского обкома партии и облисполкома. Джамбул свою песню посвятил этой дате.

Записал ее К. Сатыбалдин, перевел К. Алтайский.

«За большой урожай» («Егіс жыры»). Песня записана Т. Жароковым 29 января 1939 года. Перевел ее П. Кузнецов.

«Батырам нашей Родины» («Отанымның батырларына»). 3 января 1939 года был опубликован в газетах Указ Президиума Верховного Совета СССР с текстом присяги воинов Советской Армии, моряков Военно-Морского флота и летчиков военной авиации. Песня «Батыры нашей Родины» посвящена этому событию.

Записал песню Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Тарас» («Тарас»). Песня исполнена Джамбулом в связи со 125-летием со дня рождения Тараса Шевченко — великого украинского поэта-революционера. На казахском языке впервые опубликована 9 марта 1939 года. Записал песню Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Съезду победителей» («Жеңімпаздар съезіне»). 10 марта 1939 года — день открытия Восемнадцатого съезда Коммунистической партии Советского Союза. Песня Джамбула была посвящена этому событию. Записал песню А. Тажибаев, перевел П. Кузнецов.

«Весна» («Еңбек көктемі»). Песня-призыв к колхозникам. Записал К. Абдыкадыров, перевел А. Глоба.

«Праздник весны» («Май жыры»). Пропета в 1939 году в честь Первого мая.

Кто записал, неизвестно, перевел П. Кузнецов.

Более точный перевод названия — «Майская песня».

«Мастерам животноводства» («Мал өсірушілерге»). Пропета Джамбулом 25 июня 1939 года на четвертом республиканском съезде стахановцев-животноводов.

Записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Казна народа» («Халық қазынасы»). Исполнена Джамбулом по поводу открытия 1 августа 1939 года Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Записал Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Духи» («Иіс май»). 9 ноября 1939 года Джамбул собирался на республиканский слет акынов. Его опрыскали духами. Тогда акын сложил эту песню.

Записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Наш Киров» («Біздің Киров»). Песня сложена в конце ноября 1939 года в связи с пятилетием со дня злодейского убийства С. М. Кирова.

Записал песню Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Дорога в степи» («Арқаның арқауы»). Песня сложена в феврале 1940 года по поводу окончания строительства железной дороги Акмолинск — Карталы.

Кто записал песню, неизвестно, перевел П. Кузнецов.

«Батыр в стальной шубе» («Болат тонды батыр»). Песня сложена в 1940 году и посвящается войскам Ленинградского военного округа, а также частям Краснойзнаменной Балтийского флота, защитившим Карельский перешеек и город Ленинград от нападения белофинских захватчиков.

Записана песня Т. Жароковым, переведена дважды: П. Кузнецовым и П. Шубиным. В настоящем издании печатается перевод П. Кузнецова.

«Тезекбаю» («Тезекбайға»). Песенное обращение Джамбула к своему сыну Тезекбаю сложено в 1940 году. Текст его записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Съезду большевиков» («Қазақстан коммунистерінің ІІІ съезін құттықтау»). Исполнено Джамбулом 16 марта 1940 года в Алма-Ате на третьем съезде Коммунистической партии Казахстана, где акын присутствовал в качестве гостя.

Записал песню-приветствие Т. Жароков, перевел П. Шубин.

Более точный перевод заглавия — «Приветствие третьему съезду коммунистов Казахстана».

«Богатырь песни» («Жыр батыры»). Исполнено в апреле 1940 года в Москве на пленуме Союза советских писателей, посвященном десятилетию со дня смерти Маяковского. По приглашению президиума Союза писателей СССР Джамбул был участником пленума.

Песню записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Рождение жизни» («Өмірдің тууы»). Сказ сложен акыном в 1940 году в Москве, когда он приезжал в столицу для участия в пленуме Союза писателей СССР.

В гостинице «Москва», где проживал Джамбул, его посещали приехавшие в столицу люди разных наций, профессий, возрастов. Им акын однажды, когда собралось особенно много гостей, поведал свой сказ.

Текст записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Видел я родной Казахстан» («Бұрынғы Қазақстан туралы»). Создано 7 июля 1940 года после того как Джамбул просмотрел кинофильм о прошлом Казахстана.

Текст записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

Более точный перевод заглавия — «О прошлом Казахстана».

«В горах» («Мен бір шал тоқсан жасты құрдас еткен»). Исполнена в июле 1940 года, когда аул акына переехал на летовку в предгорья.

Во время прогулки как-то раз Джамбул попытался подняться на гору, почувствовав усталость, вынужден был передохнуть. Тут и была сложена песня.

Текст записал сопровождавший акына на прогулке Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

Точный перевод заглавия — «Я старик, ровесник девяностолетним».

«К портрету Абая» («Абайдың суретіне»). В августе 1940 года в Алма-Ате проходило собрание писателей и деятелей культуры, посвященное девяностопятилетию со дня рождения поэта-просветителя Абая Кунанбаева. Джамбул под впечатлением всего, что услышал об Абая, обратился к его портрету и тут же на собрании сложил свою песню.

Текст ее записал Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Я тополь столетний» («Мен бір биік бәйтерек»). Песня сложена 1 ноября 1940 года в честь двадцатилетия Казахской республики. Записал ее Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

Точный перевод названия — «Я тополь высокий».

«Барлыбаеву» («Елімде көптен жүрген мен бір тауық»). Пропето 25 ноября 1940 года при посещении Джамбула врачом Халибом Барлыбаевым.

Кто записал текст, неизвестно, перевел П. Кузнецов.

Точный перевод заглавия: «Я курица, среди народа долго прожившая».

«Старость» («Сакалым темір күрек борга малган»). В феврале 1941 года, собираясь в Алма-Ату на сессию Верховного Совета, Джамбул посмотрел на себя в зеркало и спел эту песню.

Записал ее Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

Точный перевод названия — «Борода моя, как железная лопата, покрытая мелом».

«Достиг я, шагая, вершины горы» («Жетіппін жүре-жүре қыр басына»). Песенное обращение Джамбула к своему врачу Досымбекову, исполненное в ауле во время их совместного отдыха в 1941 году.

Текст записал Г. Орманов, перевел П. Кузнецов.

«Гимн весне и Первомаю» («Көктем менен май данқы»). Песня эта сложена в честь праздника Первого мая 1941 года.

Записал ее Т. Жароков, перевел П. Кузнецов.

«Богатство земли» («Жер байлығы»). Песня сложена 7 июня 1941 года при выезде Джамбула на поле колхоза, носящего его имя.

Записал ее Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Лентяям» («Жалқауларға»). В летние месяцы Джамбул имел обыкновение выезжать в колхозы. Здесь он давал советы, критиковал недостатки, подбадривал колхозников. Песня «Лентяям» сложена во время одной из таких поездок. Акын раскрывает в песне смысл казахской поговорки: «Лентяй работает где полегче, обходит, где тяжело».

Кто записал песню, неизвестно, перевел К. Алтайский.

«Кулансаз — наша летовка» («Жайлауымыз құлансаз»). Исполнена 14 июня 1941 года в момент поездки на джайляу (летовку) Кулансаз.

Записал песню Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«Ленинградцы, дети мои!» («Ленинградтық өрендерім»). Джамбул пристально следил за ходом событий Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 года акын услышал по радио сообщение Совинформбюро об опасности, нависшей над Ленинградом. Тогда же Джамбул обратился к защитникам города с призывом отстоять Ленинград.

Текст «Ленинградцы, дети мои!» был передан по радио, напечатан во многих газетах. Расклеенные на стенах домов плакаты со словами Джамбула вдохновляли и поддерживали волю к борьбе у жителей осажденного Ленинграда.

Текст записали Т. Жароков и Г. Орманов, перевел М. Тарловский.

«Москве» («Москваға»). Песня создана во второй половине сентября 1941 года. Поводом к созданию послужил подвиг двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, не пропустивших фашистов у разъезда Дубосеково под Москвой.

Джамбул узнал об этом из сообщения по радио и, взволнованный им, сложил свое песенное послание.

Песню записал Т. Жароков, перевел М. Тарловский.

«Выстоит племя богатырей» («Аттан, батыр ұрпағым»). Песня была пропета Джамбулом в честь двадцатичетырехлетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Кто записал текст, неизвестно, перевел М. Тарловский.

Более точный перевод названия — «На коней, потомки батыров».

«Советским гвардейцам» («Совет гвардеецтеріне»). В ноябре 1941 года 316-я дивизия, сформированная в Казахстане, была переименована в 8-ю гвардейскую дивизию. В честь этого события Джамбул сложил песню — посвящение «Советским гвардейцам».

Песню записал Т. Жароков, перевел М. Тарловский.

«В новогодний торжественный час» («Жаңа жылдың кезеңі»). Песня посвящена наступлению нового 1942 года.

Кто записал ее, неизвестно, перевел М. Тарловский.

«Советским воинам» («Совет жауынгерлеріне»). Пропето по поводу 24-летия Советской Армии и Военно-Морского флота в 1942 году.

Записал песню Т. Жароков, перевел М. Тарловский.

«Сынам любимой Родины» («Сүйікті Отанымның ұлдарына»).

В дни Великой Отечественной войны Джамбул постоянно получал письма от фронтовиков. С письмом к акыну обратился солдат Дюйсебай Сеитов и офицер Борис Сахаров. Они писали: «Великан поэзии, Джамбул-ата! Мы, дети казахского и русского народов, на фронте в окопах готовимся к полному уничтожению фашистов. Присылайте нам свои могучие песни. Ваши песни нам всегда помогают». Джамбул ответил им песней-посланием «Сынам любимой Родины».

Песню записал Г. Орманов, перевел М. Тарловский.

«Городу Ленинских зорь» («Сыйлық»). В 1942 году из Казахстана защитникам осажденного Ленинграда был отправлен эшелон с подарками. По этому поводу Джамбул сложил песню, призывая крепить единство фронта и тыла, снабжать всем необходимым фронтовиков-бойцов.

Песню записал Г. Орманов, перевел М. Тарловский.

Точное названия — «Подарок».

«Дружба народов» («Қаһарман халық достығы»). В 1942 году начато освобождение советскими войсками Украины от фашистских захватчиков. Вступив на украинскую землю, воины-казахи целовали ее. Увидев в этом проявление патриотизма и дружбы народов, Джамбул на эту тему сложил свою песню.

Г. Орманов записал ее, перевел М. Тарловский.

Более точный перевод заглавия — «Героическая дружба народов».

«Приказ Родины» («Отан әмірі»). Песня сложена в 1942 году, когда фашистские захватчики угрожали Кавказу.

Текст записал Г. Орманов, перевела А. Адалис.

«Сказание о большевистской правде» («Большевиктік шындық туралы»). Пропето по поводу двадцатипятилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Текст записал С. Муканов, перевел М. Тарловский.

«Несокрушимая крепость» («Алынбас қамал»). Песня пропета в конце 1942 года в дни тяжелых боев Советской Армии за Сталинград.

Записал ее Г. Орманов, перевел М. Тарловский.

«Проводы» («Аттандыру»). Песня пропета в 1942 году. Поводом к ее созданию послужили проводы сына Джамбула Алгадая на фронт.

Текст записал Г. Орманов, перевел Д. Снегин.

«Тебе, комсомолец Ленинграда» («Ленинград жастарына»). В январе 1943 года корреспондент газеты «Ленинское племя» (Ленин-

град) побывал у Джамбула. Он много рассказывал акыну о молодых защитниках Ленинграда. Джамбул просил его передать привет и песню героической ленинградской молодежи.

Текст песни записал Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
«**Ответ сыну**» («**Балама хат**»). Песенное послание — ответ на одно из многочисленных коллективных писем, которые Джамбул получал с фронта от своего сына Алгадая и его товарищей.

Текст песни записал Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
Более точный перевод названия — «**Письмо моему сыну**».
«**Богатырям, ломающим преграды**» («**Камал бұзган қаһарман**»). Песня-приветствие в честь двадцатипятилетия Советской Армии и Военно-Морского флота. Пропета в феврале 1943 года.

Записал ее Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
Более точный перевод названия: «**Герой, разрушающий крепость**».

«**Клятва под знаменем**» («**Ту астындағы ант**»). В апреле 1943 года Казахстану за достижения в развитии животноводства было вручено переходящее Красное знамя Комитета Обороны СССР. Песню «Клятва под знаменем» Джамбул сложил как ответ тружеников Советского Казахстана на это награждение.

Записал песню Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
«**Светлый праздник наш недалек**» («**Той күні таяу**»). Песня сложена в связи с переходом в 1943 году войск Советской Армии в наступление на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Записал песню Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
«**Боевым страницам**» («**Қызыл жұлдыз**» газетіне»). Сложена в 1943 году и содержит приветствие газете «Красная звезда», издававшейся Народным Комиссариатом Обороны СССР.

Записал песню Г. Орманов, перевел М. Тарловский.
«**Мысли об Алгадае**» («**Алғадай туралы әрбір ой**»). Песня мужества и скорби, пережитой Джамбулом с получением известия о гибели на фронте Отечественной войны его любимого сына Алгадая в 1943 году.

Текст записал Г. Орманов, перевел Д. Снегин.
«**Ласка деда**» («**Атаның әлдіі**»). Песня спета акыном своему внуку Куанышу, сыну погибшего на фронте Алгадая.

Текст записал Г. Орманов, перевел А. Брагин.
«**Обращение к акынам**» («**Ақындарға арнау**»). В декабре 1943 года в Алма-Ате проходил айтыс акынов. В нём участвовали многие видные акыны республики. По праву старейшего Джамбул открыл айтыс песней «Обращение к акынам».

На русский язык «Обращение» перевел А. Хазин.
«**Знамя батыра**» («**Батыр туы**»). В мае 1944 года исполнилось 25 лет со дня смерти одного из героев гражданской войны в Казахстане, большевика-казаха Амангельды Иманова, убитого врагами народа.

Легендарному батыру Амангельды Джамбул посвятил свою песню.

Текст песни записал Г. Орманов, перевел А. Жовтис.
«**Последнее слово**» («**Соңғы сөз**»). Песня сложена Джамбулом 27 декабря 1944 года в присутствии детей и родных, пришедших проводить больного акына, которому надо было ехать в Алма-Ату лечиться.

Песню записал Г. Орманов, перевел А. Брагин.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

- А га** (агай) — старший брат, почтительное обращение к старшим.
А к с а к а л — буквально: белобородый, почетное обращение к пожилому человеку, старику.
А л а т а у — горы, у подножья которых расположен аул Джамбула.
А л а ш - О р д а — буржуазно-националистическая организация, выступавшая против Советской власти в Казахстане и поддерживавшая контрреволюционное движение белогвардейцев.
А л и б е к — герой казахского эпоса «Айман — Шолпан».
А р г ы н — наименование казахского рода.
А р х а р — горный козел.
А с а н - К а й г ы — герой казахских легенд, который ищет для народа землю обетованную.
А с к е р — солдат, воин; кзыл аскер — красноармеец.
А т а — отец, дед, ласковое обращение к старику, уважаемому человеку.

Б

- Б а й г у с** — нищий, бедняк.
Б а й — богач.
Б а й г а (байге) — конские скачки — одно из любимых народных зрелищ.
Б а т м а н — мера веса от двух пудов и выше. Здесь — мешок подобной вместимости.
Б е к — князь, знатный человек.
Б е к е т — герой казахского эпоса «Бекет-батыр».
Б е с б а р м а к — буквально: пять пальцев, мясное блюдо у казахов.
Б е т п а к д а л а — Голодная степь.
Б и й — судья, знаток обычного права.
Б и ш а р а — бедняга, несчастный.
Б о з б а л а — парень.

Д

- Д а н ы ш п а н** (дана) — мудрец, мудрый.
Д а р ь я — река.
Д ж а й л я у — летнее пастбище.
Д ж а н г е р (джангир) — последний казахский хан, правил в первой половине XIX века.
Д ж е й р а н — антилопа.
Д ж е т ы с у — буквально: страна семи рек, Семиречье, прежнее название территории в Юго-Восточном Казахстане, соответствующей территории нынешних Алма-Атинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР.
Д ж и г и т — парень, молодец.
Д ж у с а н — полынь.
Д о м б р а — народный музыкальный двухструнный инструмент.
Д у в а л — глинобитный забор. Здесь — в значении старая граница СССР.

Е

Е д и л ь — река Волга.

Е р н а з а р — название колхоза Узунагачского района Алма-Атинской области, где жил Джамбул. Ныне этот колхоз переименован в колхоз им. Джамбула Джамбулского района.

Ж

Ж а и к — река Урал.

Ж а к е — почтительная или интимно-ласковая форма от имени Джамбул.

Ж а л б ы р — один из предводителей восстания казахов против царского самодержавия в 1916 году.

Ж е н т — лакомое кушанье, приготовленное из сушеного толченого творога или пшена с маслом и сахаром.

Ж е р-у ю к — легендарная страна счастья и благополучия в казахском народном творчестве.

Ж ы р — стих, эпос.

Ж ы р ш и — сказители, певцы.

З

З а м а н — эпоха.

З е к е т — налог.

И

И с а т а й (Тайманов) — предводитель народного восстания против Джангир-хана в Западном Казахстане в первой половине XIX века.

И с к а н д е р — Александр Македонский.

К

К а д и (казы) — судья, судящий по мусульманскому закону.

К а з а н — чугунный котел для варки пищи.

К а з а н а т — породистый чистокровный конь, конь батыра, отличающийся исключительной быстротой.

К а з ы — копченая колбаса из конины, одно из самых лакомых блюд казахской национальной кухни.

К а й м а к — сливки.

К а м ч а — плеть.

К а р а к у р т — ядовитый паук.

К а р а - т о р г а й — скворец.

К а с к е л е н — река и поселок, ныне районный центр Алма-Атинской области.

К а с т е к — селение близ аула Джамбула в Джамбулском районе Алма-Атинской области.

К е д е й — бедняк.

К е н е с а р ы — Кенесары Касымов, хан Среднего казахского жуза, предводитель феодально-монархического антинародного движения 1837-1848 годов.

К е р - О г л ы (Кор-Оглы) — герой эпических сказаний, бытующих у тюркоязычных народов Средней Азии и Кавказа.

К е р с е н ь — большая деревянная чаша.

К о к а н — Коканд.

К о к ш е т а у — Кокчетав, горная местность в Северном Казахстане.

К о р к у т — 1) святой, могила которого на берегу Сырдарьи была предметом почитания мусульман; 2) легендарный создатель кобыза — казахского народного смычкового инструмента; 3) легендарный родоначальник казахского народного искусства песни и музыки.

К о т а н — площадь посредине аула, где обычно собирается народ.

К ы с т а у — зимовка.

К у а н д ы к, К у л — акыны из рода Албан.

К у л а н — дикая лошадь, лошадь Пржевальского.

К у л а н с а з — наименование колхоза Джамбулского района.

К у л я ш — К. Байсеитова, народная артистка СССР.

К у м ы с — заквашенное кобылье молоко.

К у н — плата роду за кровь убитого.

К у р п е — стеганое одеяло.

К у л м а н б е т, К у л у н ш а к, М а й к о т, М а й к е, М а й л ы к о - ж а — акыны, мастера айтыса.

К ю й — мелодия без слов.

М

М а л а й — батрак.

М а н а п ы — феодально-родовая верхушка у киргизов и отчасти у казахов.

М а н г ы с т а у — горы на полуострове Мангышлак в Гурьевской области.

М е й р а м — праздник.

М у р з а (мырза) — 1) щедрый; 2) знатный человек.

Н

Н а м а з — пятикратный молитвенный обряд, обязательный в течение суток для правоверного мусульманина.

Н а р — одnogорбый верблюд.

Н а й м а н — наименование казахского рода.

Н а с ы б а й — табак, закладываемый за губу.

О

О р ы н б о р — казахская огласовка слова Оренбург.

О т а у — юрта молодоженов.

Р

Р у с т е м — герой поэмы «Шах-наме» Фирдоуси.

Р у с т е м - д а с т а н — сказание о батыре Рустеме.

С

С а б а — большой кожаный мешок для приготовления и хранения кумыса.

С а л а м (салем) — привет.

С а р б а з — повстанец, солдат.

С е м ь п а л а т — город Семипалатинск.

С а р с у — сыворotka.

С у р п а — мясной бульон.

С а р ы а р к а — народное наименование степей Арало-Иртышского водораздела.

С у ю м б а й (Аронов) — народный акын Семиречья, жил и творил в Семиречье в XIX веке. Широко известны поэтические обличения Суюмбая, обращенные к султану Тезеку. Суюмбай передал Джамбулу искусство песенной импровизации.

Т

Т а р г ы н — герой одноименного казахского эпоса.

Т е к е - ж а у м у д — порода лошадей в Туркмении.

Т е м и р - ж о л — железная дорога.

Т о р ь — почетное место в юрте.

Т у г ы р — подставка, шест, на который сажают сокола.

Т у л п а р — скакун, богатырский конь.

У

У з у н - А г а ч — река и название районного центра Джамбулского района Алма-Атинской области.

У з у н - к у л а к — слухи.

У т е г е н, **С а у р ы к**, **С у р а н ш и**, **С ы п а т а й** — батыры родов Шапрашты и Дулат, получившие известность в народе в эпоху борьбы с джунгарскими и кокандскими завоевателями.

Х

Х а б а р — новости, вести.

Х а д ж и — паломник, посетивший Мекку.

Ш

Ш о ж е, **Б у х а р**, **Б а л т а** — жырау и акыны XVIII-XIX веков.

Ш о л п а н — Венера (звезда).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1921-1945)

Активистам. Перевод <i>В. Копытина</i>	5
На торжестве Казахстана. Перевод <i>В. Копытина</i>	6
Бег времени. Перевод <i>А. Брагина</i>	6
Слово к молодежи. Перевод <i>А. Брагина</i>	30
На джайлау. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	32
В мавзолее Ленина. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	33
Аксакалу Калинину. Перевод <i>М. Тарловского</i>	34
Песня при получении ордена. Перевод <i>К. Алтайского</i>	35
Гасему Лахути. Перевод <i>К. Алтайского</i>	36
Умер большой человек. Перевод <i>К. Алтайского</i>	38
Великий закон. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	39
Песня о Пушкине. Перевод <i>К. Алтайского</i>	41
Пушкину. Перевод <i>А. Брагина</i>	41
К Красной Армии. Перевод <i>К. Алтайского</i>	43
Союзная республика. Перевод <i>К. Алтайского</i>	44
Песня о зерне. Перевод <i>К. Алтайского</i>	45
О змеях. Перевод <i>К. Алтайского</i>	46
Май. Перевод <i>К. Алтайского</i>	47
Песня лета. Перевод <i>К. Алтайского</i>	48
Алатау. Перевод <i>К. Алтайского</i>	50
Песня о кумысе. Перевод <i>К. Алтайского</i>	51
Испанским братьям. Перевод <i>К. Алтайского</i>	52
Поэма о Ворошилове. Перевод <i>К. Алтайского</i>	53
Песня о братстве народов. Перевод <i>К. Алтайского</i>	66
Песня о большом караване. Перевод <i>К. Алтайского</i>	68
Гимн Октябрю. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	70
Прощальная песня. Перевод <i>К. Алтайского</i>	72
Шота Руставели. Перевод <i>К. Алтайского</i>	73
Песня об Орынборе. Перевод <i>К. Алтайского</i>	74
Песня про батыра Чапая. Перевод <i>К. Алтайского</i>	77
Советский Союз. Перевод <i>К. Алтайского</i>	79
Ленин. Перевод <i>К. Алтайского</i>	81
Сынам Тихого Дона. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	82
Песня о жизни. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	83
Армия народа. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	86
Песня об искусстве. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	87
Батырам полюса. Перевод <i>К. Алтайского</i>	88
Солнечный луч. Перевод <i>Н. Сидоренко</i>	89
Куйбышву. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	90
Песня о счастье. Перевод <i>К. Алтайского</i>	91
Кляча и тулпар. Перевод <i>Я. Смелякова</i>	92
Я народу служу. Перевод <i>Д. Снегина</i>	95
Моя жизнь. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	97

Сыновьям народа. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	103
Дню железнодорожника. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	103
Пуля врагу. Перевод <i>Л. Шифферса</i>	104
Орлы нашей Родины. Перевод <i>Д. Снегина</i>	106
Ученому брату. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	107
Комсомолу. Перевод <i>М. Исаковского</i>	108
Здоровье народа. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	110
Я песню пою в лучезарном Кремле. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	111
Газете «Социалистик Казахстан». Перевод <i>К. Алтайского</i>	112
За большой урожай. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	112
Батырам нашей Родины. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	114
Тарас. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	116
Съезду победителей. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	118
Весна. Перевод <i>А. Глобы</i>	120
Праздник весны. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	121
Мастерам животноводства. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	122
Казна народа. Перевод <i>К. Алтайского</i>	124
Духи. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	127
Наш Киров. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	127
Дорога в степи. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	129
Батыр в стальной шубе. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	129
Тезекбаю. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	131
Съезду большевиков. Перевод <i>П. Шубина</i>	132
Богатырь песни. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	134
Рождение жизни. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	136
Видел я родной Казахстан. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	140
В горах. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	142
К портрету Абая. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	142
Я — тополь столетний. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	143
Барлыбаеву. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	143
Старость. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	144
Достиг я, шагая, вершины горы. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	144
Гимн весне и Первомаю. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	145
Богатство земли. Перевод <i>К. Алтайского</i>	146
Лентяям. Перевод <i>К. Алтайского</i>	146
Кулансаз — наша летовка. Перевод <i>К. Алтайского</i>	147
Ленинградцы, дети мои! Перевод <i>М. Тарловского</i>	148
Москве. Перевод <i>М. Тарловского</i>	152
Выстоит племя богатырей. Перевод <i>М. Тарловского</i>	156
Советским гвардейцам. Перевод <i>М. Тарловского</i>	157
В новогодний торжественный час. Перевод <i>М. Тарловского</i>	159
Советским воинам. Перевод <i>М. Тарловского</i>	160
Сынам любимой Родины. Перевод <i>М. Тарловского</i>	161
Песнявесны. Перевод <i>М. Тарловского</i>	162
Городу Ленинских зорь. Перевод <i>М. Тарловского</i>	163
Дружба народов. Перевод <i>М. Тарловского</i>	164
Приказ Родины. Перевод <i>А. Адалис</i>	166
Сказание о большевистской правде. Перевод <i>М. Тарловского</i>	168
Несокрушимая крепость. Перевод <i>М. Тарловского</i>	172
Проводы. Перевод <i>Д. Снегина</i>	173
Тебе, комсомолец Ленинграда. Перевод <i>М. Тарловского</i>	174
Ответ сыну. Перевод <i>М. Тарловского</i>	176
Богатырям, ломающим преграды. Перевод <i>М. Тарловского</i>	178
Клятва под знаменем. Перевод <i>М. Тарловского</i>	181

Светлый праздник наш недалек. Перевод <i>М. Тарловского</i>	183
Боевым страницам. Перевод <i>М. Тарловского</i>	183
Мысли об Алгадае. Перевод <i>Д. Снегина</i>	184
Ласка деда. Перевод <i>А. Брагина</i>	185
Обращение к Акынам. Перевод <i>А. Хазина</i>	186
Знамя батыра. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	188
Последнее слово. Перевод <i>А. Брагина</i>	189
Комментарии	190
Пояснительный словарь	201

Джамбул Джабаев
в двух томах
том второй

Произведения советского периода
(перевод с казахского)

Редактор Т. Шаханов
Художник Н. Бубэ
Художественный редактор Б. Табылдиев
Технический редактор К. Турымбетова
Корректор Ш. Мукажанова

ИБ 3625

Сдано в набор 17.06.86. Подписано в печать 30.11.87. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Тип Таймс». 13,0 п. л. Усл. п. л. 10,1+0,2 вкл. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 20 000 экз. Зак. 805. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.